

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Проблемно-тематическое издание материалов конференции «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» посвящено актуальным проблемам палеографии, кодикологии, дипломатики, генеалогии, просопографии, ономастики, сфрагистики, геральдики, эмблематики, исторической хронологии и метрологии, исторической географии и картографии, нумизматики, вопросам истории естественного знания, истории и историографии вспомогательных исторических дисциплин, а также использованию информационных технологий в исторических исследованиях.

А К В И Л О Н

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«АКВИЛОН»

А К В И Л О Н

МОСКВА

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
XXXVII НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**МОСКВА
1–2 ОКТЯБРЯ 2026 ГОДА**

А К В И Л О Н

МОСКВА 2026

УДК 930(08)
ББК 63.2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*М.Ю. Борисов (отв. секретарь), С.В. Зверев, Н.А. Комочев,
И.Г. Коновалова (ред.), М.С. Петрова, Е.В. Пчелов (ред.),
К.С. Худин (отв. секретарь), А.П. Черных, Ю.Э. Шустова*

В 85 Вспомогательные исторические дисциплины
 в современном научном знании: Материалы XXXVII
 научной конференции. Москва, 1–2 октября 2026 г. / Общая
 редакция и составление И.Г. Коноваловой, Е.В. Пчелова. –
 М.: Аквилон, 2026. – 160 с.

В проблемно-тематическом издании материалов конференции рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география и картография, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественнонаучного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин.

Научное издание

ISBN 978–5–6053860–9–4

- © Коновалова И.Г., Пчелов Е.В., общая редакция,
составление, 2026
- © Коллектив авторов, 2026
- © Редколлегия, составление, 2026
- © Институт всеобщей истории РАН, 2026
- © Российский государственный гуманитарный
университет, 2026
- © НИЦ «Аквилон», 2026

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом
без письменного соглашения с издательством запрещается*

РОДЫ КНЯЗЕЙ СУМБАТОВЫХ / СУМБАТАШВИЛИ В РОССИИ

*Р.М. Абрамян
к. пед. н., Армянское
историко-родословное общество, Москва*

Генеалогия картлийских князей (тавадов) Сумбаташвили может быть прослежена с начала XVII века. Предполагается, что эта семья имеет общее происхождение с дворянами (азнаурами) Манучаришвили. На протяжении XVII–XVIII вв. Сумбаташвили упоминаются в качестве землевладельцев и придворных картлийских царей. Фамилия значится в списке князей Картли, приложенном к Георгиевскому трактату 1783 г. и в Высочайше утвержденным списках князьям и дворянам Грузии 1850 года. Наиболее известными представителями рода князей Сумбатовых в XIX–XX веках являются генерал-майор Михаил-Луарсабович (1822–1886), генерал-лейтенант и предводитель дворянства Тифлисской губернии Давид Александрович (*1831), а также известный актер и драматург Александр Иванович (1857–1927) Сумбатов-Южин. Обращают на себя внимание брачные связи Сумбатовых с высшей грузинской аристократией, в том числе с домом Багратионов. В этноконфессиональном отношении члены рода были православными грузинами. Вместе с тем в известном сочинении Иоанне Батонишвили говорится о происхождении рода от «армянских царей», что послужило основанием для причисления Сумбатовых к грузинским княжеским семьям армянского происхождения (подробнее о генеалогии см.: Дворянские роды Российской империи. М., 1998. Т. 4. С. 201–203; Джавахишвили Н. К истории княжеского рода Сумбаташвили // Труды Института истории Грузии. 2023. Т. XIX. С. 81–112, на груз. яз.).

Еще С.В. Любимов в своем известном справочнике указал на Высочайше утвержденное 30.10.1816 г. мнение Государственного Совета о признании в княжеском достоинстве капитана Григория

Никитича и титулярного советника Ивана Степановича Сумбатовых. Эти данные повторяют и последующие исследователи, не включая, впрочем, указанных лиц в родословные росписи.

Обращение к архивным и опубликованным источникам показывает, что лица, фигурирующие в мнении Государственного Совета 1816 г., относятся к хорошо известной армянской семье Сумбатовых. Первый известный нам представитель этого рода, «купеческий сын» Григорий Степанов, «во время замешательства в Персии» выехал из «Сагнаков» (то есть из Карабаха) и обосновался в Измаиле (по другим данным, в Каменце-Подольском). Позже к нему приехал его брат (двоюродный?) Петрос вардапет Хачатуров. В 1728 г. братья прибыли в Москву, откуда Григорий в составе военного отряда из 22 армян отправился в Сагнак для участия в боевых действиях карабахских армян против османов и персов. В 1730-х гг. его отряд присоединился в районе крепости Шабран к русским войскам. В 1736 г. Коллегия иностранных дел в отношении армянских юзбашей (сотников) (в том числе Григория) указывала, что «в рассуждении бывшей от них службы и впредь по надобности кредита в тех краях наипаче же, что они при стороне российской прибыли по призыву и обещаниям от российской стороны чиненным и на то обнадеясь яко христиане оставя отечество и свои промыслы», и предложила зачислить их на российскую военную службу «теми же чинами, кто в каком обретаеця». Григорий Степанов умер в чине капитана в 1752 г., оставив после себя четырех сыновей: Ивана, Степана, Никиту и Василия. По прошению его вдовы Маргариты Сергеевой, их старшие сыновья были определены на службу в Грузинский эскадрон вахмистрами (подробнее о службе Григория Степанова и обстоятельствах его переселения в Россию см.: *Хачатрян А.Н.* Армянское войско в XVIII в. Из истории армяно-русского военного сотрудничества. Ереван, 1968; *Парсаян В.А.* Участие польских армян в восстании Давид-Бека. Новые материалы об армянском освободительном движении XVIII века. Ереван, 1962).

Следующее поколение семьи, поселившись в Астрахани, Москве и Санкт-Петербурге, начинает использовать фамилию Сумбатовых (видимо, по имени одного из предков). Признанный в княжеском достоинстве в 1816 г. действительный статский советник Иван Степанович Сумбатов (1736–1803) был женат на Анне Лазаревне (1739–1800) из знаменитого армянского рода ос-

нователей Лазаревского института восточных языков. Данное обстоятельство существенно повысило статус рода внутри армянской общины и улучшило его материальное положение.

Интересно, что в доказательство своего происхождения «от древнего рода Сумбата», правившего в «Малой Армении» (Арцахе), просители ссылались в том числе на наличие фамилии Сумбатовых в Приложении к Георгиевскому трактату (РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 2354). Отметим также, что встречающееся в исторической литературе утверждение о том, что Сумбатовы, Арапетовы и Меликовы являются потомками Авана-юзбаши (или даже Мелика Егана Дизакского), ошибочно. Как и высказанное К. Тумановым предположение о происхождении рода от киликийских царей из династии Хетумидов.

Таким образом, очевидно, что в России было два неродственных (однофамильных) княжеских рода Сумбатовых, потомков юзбаши Григория Степанова (армяне) и картлийских тавадов Сумбаташвили.

Два варианта самобытного герба князей Сумбатовых были выявлены В.К. Лукомским в ходе работы над сборником неутвержденных гербов российского дворянства. Анализ изображений показал, что в качестве герба семьи использован фантазийный герб «Царства Армянского», разработанный национальными деятелями в XVIII в. С учетом вышеизложенного можно утверждать, что этот герб использовался «армянскими» Сумбатовыми, а не их грузинскими однофамильцами.

К ПОНИМАНИЮ АНТИЧНЫХ ГЕММ-ГРИЛЛОВ

*Л.И. Акимова
в.н.с. ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва*

Парадоксальные, ирреальные формы в Античности известны уже на крито-микенском этапе (в основном на печатях XVI в. до н.э.). В конце пути греко-римского искусства эта «гротескная» линия породила феномен так называемых гриллов (γρύλλοι,

γρίλλοι — «капризы», «причуды»), отмеченный почти исключительно в жанре глиптики. При отсутствии серьезных опытов их толкования попытаемся разобраться в семантике гриллов с изображением фантастической птицы (одна из самых выразительных групп) на примере аметистовой геммы в Британском музее (1814,0704.1460) (*Walters H.B. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos, Greek, Etruscan and Roman, in the British Museum. London, 1926. Cat. 2577*).

Крупная стоящая птица с огромным приоткрытым клювом изображена в профиль влево от зрителя. «Фантастическим» предстает в основном ее тулово, составленное двумя головами в схеме Януса: спереди маска бородатого сатира, сзади голова единорога. Птица четко представлена как *образ космоса* с его широтным делением на правую и левую части и высотным построением в схеме Мирового древа (ноги — тулово — голова с шеей). Этот космос — сугубо *мужской* (в других случаях птицу заменяют павлин, гусь и петух).

Маска сатира — один из популярнейших мотивов греко-римского искусства. Изначально сатир или силен — самостоятельная мифическая фигура, демон горных лесов типа шумерского Энкиду, которого укротил цивилизованный Гильгамеш. С VI в. до н.э. возникли множественные фиасы жизнерадостных, необузданных итифаллических служителей Диониса — бога смерти-возрождения.

Голова единорога (μονόκερος), редко встречающегося в Античности, в сфере гриллов более пока не известна; семантика его темна; у христиан как сам он, так и его специфический рог выступали символом Христа (*Tertull. Adv. Marc. III. 18; Greg. Mor. 31. 15. 29*). У славян единорог известен и в форме птицы, циклически возрождавшейся из собственного рога каждые 532 года (*Белова О.В. Единорог // Славянские древности. М., 2001. Т. 2. С. 179*), аналогично фениксу египтян, в котором воплощалась душа Ра и эпифанировал Осирис; феникс восставал из пепла каждые 500 лет (*Bonnet H. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. Berlin, 1952. S. 595–596*). Примечательно, что в большинстве других гриллов место единорога занимает *баран* — его крутой рог своей спиралью соединяет в целое две головы «Януса» как их общее «ухо» (в сокращенной форме показано и на нашей гемме). Семантически единорог должен был

выступать заменой барана, исходя из тождества их композиционных ролей.

Смысл образа барана сильно стерся в античное время, сохранившись в основном в декоре шлемов и воинской амуниции (Коррѣст Г. *Τὰ μετὰ κεφαλῶν κρίων κράνη (ἢ κηφαλὴ κρίου ὡς ἐμβλέμα αρχῆς)*. *Ev Aθήναις*, 1970. Pl. 29f., 68b, etc.), но его значимость очевидна в египетских данных. Там баран наделен чертами предводителя, воителя, мудреца. В образе барана представлял творец мира Атум, «тот, что сам создал своё имя» (Рут. 124. 8), позднее слившийся с солнечным Ра и воплощавший его вечернюю ипостась (*Bonnet H. Reallexikon. S. 73. Abb. 176, 177*). По представлениям египтян, на закате бог солнца, от которого отходила душа, превращался в сокровища: «Ра состарился, его ноги стали из серебра, борода из лазурита...» (*Францов Ю.П. Древнеегипетские сказки о верховных жрецах // Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 225 и след.*), и не удивительно, что «баран» в иероглифике идентичен знаку *Ба* «душа» (*Bonnet H. Reallexikon. S. 870*).

На гемме баран, натуральное животное, занимает заднюю часть тела птицы, тогда как сатир, антропоморфная мифическая сущность — переднюю. Причем голове барана противостоит не натуральная голова сатира, а его театральная маска — знак ритуальных превращений и метаморфоз. Птица, тулово которой они составляют, это аист или журавль, мифоритуальные контексты которых близкородственны; связанная с ними цапля в Египте со времени Среднего царства выступала образом феникса (*Bonnet H. Reallexikon. S. 594*). Аист считался образом благочестия, почтения к родителям и заботы о детях; по достижении старости он якобы улетал к берегам Океана и там превращался в человека, которому была уготована блаженная жизнь (*Ael. Nat. an. III. 23*).

Спереди птицу фланкируют три группы предметов: снизу горка из трех мячей-шаров — символ зарождающего жизнь семени (*Акимова Л.И. Мяч на апулийских вазах конца V–IV вв. до н.э.: Последнее новшество в мемориальной иконографии греков // Старое и новое в языках и культурах Балкан / Под ред. И.А. Седаковой. М., 2024. С. 47–74*); далее растение, исходящее из уст сатира, и выше — крестовидный факел Персефоны. Вертикально устремленные вещи воплощают идею восхождения жизни. Сзади же видим их нисхождение: мышь, выскальзываю-

шую изо рта единорога, — символ души, покидающей тело (Grohmann J.V. 1862. Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen. Prag, 1862. S. 21f.), «ломаную» группу из трех букв (ДНП), возможно, сокращенное имя владельца геммы, и выше крупный *колокольчик*, звон которого знаменовал важные ритуальные события, в том числе — отделение от тела души (Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989. С. 490). С колокольчиком на вазах греков встречается сам бог Дионис в разгар его оргий с менадами и сатирами (Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. М., 1997. С. 234. Илл. 123).

В итоге видим, что *мужской космос* на гемме, с птицей во главе, лошадиная грива которой намекает на птицу-душу в «Федре» Платона (Plat. Phaidr. 246a-c), завершает в усложненной, семантически крайне нагруженной форме, архаичную матриархальную линию посмертного возрождения богиней-матерью (геммой как вещью, с ее зеркальным отпечатком) сына-супруга. Причем запечатлен как бы самый процесс рождения-смерти-возрождения (Осириса, Диониса или другого смертного бога) в дуалистическом, «янусовидном», незавершенном виде. Геммы-гриллы — не «капризы»: они строги, формульны, лишены случайных черт. Их картина мира, как показывает гемма из Британского музея, охватывает весь бытийственный цикл: от зарождающего жизнь семени до последних ударов колокола.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ КРЫМА В НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Н.А. Алексеенко
*Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), к.и.н., в.н.с.
Института археологии Крыма РАН, Симферополь*

В последнее время введение в научный оборот целого ряда монет европейских эмитентов, а также выявление их подделок окончательно убеждает нас в очевидном участии в денежном

обращении Крымского полуострова в начале Нового времени и привозных европейских монет (подробнее об этом см.: *Алексеевко Н.А.* Заморские деньги на рынках средневековой Таврики // «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». IV Международный нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 11–15; *Алексеевко Н.А.* Иноземная монета (XIV–XVII вв.) в денежном обращении юго-западной Таврики. Эмитенты Речи Посполитой // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Второй Международной научной конференции. СПб., 2019. Вып. II. С. 44–50; *Алексеевко Н.А.*, *Антипенко А.В.* Находка субэратного гданьского орта Сигизмунда III в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 2020. Вып. XXV. С. 438–448; *Алексеевко Н.А.* Прибалтийские шиллинги шведских правителей из находок в Юго-Западной Таврике // Нумизматические чтения ГИМ 2023 года. К 100-летию Н.Д. Мец. Материалы докладов и сообщений. М., 2023. С. 141–148; *Алексеевко Н.А.* Фальшивая монета как фактор участия иноземных монет в денежном обращении Крыма в начале Нового времени // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Седьмой Международной научной конференции. СПб., 2024. Вып. VII. С. 129–134; *Алексеевко Н.А.* Фальшивый тирольский талер конца XVI в. из юго-восточного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 2024. Вып. XXIX. С. 284–290; *Алексеевко Н.А.* Поддельный гульден ольденбургского графа Антона Гюнтера из Юго-Восточного Крыма // Боспорские исследования. 2025. Вып. L (50). С. 234–247; *Алексеевко Н.А.* Поддельный нидерландский флорин с территории Южного пригорода Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 2025. Вып. XXX. С. 447–454).

География иноземных денег в Крыму достаточно обширна и разнообразна. Здесь можно встретить как монеты эмитентов целого ряда западноевропейских стран, господарей Молдовы, правителей польской и или шведской Прибалтики, так и выпуски некоторых Русских княжеств и Московского царства.

Весьма яркими индикаторами участия в обращении иностранных монет могли бы служить и обнаруженные на полуострове клады. Однако, как правило, они расходятся по рукам и сведения об их составах практически не доходят до исследова-

телей. За последнюю четверть века в научный оборот удалось ввести лишь два таких комплекса, которые, тем не менее, дают вполне определённое представление о составе денежного рынка Крыма в XVII в. (см.: *Фролова Н.В.* Севастопольский клад монет XVI–XVII веков из собрания Эрмитажа // Хранитель, Исследователь, Учитель. К 85-летию В.М. Потина. Сборник научных статей. СПб., 2005. С. 111–116; *Алексеев Н.А., Староверов Д.А.* Клад европейских монет конца XVI – первой половины XVII в. из Феодосии // История и археология Крыма. Симферополь, 2021. Вып. XIV. С. 293–374).

Наши представления об участниках местного денежного обращения в XVI–XVII вв. в известной мере дополняют новые единичные находки европейских монет. Список эмитентов расширяют как хорошо известные монетные типы, так и достаточно диковинные для нумизматики Крыма экземпляры. Сегодня среди них, к примеру, можно назвать: происходящий с территории Балаклавского района г. Севастополя каталонский *динеро* (*dinero*) Филиппа III (1598–1621) чеканки монетного двора Жироны (тип: *Calicó X*. Numismática española. Catálogo general con precios de todas las monedas españolas acuñadas desde los Reyes Católicos hasta Felipe VI. 1474 a 2020. Barcelona, 2019. P. 117, nr. 34: tipo 11) или обнаруженный в Симферопольском районе, у северного подножия г. Чатыр-даг (на месте несуществующей ныне деревушки Аян), *грошен* (*Groschen*) 1611 г. графства Штольберг-Штольберг, располагавшегося в южной части Гарца (Германия) и входившего в Священную Римскую империю (тип: *Saurma-Jeltsch H. Fr.(von)*. Die Saurmasche Munzsammlung deutscher, schweizerischer und polnischer Gepräge von etwa dem Beginn der Groschenzeit bis zur Kipperperiode. Berlin, 1892, S. 108, Nr. 2290–2293, Taf. LXXVI); а также, найденный в окрестностях с. Краснозорье Бахчисарайского района, *лёвендаалдер* (*Leeuwendaalder*) 1641 г. объединённых провинций Бельгии и Гелдерна (тип: *Pannekeet C.G.J.* Catalogus Gelderse munten. Slootdorp, 2007, Blz. 219–223, Gel. 76); или два экземпляра датских *двойных скиллингов* (*Toskilling*) Фридрика III (1648–1670) и Христиана V (1670–1699) чеканки монетного двора Копенгагена 1661 и 1676 гг. (типы: *Scohou H.H.* Beskrivelse af Danske og Norske Mønter 1448–1814. og Danske Mønter 1815–1923. Kjøbenhavn, 1926. S. 205 (Nº 57), 245 (Nº 20–21), Tav. 21:1657–57;

Тав. 30:1676–20), происходящие с территории Балаклавского района г. Севастополя и из окрестностей г. Евпатории.

Нет сомнения, что со временем этот список будет расширяться и пополняться новыми эмитентами, поскольку находки продолжают...

Как видим, выявленные находки в очередной раз засвидетельствовали нумизматическую пестроту денежного рынка Крыма XVI–XVII веков. Отрадно, что происходит постоянное уточнение и дополнение крымской нумизматической карты, на которой появляются все новые и новые европейские регионы, из которых так или иначе проникала привезенная на полуостров монета. Примечательно, что представленные выше экземпляры не имеют следов вторичного использования в качестве украшений, что, в свою очередь, лишний раз свидетельствует в пользу тезиса об их участии в местном денежном обращении и, на наш взгляд, тем самым позволяет снять с повестки дня вопрос о «призрачном хождении» иностранных денег на рынках Крыма в Новое время. Судя по всему, последние имели вполне легитимный статус и охотно принимались и населением, и торговцами.

НЕИЗДАННЫЙ ФРАГМЕНТ «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ ИЗ РУКОПИСИ Lat. Q.v. I 30 (ОР РНБ)

ТЕКСТ И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.В. Антонец

д.филол.н., доц. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Сообщение посвящено небольшому пергаменному фрагменту, который был обнаружен в рукописи Lat. Q.v. I 30 (ОР РНБ)*. Сама рукопись выполнена каролингским минускулом, датируется XI в. и содержит «Беседы на пророка Иезекииля»

* Благодарю Г.И. Борисова, обратившего мое внимание на данный фрагмент.

Григория Великого. Рукопись входила в собрание П.К. Сухтеле-на и поступила в Публичную библиотеку в 1836 году. В рукопи-си 159 листов (300 x 210 мм), составляющих 21 тетрадь. О бе-режном отношении к кодексу свидетельствует то, что его укреп-ляли (по-видимому, до переплета): в тетради II один лист (л. 15 лиц.) второго биниона (л. 10 об. — 15 лиц.) разорван и за-шит ниткой. Этот бинион был укреплен с внутренней стороны подклейкой в виде небольшого листа пергамена с текстом. Как подклейка, так и штокпа листа были произведены в одно время.

Нас интересует лист, который служит в качестве подклейки. В настоящее время он состоит из двух частей, первая из которых (Фр. 1) имеет размер 116 x 32 мм, вторая (Фр. 2) — 57 x 7 — 14 мм.

Первоначально это был целый лист, но со временем вторая часть была отрезана (или отломилась) от первой. Первый, боль-шой, фрагмент (Фр. 1) был приклеен сверху к лицевой стороне второго двойного листа тетради, укрепляя линию сгиба изнутри. Поэтому доступен только текст одной стороны. Доступная для прочтения, верхняя сторона, была обратной стороной листа оригинального кодекса, из которого происходит наш фрагмент. Текст расположен в две колонки. На данной стороне сохрани-лось 5 строк первой колонки полностью (Verg. Aen. XI 586–590) и начальные (первые) буквы второй колонки (Aen. XI 619–623).

Второй, маленький, фрагмент (Фр. 2) содержит верхнюю часть текста второй колонки (Aen. XI 619–620). Так как этот фрагмент оторван, то его обратная сторона (= лицевая сторона первоначального кодекса) доступна. На этой (= лицевой) стороне маленького фрагмента содержатся конечные слова строк Aen. XI 520–521 в первом столбце и начальные буквы строк Aen. XI 553–554 во втором столбце.

Наличие, пусть даже частичное, текста обеих сторон листа помогает восстановить расположение текста на листе изначаль-ного кодекса и вычислить число строк на листе — 33 строки. Текст фрагмента публикуется здесь впервые.

ФРАГМЕНТ 1

verso, col. 1:

Cara mihi comitumque foret nunc una mearum.
Verum age, *quandoquidem* fatis *urguetur* acerbis,
Labere, nympha, polo finisque inuise Latinos,
Tristis ubi infausto comittitur *omine* pugna.

Haec cape et ultricem faretra deprome sagittam.
(Verg. Aen. XI 586–590)

ФРАГМЕНТ 1 + ФРАГМЕНТ 2

verso, col. 2:

R//**eiciunt parmas et equos ad moe**<nia uertunt>

T//**roes agunt** < princeps turmas inducit Asilas>

I<amque propinquabant portis rursusque Latini>

C< lamorem tollunt et mollia colla reflectunt;>

H< i fugiunt penitusque datis referuntur habenis.>

(Verg. Aen. XI 619–623)

ФРАГМЕНТ 2

recto, col. 1:

<Sic ait, et paribus M>**essapum proelia dictis**

<Hortatur sociosque duces et pergit in> **hostem.**

(Verg. Aen. XI 520–521)

recto, col. 2:

B <ellator, solidum nodis et robore cocto,>

H <uic natam libro et siluestri subere clausam>.

(Verg. Aen. XI 553–554)

Фрагмент написан каролингским минускулом. Среди основных примет письма — употребление лигатуры *st* с написанием буквы *s* в одно движение, лигатуры *st* и лигатуры *et*. Буква *a* имеет унциальную форму, на концах верхних выносных имеются характерные утолщения, вертикальный штрих буквы *r* спускается под строку. Обращает внимание также круглая форма буквы *g* с закрытой нижней петлей. Буква *e* пишется в два приема и не имеет длинного правого штриха.

Дифтонг *ae* в слове *haec* и дифтонг *oe* в словах *proelia* (520) и *moenia* (619) пишутся полностью. Следует специально отметить использование знаков препинания. В тексте дважды встречается знак *>* (после слова *hostem* 521 и после слова *meorum* 586). Это знак пунктуации (*punctus versus*), который обозначал конец предложения (см.: *Coulson F.T. Punctuation // The Oxford Handbook of Latin Palaeography. Oxford, 2020. P. 5–8*). Использование знаков пунктуации является важной особенностью фрагмента.

Конечно, фрагмент слишком мал для того, чтобы делать какие-то определенные выводы относительно его датировки и происхождения. В то же время особенности графики и наличие пунктуационных знаков позволяют предложить относить

фрагмент к IX веку. Примечательно также расположение текста в два столбца. В большинстве лучших рукописей IX в. текст расположен в один столбец. В два столбца (как в Петербургском фрагменте) текст представлен в кодексе γ, переписанном в Лионе. В сообщении предполагается обозначить место Петербургского фрагмента среди рукописей Вергилия IX века.

ТЕРРИТОРИЯ ДРЕВНЕЙ МОЛДАВИИ И ЕЕ ЖИТЕЛИ

М.Ц. Арзаканян
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН, Москва

А.А. Герцен
к.г.н., с.н.с. ИГ РАН, Москва

Земли древней Молдавии занимали центр Северо-Западного Причерноморья, включая почти все Пруто-Днестровье (где расположена основная часть современной республики Молдова) и несколько выходили за его пределы во все стороны света. Согласно археологическим данным, люди здесь поселились около двух млн лет назад, когда был проложен Северо-Черноморский коридор миграции палеолитической олдованской культуры в Европу. На рубеже старой и новой эры эта территория была заселена многочисленными фракийскими племенами даков и гетов. Во II в. н.э. в регион пришли римляне и покорили раннеклассовое государство даков, занимавшее земли, которые впоследствии стали называть Трансильванией (Залесьем). На них они создали последнюю римскую провинцию в Европе — Дакию. Ее границы, как и соседней Нижней Мёзии, включавшей южное Пруто-Днестровье, были изменчивы. Археологические раскопки свидетельствуют, что римляне доходили до Пруто-Днестровья. Однако в целом оно не было составной частью провинции. В конце III в. римляне покинули задунайские территории, не выдержав бесконечных потоков варварских племен,двигающихся с севера и востока. Пруто-Днестровье стало

своеобразными «воротами», через которые на юг и запад перемещались многочисленные племена и народы.

Немногочисленные и разноречивые письменные источники, из которых можно узнать о том, что происходило в Подунавье, Подкарпатье и Пруто-Днестровье, появляются только в начале II тыс. Одним из последних народов, перекочевавших в Европу с востока, были венгры. В X в. они заняли территорию бывшей балканской римской провинции Паннонии. Венгры расселились также по Трансильвании, которую называли Эрдей (молд. и рум. *Ардял*), что означает на венгерском языке ту же «лесную землю» как и по-латыни. Они распространили свое влияние также на земли к югу от Трансильвании — Олтению (правобережье р. Олт) и граничащую с ней с востока Мунтению («Горную землю»). Малодоступной для завоевателей оказалась историческая область Марамуреш, расположенная высоко в горах на Карпатском плато в верховьях р. Тисы. Однако она тоже оказалась в зависимости от пришельцев. Пруто-Днестровье в начале II тыс., скорее всего, оставалось малонаселенной областью. Но венгры стремились подчинить своей власти и этот регион. В 1000 г. они объявили о создании собственного королевства.

Когда венгры прошли через Пруто-Днестровье и Подкарпатье на Балканы, этот район Восточной Европы, что естественно, был давно заселен другими жителями. Один из аборигенов этих земель — неолатиноязычный народ, который древнерусские, византийские и венгерские источники называют влахами, валахами, волохами. Эти потомки романизованных иллирийцев и фракийцев жили в пределах Византийской империи, в Сербии и Болгарии. Они также обитали в бывшей Паннонии, скорее всего, в Трансильвании, Олтении и Мунтении, в Подкарпатье и отчасти в Пруто-Днестровье. Влахи говорили на неолатинском языке, не имели своего государства, занимались главным образом отгонным скотоводством. Именно поэтому они часто передвигались за своими стадами по Балканам и Карпатам. Влахи занимали и историческую область Марамуреш. Вторым многочисленным, судя по историческим свидетельствам и субстратной топонимии, компонентом населения подкарпатских земель были славяне. Их в письменных источниках называют русинами, руснаками, рутенами. Влахи и русины приняли христианство по византийскому православному образцу. Все документы делопроизводства они записывали старославянским алфавитом.

Много позднее, уже на заре нового времени, на этом же языке были записаны славянско-молдавские летописи.

Еще один народ Подкарпатья — это германцы. В Восточной Европе, в частности, в Трансильвании, еще до прихода венгров осели саксы (молд. и рум. *sасы*). Венгерское государство старалось селить их как раз на восточных рубежах своего государства, чтобы они охраняли его границы. Саксы, так же как и венгры, были католиками. Все средневековые летописи Венгерского королевства составлены на латинском языке. Именно саксы, скорее всего, в XIII в. основали поселение *Stadt Molde*, по-латыни *Civitas Moldavie* (совр. с. Бая) на реке Молдаве (совр. Молдова), правом притоке реки Сирет. Позднее топоним и гидроним распространились сначала на земли, по которым протекала рек, а затем и на весь регион, дав название государству.

В начале 40-х гг. XIII в. в Пруто-Днестровье вторгаются монголо-татары. Войска Венгерского королевства не смогли сдержать их натиска. Монголы завоевывают Трансильванию, доходят до Дуная и даже до Адриатики. На завоеванных землях они основывают города, сгоняют в них умельцев и ремесленников, которые могли бы «обслуживать» их остающийся полукочевым образ жизни. К середине XIV в. русским, литовским и венгерским войскам удалось изгнать монголо-татар из Трансильвании, Прикарпатья и частично Приднестровья.

В некоторых средневековых летописях указывается, что после ухода монголо-татар земли Пруто-Днестровья «стали пустынными». Между тем археологические находки свидетельствуют, что аборигенное население, пусть и немногочисленное, все-таки продолжало на них жить. Знаменитая легенда, записанная в нескольких рукописных сводах, повествует о том, что влашский воевода Драгош, желая освободиться от венгерской зависимости, спустился из Марамуреша в долину р. Молдова и не позднее 1359 г. основал собственное государство — Молдавское княжество. Сведения эти носят легендарный характер. А достоверно известно, что первым правителем (господарем) княжества стал Богдан I Основатель. Столицей нового государства стал город Сучава. Существует мнение, что Драгош и Богдан — это одна и та же личность. Год образования первого молдавского государства — условный. Но он имеет под собой основания, потому что к 1360 г. относится первое упоминание в летописях о молдавской земле — *Terra Moldauana*.

«СЕНЬОР ГОРОДА» В КАСТИЛИИ И ЛЕОНЕ В XII – СЕРЕДИНЕ XIV ВЕКА

ИНСТИТУТ ВЛАСТИ ПО ДАННЫМ ПРОСОПОГРАФИИ

О.В. Ауров

к.и.н., в.н.с. ШАГИ ИОН РАНХиГС,
доц. кафедры всеобщей истории РГГУ, Москва

Понятие *senior de la villa*, так же, как и его латинский аналог *dominus ville*, появляется в кратких фуэро ряда городов и местечек пиренейских королевств Кастилии и Леона в первые десятилетия XI века. В историографии проблемы утвердилось представление о том, что, по меньшей мере, до середины XIV в. это понятие применялось для обозначения не феодальных сеньоров в традиционном смысле, а лишь категории министриалов, представлявших в городе королевскую власть. Однако этой точке зрения противоречат данные просопографии, что и будет показано.

Начнем анализ с фуэро Сан-Себриана (ныне Сан-Себриан-де-Кастро в современной провинции Самора, на исторических землях королевства Леон) (1125 г.), пожалованного жителям местечка Гу-тьерре Фернандесом и его женой Тодой Диас. Данные просопо-графии показывают, что речь идет о могущественном кастильско-леонском магнате Гутьерре Фернандесе де Кастро (ум. ок. 1166). Он, как и его супруга, хорошо известны по сохранившимся документам (*Torres Sevilla-Qiñones de León M. Linajes nobilitarios de León y Castilla. Siglos IX–XIII. Salamanca: Junta de Castilla y León. Consejería de Educación y Cultura, 1999. P. 86–88*). Очевидно, что, уже исходя из его статуса, это лицо могло быть лишь феодальным сеньором поселения, а вовсе не министриалом. О том же самом говорит и тот факт, что в тексте краткого фуэро (поселенной хартии) Сан-Себриана, см.: *Fuero de San-Cebrián // Documentos para la historia de las instituciones de León y de Castilla (siglos X–XIII), coleccionados por E. de Hinojosa. Madrid, 1919. P. 51–53*. Гутьерре Фернандес нередко говорит о себе (и своей супруге) в первом лице. Причем из 17 положений, составляющих памятник, почти половина (*Fuero de San-Cebrián. 8–9, 12–17*) так или иначе касается отношений местного консехо и его сеньора. Например, сеньор гарантирует, что после

его смерти и кончины Тоды Диас консехо Сан-Себриана приобрел статус свободной общины-бегетрии (Fuero de San-Cebrián. 13–14). В свою очередь, община берет на себя обязательство ежегодно вносить в пользу сеньора 30 хлебов либо две меры (*eminas*) пшеницы, четыре жбана (*turacios*) вина и одну свиную тушу, с той оговоркой, что норма распространялась лишь на земле- и скотовладельцев (Fuero de San Cebrián, a. 1125. 15). Кроме того, весино Сан-Себриана должны были выполнять отработки — пахать, сеять, молотить хлеб, вскапывать почву на земле сеньора «и ничего более», — два дня в месяц (Fuero de San Cebrián, a. 1125. 17). Показательны и другие прерогативы, передаваемые фуэро Гутьерре Фернандесу и его потомкам, причем соответствующие нормы имеют параллели и во многих других кратких фуэро и поселенных хартиях исследуемого периода.

Выводы, сделанные на материале XII в., происходящем из небольших поселений Кастилии и Леона, в полной мере соотносятся с данными, известными применительно и к более крупным городским центрам. В частности, речь идет о городе Сорита-де-лос-Канес, который дважды отвоевывался христианами (*Madoz P. Diccionario geográfico-estadístico-histórico de España y sus posesiones de Ultramar. Madrid, 1850. T. 16. P. 670–671*). Впервые это произошло в 1097 г., когда это сделал кастильский магнат Альвар Фаньес Минайя (ум. в 1114 г.), племянник и сподвижник знаменитого Сиды, ставший первым сеньором (лат. *tenente*) этого города (*Gambra Gutiérrez A. Álvaro Fánhez // DBE RAH. [Электронный ресурс] URL: <https://dbe.rah.es/biografias/9309/alvar-fanez>, дата обращения: 24.06.2024*). Окончательно же Сорита оказалась в руках христиан лишь со второй попытки — после изгнания временно захвативших ее альморавидов в 1124 г., в правление короля Кастилии и Леона Альфонсо VII Императора. Последний взял Сориту-де-лос-Канес при помощи отрядов арагонских мосарабов и передал город клану кастильских магнатов Кастро. В дальнейшем от Родриго Фернандеса де Кастро (ум. в 1144 г.) (родного брата упоминавшегося выше Гутьерре Фернандеса, сеньора Сан-Себриана-де-Кастро) (*Calleja Puerta M. Rodrigo Fernández de Castro // DBE RAH. [Электронный ресурс] URL: <https://dbe.rah.es/biografias/14576/rodrigo-fernandez-de-castro>, дата обращения: 24.06.2024*) Сорита перешла к Фернандо Родригесу де Кастро по прозвищу «Кастилец» (ум. ок. 1181 г.) (*Sánchez de Mora A. Fernando Rodríguez de Castro*

// DBE РАН. [Электронный ресурс] URL: <https://dbe.rah.es/biografias/54589/fernando-rodriguez-de-castro>, дата обращения: 24.06.2024). Последний, которому хронисты приписывают мятежный и лихой нрав, в малолетство короля Кастилии Альфонсо VIII превратил город и замок в мощный военный оплот, использовавшийся в ходе междоусобиц, из-за чего в 1169 г. юный король вернул его себе с помощью отрядов магнатов Лара, консехо Алькала-де-Энарес, Гвадалахары, Атьенсы, Толедо, Сории и Авилы, а также рыцарей Ордена Калатрава. После этого некоторое время город находился во власти Короны, а в 1170 г. был преподнесен Альфонсо VIII в качестве свадебного подарка своей супруге, королеве Элеоноре Английской (*Madoz P. Diccionario geográfico-estadístico-histórico. P. 670–671*). Наконец, по согласованию с ней, в качестве акта благочестия и с учетом общей военно-политической ситуации в регионе, через четыре года, в 1174 году, Сорита-де-лос-Канес была передана духовно-рыцарскому ордену Калатрава, могущественному духовному сеньору, феодальная природа власти которого над городом очевидна (*Urbina Martínez D., Urquijo Álvarez C. El castillo de Zorita de los Canes // Boletín de la Asociación de amigos del Museo de Guadalajara. 2020. Núm. 11: Arqueología en Guadalajara. Trabajos inéditos, 2 / Coord. por M.A. Cuadrado Prieto. P. 227–228*).

То, что пример Сориты-де-лос-Канес не является исключением, может быть показано и на примере биографий сеньоров целого ряда других городов Кастилии и Леона — Сепульведы, Куэльяра и некоторых других.

РУССО-ВЛАХСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ

БОЯРЕ РУСУ И ОРЭШ

С. Бакалов

д.и.н., в.н.с. Института истории, Кишинев, Молдова

В Молдавском княжестве зафиксированы две боярские семьи, фамилии которых указывают на связи их предков с территориями Руси: Русу и Орэш (от венгерского *orosz* — «русский»).

Родовые вотчины первой находились в центральных цинутах (уездов) Пруто-Днестровского междуречья, а второго — в предгорных цинутах княжества.

Семья Русу / Руссо

Первый известный ее представитель — это Русу, великий стольник в 1614–1617 годах. Возможно, он идентичен дьяку Русу, отмеченному в Яссах в 1589–1610 гг. (Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1961. Т. 1. № 59, 107, 108; *Catalogul documentelor moldovenești*. Buc., 1957. Vol. 1. № 1027, 1080).

Из сыновей стольника Русу, наверное, «самым удачливым и сильным» был Ионашко Русу: между 1632–1639 гг. — ворник глотний, в 1641–1646 гг. — пыркалаб оргеевский, в 1647–1648 гг. — вел. сулжер, в 1648–1649 гг. — вел. медельничер, в 1654 г. — вел. ворник Нижней Земли, в 1654–1658 гг. — вел. логофет. Его детьми были: вел. спатар Григорий, оргеевский пыркалаб в Апостол (Постолаке), Василий, житничер Тодерашко, Карп, София, егуменя м-ря Пэтрэуць, Руксанда, жена ворника Лупу Строеску, Аксения, жена вел. стольника Хрисоскул, Антемия, Анисия и Истинка (*Stoicescu N. Dicționar al marilor dregători din Țara Românească și Moldova*. Buc., 1971. P. 440). Потомки Карпа Русу одно время носили фамилию Карп, потом, в процессе доказательства дворянства снова начали называться Русу.

Генеалогия семьи Русу / Руссо XVII–XVIII вв. была реконструирована Г. Безвикони (*Bezviconi Gh. Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru*. Buc., 1940. Vol. 1. P. 273–282), а XIX – начала XX в. — В. Морозаном (*Морозан В. Бессарабия и ее дворянство*. СПб., 2018. Т. 2. С. 355–359).

После 1812 г. большинство потомков Ионашко логофета стали бессарабскими дворянами. Один из самых известных представителей дворян Русу, это классик литературы Алеку Руссо (1819–1859). Его восходящая генеалогия такова: стольник Русу — логофет Ионашко — спатар Карп — стольник Теодор — пахарник Тома — дворянин Янку — писатель Алеку (*Bezviconi Gh. Boierimea Moldovei*. P. 273–274).

Их древние вотчины, унаследованные по прямой линии, в большинстве своем находились в двух цинутах:

1) в Оргеевском: в 1617 г. «великому стольнику Русул и его жене, Антимии» была утверждена часть Кэпеничул на р. Ватичь

(Sava A. Documente pivoitoare la târgul și ținutul Orheiului. Buc., 1944. № 43). В 1622 г. господарь утвердил «нашим слугам Ионашку Русул дяку и его брату Босый, детям Русу стольника», купленную ими часть Кэлинешть возле Кобэлки (Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1982. Т. 3. № 78). По другим данным, речь идет не о Кэлинешть, а о Кэпеничул. Они имели там и дедину, в наследство от «дяди их, Кэрэбэш» или Кэрэбэц (Sava A. Documente pivoitoare la târgul și ținutul Orheiului. № 52–55). В 1643 г. этими частями владел «Ионашку Русул пыркалаб» (Там же. № 77). В 1628 и 1632 гг. господарь утвердил за «Ионашк(о) Русул ворник глотний» купленную им часть Волосень на р. Бык (Sava A. Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei. Buc., 1937. № 27–28). В 1637 г. господарь утвердил Ионашко Русу часть купленной им из Гетилова (Catalogul documentelor moldovenești. Buc., 1975. Vol. 1–Sup. № 567). В 1647 г. «Ионэшкуци Русул вел. сулжер» купил часть Верпка (Салчия) на р. Бык (Sava A. Documente pivoitoare la târgul și ținutul Orheiului. № 85). В 1643 г. господарь подарил «бывшему ворнику, пыркалабу оргеевскому, Ионашко Русу» Тохатин на р. Днестр (Sava A. Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei. № 40). В 1660 г. господарь утвердил «Григорашку Русул, быв. (вел.) спатар» одну «полянку Бравича» на р. Икел, в Паулешть, покупка «отца его, Ионашко Русул, быв. вел. логофет» (Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1986. Т. 4. № 140, 141, 142). В 1666 г. утверждено «б. меделничеру Хрисоскул... село Вистерничень... приданное от тестя своего вел. логофета Ионашко Русул» (Sava A. Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei. № 76). В 1669 г. утверждено господарем «нашему боярину Апостолакию быв. пыркалаб, сын Ионашко Русул быв. вел. логофет» (Там же. № 84), купленный им виноградник «в Селиште» (Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1987. Т. 5. № 107). В 1737 г. сыновья «Русула столника» владели в Фурчень (Moldova în epoca feudalismului. Chiș., 1998. Т. 8. № 105). Речь идет, как представляется, о «столнике Григораше Русу» (Catalogul documentelor moldovenești. Buc., 1974. Vol. 5. № 1586). В 1730 г. «Дарию, сыну капитана Карпа Русу» подарена часть Гермэнешть (Sava A. Documente pivoitoare la târgul și ținutul Orheiului. № 201).

2) в Лапушнянском: В 1690 г. ворник Илие Абазы владел в Буюкань, по своей жене «Сафта, дочь Тодерашка Русу и внучка Ионашка Русу б. вел. логофет» (Catalogul documentelor

moldovenеști. Buc., 1970. Vol. 4. № 1263). Они предки русских дворян молдавского происхождения Абаза. А на вотчине Русеши на р. Ботна находился «дом Русу».

Семья Орэш / Орыш

Около 1584–1587 гг. «апрод Васкан Орэш, сын ворника Григория Орэш, внук Юрия Орэш и правнук старого Фэдора Орэш», продал одну часть вотчины Орэшень, «выслужение его прадеда Фэдора Орэша от старого Штефана воеводы», и другую часть, «купчая своего отца Григория Орэш»; продал также часть Рэвэкуць, в Черновицком цинуте, «дарственное его деду, Юрию Орэш, от старого Штефана воеводы» (Documente privitoare la istoria României. A-XVI. Buc., 1951. Vol. III. № 291). Васкан Орэш был преданным боярам династии Мовилэ; около 1598 г. он отправлен послом к польскому королю; в 1601–1607, 1609 гг. был хатманом, а в 1610–1611 гг. — вел. ворником Верхней Земли. Его дочери: Ангелина, замужем за черновицким старостой Ончу Юрашковичем и за стольником Грама; другая дочь — жена вел. ворника Косте Бучок (Stoicescu N. Dicționar. P. 422).

Орыш хатман купил имение в Епурень на р. Жижия, в Ясском цинуте (Documente privitoare la istoria României. A-XVII. Buc., 1953. Vol. II. № 448), позже, в 1686 г. оно находилось в руках потомков его дочерей (Catalogul documentelor moldovenеști. Vol. 4. № 1056). А в 1704 г. некий третий логофет Василе Плешка владел в Кишэрэй на р. Жижия, около г. Яссы, «уделом хатмана Орэша» (Catalogul documentelor moldovenеști. Vol. 5. № 312, 313, 399).

В XIX веке в числе бессарабских дворян были записаны дети постельника Штефана, внуки шатраря Тоадера, а правнуки постельника Константина Орыш (Bezviconi Gh. Boierimea Moldovei. Buc., 1943. Vol. 2. P. 141; Морозан В. Бессарабия. С. 309). Они владели в вотчине Русень, в Хотинском цинуте. Возможно, что они были потомками братьев хатмана Орэш.

РОДОВАЯ ПАМЯТЬ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ В СИНОДИКАХ-ПОМЯННИКАХ XVI–XVII ВЕКОВ

М.М. Бенцианов
к.и.н., в.н.с. СЗИ РАНХиГС, Санкт-Петербург

*Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФ
(проект № 24-18-00416 «Правящая элита Русского государства XV–XVI вв.
в фокусе коммеморативных практик. Традиции родовой памяти»)*

Родовые «памяти» в синодиках-помянниках нередко становились средством для выражения высокого статуса той или иной аристократической фамилии. В этом ряду большее значение имело подчеркивание родства с представителями правящей династии. В роде Шемяичей из синодика ярославского Спасо-Преображенского монастыря первым был обозначен *благочестивый великий князь Дмитрий Донской*. «Поминание князя Василия Ивановича Шемячича» в синодике боровского Пафнутьева монастыря копировало официальный поминальный список московских великих князей. Первым среди его предков был назван великий князь Ярослав Владимирович Киевский, затем перечислялись имена киевских, владимирских и московских великих князей, включая великого князя Георгия (Юрия Дмитриевича Звенигородского).

В записи рода князя Владимира Андреевича (Старицкого) из синодика Троице-Сергиева монастыря начала XVII в. кроме имен старицких князей присутствовали члены царской фамилии — Иван IV (инок Иона), Федор Иванович, царица Анастасия (Захарьина), царевич Иван (Иванович), царевна Феодосия (Федоровна). Инициатором этой записи могла выступить только последняя представительница семьи Владимира Старицкого — названная здесь инокиня Марфа, «королева» (ум. в 1614 г.).

В ряде случаев мог быть сделан акцент на происхождение той или иной фамилии от линии великих князей. Чаще всего, подобные примеры были характерны для недавних выходцев из Великого княжества Литовского. В синодиках Троице-Сергиева монастыря присутствовали «памяти» князей Дашковых и Жи-

жемских, с упоминанием нескольких великих князей смоленского княжеского дома. В синодике Кирилло-Белозерского монастыря в качестве великого князя фигурировал предок князей Бельских князь Владимир Ольгердович. Здесь же в роде князей Патрикеевых упоминался великий князь Наримонт. Традиция присвоения Наримонту Гедиминовичу великокняжеского титула позднее была продолжена в памяти рода князя И.А. Куракина из синодика московского Богоявленского собора, где упоминался «благочестивый великий князь Наримонт».

Судя по перенчисленным примерам, практика акцентирования происхождения от великих князей присутствовала в поминальной традиции некоторых аристократических фамилий уже в первые десятилетия XVI в. В случае с княжескими династиями Северо-Восточной Руси титул великого князя для своего предка князя Федора Ростиславича встречался в «памятях» князей Ярославских. В большинстве подобных примеров речь шла о синодике ярославского Спасо-Преображенского монастыря, центра почитания Федора, Давыда и Константина Ярославских. Только во второй половине XVI в. благочестивый великий князь Федор с сыновьями, появляется в поминовениях нескольких фамилий князей Ярославских в синодиках других монастырей (род князей Троекуровых в синодике нижегородского Печерского монастыря, род князей Пенковых в синодиках Троице-Сергиева монастыря). Речь в этом случае шла, скорее, о следовании агиографической традиции, чем о реальных генеалогических амбициях представителей этого княжеского рода.

Единственным полноценным примером такого рода является запись князей Телятевских («род Микулиных и Телятевских»), отразившейся в синодиках нескольких московских монастырей и Богоявленского собора. Сама поминальная запись подводила итог нескольким столетиям существования этой княжеской фамилии. В конце общего списка был назван Федор (Епифаний) Андреевич — последний представитель князей Телятевских. В этой памяти был зафиксирован подробный список предков Телятевских, начиная от князя Ярослава Ярославича, основателя линии великих князей тверских.

Для представителей княжеских династий Северо-Восточной Руси, очевидно, подчеркивание своего происхождения от великих князей не имело особого смысла. Их генеалогические линии были достаточно хорошо известны при московском дворе,

а лишнее напоминание о родстве с «великими князьями» вряд ли имело особый смысл. Князь А.М. Курбский, используя в своей переписке титул «князь Ярославский», получил резкую отповедь от Ивана IV, обвинившего его в претензиях на обладание этим княжеством: «восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти ярославскому владыце».

Для возвеличивания основателей княжеских фамилий в родовых помянниках часто использовался эпитет «благочестивый». Особое распространение такая практика приобрела в конце XVI в. и продолжилась в последующее столетие. В синодике нижегородского Спасо-Преображенского собора в «памяти» князя А.В. Трубецкого присутствовала целая россыпь подобных имен: «благочестивого князя Алгерда, нареченного во святом крещении Александра, во иноцех Алексия, благочестивого князя Андрея, благочестивого князя Димитрия».

Благочестивый князь Дмитрий (Дмитрий Владимирович) Согорский упоминался в синодике князей Шелешпанских, князь Михаил Данилович (правильно Михаил Давыдович) Моложский в «памяти» князя Ю.А. Сицкого из синодика Макарьева Унженского монастыря, уже упомянутый благочестивый великий князь Маримант в «роде» князя И.А. Куракина из синодика московского Богоявленского собора, благочестивый князь Семион (Семен Дмитриевич Суздальский) в записи князей Горбатовых из синодика Боголюбовского монастыря и т.д.

Комплексное изучение подобных примеров позволяет проследить процесс постепенного формирования генеалогических амбиций в кругу правящей элиты Русского государства, а также конструирование образа идеализированного образа предков-основателей, как консолидирующих фигур для их потомков.

СОБОРНОЕ ОСУЖДЕНИЕ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ПРОТОПОПА АНДРЕЯ САВВИНОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Н.А. Болдырева
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН, Москва

Соборному осуждению по делу последнего духовника царя Алексея Михайловича протопопа Благовещенского собора Московского Кремля Андрея Саввиновича Постника от 14 марта 1676 г. исследователи ранее уделяли недостаточное внимание. С.М. Соловьев (*Соловьев С.М. История России с древнейших времен.* СПб., 1863. Т. 13. С. 817–818), И.Е. Забелин (*Забелин И.Е. История города Москвы.* М., 1990. С. 335–339), Н.Д. Извеков (*Извеков Н.Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке.* М., 1906; *Извеков Н.Д. Духовник царя Алексея Михайловича — протопоп Андрей Саввинович Постников // Христианское чтение.* 1902. №1. С. 126–139) лишь пересказывали этот текст, содержащий массу ярких деталей касательно личной жизни протоиерея Андрея, а также его конфликта с патриархом Иоакимом. Однако если обратиться к внешним особенностям документа (его формату, пометам разных лет на его листах), а также особенностям формирования конволюта ГИМ. Син. I, в состав которого сегодня входит интересующее нас решение церковного суда, то можно пролить свет не только на историю его создания, но и историю бытования соборного осуждения в Синодальной библиотеке, а следовательно, и организации работы здесь с архивными материалами подобного рода.

Во-первых, при сопоставлении с соборными определениями 60-х гг. XVII в. (архиепископа Суздальского Стефана, дьякона Федора Иванова и т.д.) легко обнаруживается отличие формата осуждения протопопа Андрея — сброшюрованные в тетрадь листы, размером *in folio* вместо принятых ранее столбцов. Во-вторых, его структура (многочисленные отсылки к богословской литературе и цитаты из Священного Писания, трудов отцов

церкви и т.д.) и стиль изложения (риторические вопросы, обилие резких, уничижительных формулировок, а также элементов разговорной речи) сближают решение церковного суда по делу царского духовника больше с полемическими сочинениями, нежели с судебными материалами. Оба аспекта указывают на изменения в принципах работы патриаршей канцелярии последней четверти XVII века.

В-третьих, пометы архивистов XIX в. демонстрируют, что документ менял местоположение в Синодальной библиотеке в целом и в составе конволюта ГИМ. Син. I, в частности. Последний был сформирован лишь в 1833 г. из неучтенных в описях Патриаршей библиотеки тетрадей (*Савва*. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 27) и переплетен в 1914–1920 гг., возможно, по инициативе синодального ризничего Н.П. Попова до переезда книжного собрания из Московского Кремля в Государственный исторический музей.

Наконец, эти пометы подтверждают интерес исследователей XIX – начала XX в. к материалам по делу протопопа Андрея наряду с другими документами из сборника Син. I, например, секретными тетрадями о низложении патриарха Никона, которые неоднократно запрашивались в Священный Синод, но затем неизменно возвращались в библиотеку. Имена опальных патриарха и протопопа не раз упоминались вместе в историографии. Так, отмечалось сходство их энергичных характеров, харизматичность, а также «учительность», благодаря чему оба заняли столь близкое к царю Алексею Михайловичу положение (*Извеков Н.Д.* Духовник царя Алексея Михайловича. С. 130–131). Находясь в ссылке в Ферапонтовом монастыре, Никон именно через Андрея Саввиновича посылал государю свои письма и «всякия посудцы деревянные, братины и стаканы и ложки», которые возил из северной обители в Москву иеродиакон Мардарий (*Зеленская Г.М.* Наследство и наследники воскресенского архимандрита Германа // *Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»*. М., 2011. С. 96).

Летом 1892 г. так называемая секретная тетрадь, содержащая решение собора 1666 г. о низложении Никона, и соборное осуждение протопопа Андрея — то есть сходные по своему содержанию документы, — судя по карандашным пометам о просмотре на обоих, встретились в руках возглавлявшего то-

гда Синодальную библиотеку архимандрита Владимира. Таким образом, связь между двумя церковными деятелями и их судьбами продолжает существовать и в этом случае. Возможно, синодальный ризничий сопоставлял два решения церковного суда в поисках максимально близких друг к другу аналогий. Ведь таковых сохранилось очень немного, особенно если иметь в виду оригиналы официальных заключений с подписями иерархов, выносивших вердикт, как это мы можем видеть в соборном осуждении благовещенского протопопа.

БУМАГА «МОСКОВСКОГО ДЕЛА» В ИЗДАНИИ АПОСТОЛА (М., 1671)

НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

М.Ю. Борисов

*сотрудник НИО редких книг (Музей книги) РГБ,
м.н.с. ИРИ РАН, аспирант РГГУ, Москва*

В XVII веке на территории России в разное время были предприняты попытки организовать собственное производство бумаги. Так, на р. Пахре функционировало две бумажные мельницы: построенная при патриархе Никоне (1655–1657) и данная в аренду Иоганну ван Сведену и перешедшая после его смерти под управление его супруги Марии (1666–1670-е гг.). На р. Яузе в 1673–1681 гг. работала третья мельница. В настоящее время наибольшую перспективность представляет поиск образцов отечественной бумаги. Ранее возможности такого поиска были наглядно продемонстрированы Е.В. Лукьяновой на примере изучения архива Приказа книгопечатного дела и экземпляров московских кириллических книг (*Лукьянова Е.В. Московская бумага в изданиях Печатного двора 60–70-х гг. XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 2002. М., 2003. С. 10–24*). Однако выводы исследовательницы относительно бумаги московского Апостола 1671 г., на наш взгляд, нуждаются в дополнении.

Согласно Сметному списку на издание двух «заводов» (2400 экз.) Апостола 1671 г. было израсходовано 570 стоп бумаги: 260 стоп «большой руки» по 30 алтын 2 деньги стопа, 86 стоп «московского дела большой руки» по 30 алтын, 224 стопы «заморского дела средней руки» 26 алтын 4 деньги. Сохранились записи о выдаче наборщикам материалов, в том числе бумаги, которая отпускалась одновременно к 4 станам для печати 4 тетрадей. На один стан полагалось по 2 «клади» бумаги, необходимой для печати одной тетради (в книге форматом 4° тетрадь из 8 л. формировалась из 2 печатных л.). Следовательно, примерно предположить, что тетради в издании чаще всего будут состоять из бумаги одного сорта, за исключением случаев перепечатки листов. При этом бумага одного сорта должна была распределяться по тетрадам определенными блоками, соответствующими последовательности ее выдачи к станам. Единовременно наборщики получали по 40 стоп. Важно учитывать, что в случае с Апостолом 1671 г. бумага выдавалась исходя из счета по 24 л. в дести, а не 25, как было принято в Москве. Наборщики получали бумагу 16 раз в период с 3 июля по 12 декабря 1671 г. Отпуск производился равномерными партиями за исключением 30 ноября (выдано 13 стоп 15 дес. для допечатки двух последних тетрадей книги) и 12 декабря (наборщик Леонтий Васильев получил 1 стопу 5 дес. для печати титульного листа). Таким образом, на издание книги фактически было израсходовано 575 стоп (или 552 стоп при счете по 25 л. в дести), что демонстрирует расхождение со Сметным списком.

На издание Апостола было затрачено 86 ст. бумаги «московского дела» (41 280 л.). При равномерном распределении в тираже в каждом экз. должно было находиться не менее 8,5 тетрадей, напечатанных на этой бумаге. Для определения сортов бумаги в издании Апостола 1671 г., было изучено 9 экземпляров из собраний РГБ, РГАДА и ГИМ. Во всех книгах зафиксирован идентичный набор филиграней, описанный ранее Лукьяновой. По тетрадам они распределяются следующим образом: в тетрадах 1–20, 23 встречаются «лилия» и «виноградная лоза» (импортная бумага «большой руки» высокого качества), 25–36 состоят из бумаги «средней руки» с филигранью «три окружности» с литерами «RGT», а тит. л., тетради 21–23, 37–58 состоят из бумаги более низкого качества без маркировочных знаков. Несмотря на наличие тетрадей смешенного состава (например,

тетрадь. 23 в 3 случаях из 9) и особенности «кавычного» экземпляра (на 4 стане почти все тетради были напечатаны на импортной бумаге «большой руки»), в изученных книгах удалось выявить устойчивую закономерность в распределении сортов бумаги.

В среднем 25–26 тетрадями состоят из бумаги низшего качества. Ее детальный анализ позволил выделить три вида. Первый характеризуется средней плотностью, выраженной фактурностью (в сравнении с импортной) и наличием примесей, вержеры выражены слабо, часто имеют неровности (расстояние между ними 2,5–3 см), а понтюзо — сильно. Главная отличительная черта — частое наличие утолщенной (3 мм) вержерной проволоки более грубой выделки в нижней части листа. Второй вид может быть менее плотный, также фактурный, с примесями. Вержеры (расстояние между ними 2–2,5 см) и понтюзо выражены отчетливо. Характерная особенность — частое наличие изгибов понтюзо по краям листа. Третий вид отличается наибольшей плотностью и фактурностью, темным цветом и неравномерной отливной с большим количеством примесей. Вержеры практически не видны (расстояние между ними 2,5 см), понтюзо выражены слабо. Все три вида объединяет грубость выделки и неравномерное распределение бумажной массы, из-за чего листы получались более хрупкими и рвались в тонких местах не будучи ветхими. Визуально эта бумага серее импортной, а из-за сильной фактурности типографская краска местами ложилась на нее неравномерно.

Первый и второй виды бумаги встречаются в Апостола 1671 г. примерно с одинаковой частотой (в 17–18 тетрадях), третий — реже (10 тетрадях). Во всех экземплярах первый и третий виды распределяются блоками: первый стабильно в тетрадях 21–24, 45–58 и в тит. л. (бумага выдавалась 28 августа., 31 октября – 12 декабря), третий — в тетрадях 37–44, 56 (выдачи 12 октября – 21 октября, 18 ноября). Второй вид распределен более равномерно и встречается во всех тетрадях, кроме 52–58 и тит. л., вероятно, эта бумага находилась в одних кипах с первым и третьим видами.

Для подтверждения отечественного происхождения выявленной бумаги были изучены издания «Ирмология и месяцеслова» 1673 г. (4 экз., РГБ и РГАДА), «Извещения чудесе о сложении триех первых перстов» (24 экз., РГБ, РГАДА и ГПИБ), также напечатанные с использованием бумаги «московского дела».

Установлено, что описанные выше три вида бумаги встречаются в большей части Ирмология и, видимо, соответствуют израсходованным 410 стоп по 25 ал. и 220 стоп по 26 ал. 4 д., заявленные в документах. Бумага первого и второго видов встречается в 10 экземплярах «Извещения чудесе». Кроме того, были просмотрены экземпляры изданий, близкие по времени к Апостолу 1671 г., для печати которых была использована бумага стоимостью по 25 ал. и 26 ал. 4 д. стопа, не указанная в документах как московская. Так, бумага первого и второго видов были обнаружена в экз. «Букваря языка славенска» 1669 г. (75 стоп по 26 ал. 4 д.), в Служебника 1670 г. (410 стоп по 26 ал. 4 д.), Требника 1671 г. (375 стоп по 26 ал. 4 д.) и Канонника 1672 г. (207 стоп 10 дес. по 25 ал.). Данные книги были напечатаны в то время, когда на Печатный двор регулярно поступала бумага «московского дела».

Проведенный анализ позволил локализовать бумагу без маркировочных знаков и через сопоставление с иными изданиями Печатного двора (1669–1677 гг.) подтвердить ее отечественное происхождение. Несмотря на отсутствие филигранных, физические признаки данной бумаги в Апостоле 1671 г. идентичны образцам в экземплярах изданий, где использование московской бумаги подтверждено документально.

Такое значительное расхождение между расчетными данными (8,5 тетрадей) и фактическим наличием бумаги «московского дела» (25–26 тетрадей) в изученных экземплярах Апостола 1671 г. требует дальнейшего изучения. Данная аномалия может указывать либо на специфику распределения бумаги внутри тиража, либо на определенные допущения в приказном делопроизводстве, где номенклатура бумаги в Сметных списках не всегда в точности соответствовала реальному физическому составу издания. Привлечение более широкого круга экземпляров Апостола 1671 г. позволит окончательно определить, является ли выявленная картина системной для всего тиража или же она отражает особенности конкретных сохранившихся книг.

МАКУЛАТУРНЫЕ ЛИСТЫ МОСКОВСКИХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ XVII–XVIII ВЕКОВ В ПЕРЕПЛЕТАХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ИЗДАНИЙ ВЕРХНЕЙ ТИПОГРАФИИ

М.Ю. Борисов
сотрудник НИО редких книг (Музей книги) РГБ,
м.н.с. ИРИ РАН, аспирант РГГУ, Москва

А.М. Захарова
сотрудник НИО редких книг (Музей книги) РГБ,
аспирант РГГУ, Москва

В результате поэкземплярного изучения изданий Верхней типографии Симеона Полоцкого *de visu* было просмотрено 113 экз., хранящихся в собраниях РГБ, ГИМ, Библиотеки РГА-ДА, НБ МГУ. Это экземпляры изданий: Букварь языка славенска (1679), Тестament царя Василия к сыну своему Льву философу (1680), Псалтирь в стихах (1680), История о Варлааме и Иоасафе (1680), «Обед душевный» (1681), «Вечеря душевная» (1683). Из них 14 экземпляров дошли до наших дней в переплетах, подклеенных макулатурными листами кириллических изданий XVII–XVIII веков. В их число входит 7 экземпляров с хорошо сохранившимися макулатурными листами, которые можно атрибутировать.

Макулатурными листами принято называть листы и их фрагменты с печатным текстом преимущественно с дефектами печати, ошибочным или пробным набором, то есть бумажные отходы, остававшиеся в процессе книгопроизводства. Нередко их применяли для подклейки крышек переплета, укрепления и сглаживания концов бинтов, создания форзацн. и нахзацн. л. В изученных экземплярах были использованы макулатурные листы изданий Московского печатного двора (далее — МПД) XVII–XVIII вв. (5 экз.), а также листы издания «Обед душевный» Верхней типографии (5 экз.), в одном из экземпляров «Вечери душевной» были использованы макулатурные листы изданий обеих типографий.

Изучение переплетов книг находится в тесной связи с исследованием вопросов их бытования, а именно анализом состава владельцев экземпляров, что во многом может определять их оформление, степень сохранности и наличие отличительных знаков библиотек. Среди учтенных 14 экземпляров с сохранившимися макулатурными листами шесть экземпляров не имеют владельческих и иных записей или знаков. Четыре экземпляра входили ранее в состав библиотек крупных монастырей (Чудов, Заиконоспасский, Новодевичий и Донской); один экземпляр принадлежал Петропавловской церкви в Кремле. Нахождение на протяжении нескольких веков данных экземпляров в хранилищах обителей и церквей нам видится основной причиной лучшей сохранности переплетов книг, приближенных ко времени издания. Три экземпляра происходят из светских библиотек и собраний частных лиц: Букварь из собрания Прусской королевской библиотеки Берлина (из числа трофейных книг, вывезенных в качестве перемещенных культурных ценностей); История о Варлааме и Иоасафе, принадлежавшая ОИДР, о чем говорят автографы П.В. Хавского и П.М. Строева, а также ярлык библиотеки; наконец, экземпляр Псалтири в стихах, принадлежащий в 1760-е гг. архимандриту Троице-Сергиевой лавры Лаврентию Хоцятовскому, а после — библиотеке МДА, вероятнее всего, попавший туда после его смерти.

Макулатурные листы «Обеда душевного» были использованы для переплетов и самого сборника проповедей (1 экз.), и экземпляра издания «Вечеря душевная» (4 экз.). В трех случаях становится возможно атрибутировать фрагменты «Обеда душевного» для последующего изучения и анализа изменений, вносившихся в текст или набор в момент тиражирования сборника.

В первом случае с экземпляром «Вечери душевной» из собрания РГБ (Инв. № 1634) были исправлены пропуски слов, включения лишних знаков препинания и лишний перенос тех или иных слов. Изначально в подклейку переплета был использован первый лист «Поучения общего в день недельный» (л. 680 об.). В результате изменений за счет пропорционального добавления одних слов и сокращения других наборщикам удавалось сохранять набор в полосе неизменным для наиболее оптимального исправления ошибок. Кроме этого, для укрепления переплета был использован макулатурный лист, содержащий заключительную часть Слова 2 «Во святую и великую субботу»

(л. 670). Предположительно (половина листа заклеена) в самом конце проповеди для более гармоничного расположения слов на странице в наборе «в воронку» были убраны переносы слов «животворящим» и фразы «во веки веков», оставляя в последней строке только слово «Аминь». Во втором случае в «Вечере душевной» из РГАДА (СПК 3014), аналогично, в конце Слова 1 «В неделю 17 по сошествии Святого Духа» был изменен набор для гармоничного расположения текста (л. 307).

В третьем случае, в переплете «Вечери душевной» из РГАДА (СПК 1095) были использованы как листы «Обеда душевного» в качестве подклейки переплета, так и из Апостола 1679 г. Из «Обеда душевного» были использованы листы с Словом 1 «В неделю 1 по сошествии Святого Духа» (л. 109).

В нескольких экземплярах были обнаружены макулатурные листы из изданий МПД. Крышки экземпляра Псалтири в стихах (РГБ. Инв. № 1753) подклеены полосками краев с. 199 и 214 из Евангелия 1677 г. (являлись полосами первого печатного листа 14-й тетради). О более масштабной ошибке при издании книги свидетельствуют макулатурные листы (л. 74 и 79) из издания Апостола 1679 г. В экземпляре «Вечери душевной» (РГАДА. СПК 1095) они выполняли роль форзацн. и нахзацн. листов Л. 74 и 79 составляли полосы второго печатного листа 10-й тетради. Одна его сторона (слева направо — л. 79 об. и 74) имеет две готовые печатные полосы в то время, как другая (л. 79 и 74 об.) — только красный набор. Во время его печати оказалось, что указания к тексту двух полос были напечатаны на поле у корешкового сгиба, а не у краев листа, как должно было быть. Подобного рода ошибка была обнаружена и в процессе издания московского Служебника 1723 г. Полоски его макулатурных листов (л. 30 и 37 об.) обнаружены в экземпляре Псалтири в стихах (РГБ. Инв. № 10787). На их оборотах находятся две полосы л. 30 об. и 33, отпечатанные только красным набором. Также на стадии тиражирования выяснилось, что были перепутаны полосы на другой стороне печатного листа, на обороте л. 37 об. был оттиснут л. 34 об., а не л. 37. Одновременно на л. 34 об. видно, что текст набран не на той высоте.

Изучение сохранившихся ранних переплетов экземпляров Верхней типографии позволяют выявлять макулатурные листы московских кириллических изданий XVII–XVIII веков. С одной стороны, это создает перспективы для изучения конструктивных

особенностей переплетов XVII – первой четверти XVIII в., их исполнения и художественного оформления, а с другой — вводит в научный оборот уникальные исторические источники. Макулатурные листы представляют собой наглядные результаты процесса печати на МПД и Верхней типографии, демонстрирующие, что работа над текстом книг не прекращалась до самого завершения процесса тиражирования. Эти изменения возможно проследить только благодаря выявлению, атрибуции и анализу текста макулатурных листов вместе с анализом исправлений мастеровыми ошибок и просмотра вариантов текстов или иных изданий.

О НАЙДЕННОМ ЧАСОСЛОВЕ (М., ФЕВРАЛЬ 1680 Г.), РАНЕЕ ИЗВЕСТНОМ ЛИШЬ ПО ДОКУМЕНТАМ ПРИКАЗА КНИГ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА

И.А. Булычев
магистр теологии,
ведущий специалист РГАДА, Москва

Данная работа посвящена атрибуции неполного экземпляра Часослова (РГАДА. МГАМИД/спк № 813), а также анализу его организации как печатной книги в контексте издания богослужебных книг, содержащих в себе неизменяемые части служб суточного круга, на Московском печатном дворе в XVII веке.

Рассматриваемый экземпляр представляет собой книгу формата «в четверть» листа (8⁰). Издание выполнено в «две краски». Часослов напечатан *никитинской* азбукой (86 мм) (*Лукьянова Е.В.* Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог 1626-1650. М., 2002. Вып. 2. С. 322). Количество строк в наборной полосе — 13.

Книга состоит из двух частей с раздельной фолиацией. Первая часть содержит 7 листов (1 тетрадь без сигнатуры). Вто-

рая часть содержит 304 листа (38 тетрадей с сигнатурами буквенной цифирью), но имеет в конце следы утраты нескольких тетрадей. В первой части отсутствует л. 1, содержавший выходные данные. Во второй части отсутствуют л. 4 и 5, на которых был напечатан фрагмент начала вседневной полунощницы, а также л. 303 и 304 с окончанием приложения «иные тропари, поемая по непорочнах в субботу, глас 5».

Художественное оформление декорирующих книгу заставок позволяет отнести печатание этой книги к периоду после 1677 г., что делает этот год нижней границей поиска издания. Отсутствие в экземпляре антистарообрядческого сочинения «Древнее предание о сложении перстов», внесенного в состав Часослова издания сентября 1684 г. указом патриарха Иоакима (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 100. Л. 81b), позволяет определить верхнюю границу поиска издания как декабрь 1683 г. — время выхода последнего Часослова «в четверть» без данного антираскольнического текста. (Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв. М., 1958. № 385).

За этот период на Московском печатном дворе были напечатаны семь изданий Часословов (все «в четверть»), из которых четыре по своему шрифту и примерному количеству тетрадей могут соответствовать рассматриваемому экземпляру. Экземпляры этих четырех изданий не сохранились до нашего времени. Это Часослов издания марта 1678 г. (*никитинская* азбука, 44 тетради — РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 75. Л. 47a–50b), Часослов с утренними молитвами и на сон грядущий издания января 1679 г. (*никитинская* азбука, 43 тетради — Там же. Л. 79a–84a), Часослов с утренними молитвами и на сон грядущий издания февраля 1680 г. (*никитинская* азбука, 44 тетради — Там же. Л. 141a–144b), а также Часослов издания марта 1681 г. (*никитинская* азбука, 46 тетрадей — Там же. Л. 176a–180b).

Следы утраты нескольких тетрадей в конце книги, а также наличие практически полного литургического состава приложений, завершающих Часослов, показывают, что данный экземпляр имел отличающийся от стандартного состав. Это указывает на то, что атрибутируемая книга принадлежит к изданиям с дополнительными молитвами. Кроме того, в копийной докладной выписке, посвященной затратам на печатание Часослова издания января 1679 г., подробно указывалось его содержание: Часослов был напечатан на 38 тетрадях, а на пяти тетрадях содержа-

лись утренние и на сон грядущий молитвы (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 75. Л. 79а). Идентичность шрифта позволяет экстраполировать количество тетрадей, на которых были напечатаны в нем указанные молитвы, и на издание февраля 1680 года. С учетом того, что в атрибутируемом экземпляре содержится 39 тетрадей, этот факт позволяет отнести его к изданию, работы над выходом которого начались 9 января 1680 г., а завершились в феврале 1680 года.

Организация атрибутированного экземпляра как печатной книги была характерной для московских Часословов, издававшихся в начале 1680-х годов. Она сочетала в себе элементы внутреннего оформления, свойственные как для Часословов 1660–1670-х гг., так и печатавшихся в 1680-х годах.

Основным отличием последних от более ранней традиции являлось превалирование функционального принципа в книжной организации того периода. Выражением этого являлся переход к единообразной рубрикации книги преимущественно посредством малых заставок, позволявшей внятно отделять разделы книги друг от друга и не занимать много места на листе. Это позволяло даже на начальной странице рубрики лишь незначительно уменьшать наборную полосу. Внутреннее оформление Часословов периода середины 1660 – середины 1670-х гг. сохраняло элементы дифференциации последований служб посредством художественных средств. Это ранжирование было унаследовано от печатной традиции Часовников 1620-х – середины 1650-х годов. Многие рубрики, которые либо отсутствовали в Часовниках, либо не выделялись в них большими заставками, оформлялись в Часословах того периода не малыми заставками, а наборными украшениями, которые визуальнo менее четко выделяли предваряемые ими разделы.

Чертой книжной организации Часословов начала 1680-х гг., в том числе и издания февраля 1680 г., было то, что московские типографы при их печатании достаточно последовательно придерживались принципов единообразной рубрикации. Эта особенность роднила их с предшествовавшей им традицией оформления этих книг, в рамках которой также наблюдается следование достаточно явному канону. Примером этому служило систематическое использование ограниченного набора из трех-пяти досок (из которых преимущественно использовались две-три) для художественного оформления заставками Часословов нача-

ла 1680-х гг. Другим примером стремления московских типографов при печатании Часословов начала 1680-х гг. к соблюдению единообразности оформления являлось использование наборных украшений для маркирования довольно малого круга последований. В обоих случаях издатели Часословов середины – конца 1680-х гг. проявляли меньшую строгость в устройстве их книжной организации.

Открытие ранее неизвестного в библиографии издания февраля 1680 г. в купе с изучением особенностей его книжной организации открывает новые возможности по датировке дефектных экземпляров Часословов, а также расширяет представление о репертуаре Печатного двора, что позволяет пролить свет не только на историю книгопечатания в Москве, но и на детали развития истории русской культуры XVII века.

ЯЗЫКИ И АЛФАВИТЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Н.Т. Валеева
к.филол.н., доцент РГГУ, Москва

Существенной частью языковой политики СССР было выстраивание отношений между русским и другими языками на его территории. Вкратце в этой части следует выделить два основных периода: коренизация, или языковое строительство, (с 1917 до середины 30-х гг.) и русификация (с середины 30-х гг. и до распада СССР). Применительно к вопросу письменности коренизация включала создание алфавитов на базе латиницы для бесписьменных языков и латинизацию всех уже имеющих алфавитов; русификация — кириллизацию всех письменных систем на территории СССР. Как известно, ни первая, ни вторая цель не была достигнута в полной мере, однако во многих язы-

ках последствия языковой политики СССР ощущаются до настоящего времени.

В постсоветский период как вследствие внутривнутриполитических факторов, так и под влиянием извне в некоторых вновь образованных государствах процесс трансформации алфавитов продолжается, при этом отголоски прошлых эпох переплетаются с новой реальностью. Кроме того, в современном мире ни одна мало-мальски открытая страна не может избежать влияния английского и китайского языков, в том числе и со стороны их систем письма. Таким образом, в некоторых странах постсоветского пространства, и особенно в городской среде, где сдерживающая роль нормы минимальна, а стремление к успешной коммуникации максимально, можно, читая вывески, объявления, информацию для туристов, наблюдать причудливую, но вполне симптоматичную смесь языков и алфавитов. Хорошей иллюстрацией этого феномена служат, например, большие города современного Узбекистана.

После арабского завоевания Центральной Азии узбекский язык активно начинает осваивать арабскую вязь, позже к ней добавляются элементы персидской вязи, а также происходят некоторые другие модификации, обусловленные нуждами узбекской фонологии. Этот процесс растягивается на много веков; эволюцию узбекского письма арабского периода запечатлели архитектурные памятники IX–XIX вв. в Самарканде, Бухаре, Хиве. Что касается бытовой сферы, то после вхождения территории современного Узбекистана в состав Российской империи туда стал проникать русский язык вместе с кириллицей; на старых фото можно видеть в городском пространстве вывески как на узбекском, выполненные вязью, так и на русском кириллические.

Однако в XX веке ситуация меняется радикально, на смену последовательному и лингвистически обусловленному процессу приходят политически мотивированные метания и скачки; этот период длится до настоящего времени. На этапе коренизации происходит отказ от традиционного узбекского алфавита в пользу модифицированной латиницы, так называемого яналифа, при переходе к русификации яналиф заменяется модифицированной кириллицей; после распада СССР властями Узбекистана принимается решение вернуться к латинице, но в другой модификации, с опорой на турецкий алфавит; через несколько лет моди-

фикация меняется в пользу отказа от турецкой модели и разработки нового, оригинального варианта. Следует также отметить, что в повестке до сих пор периодически возникает идея возврата к арабской вязи, вплоть до реализуемых попыток вернуть ее изучение в общеобразовательные школы.

В городской среде все это отражается следующим образом:

1. Надписи на русском языке могут выполняться как кириллицей, так и латиницей, при этом они встречаются достаточно часто;

2. Надписи на узбекском языке выполняются только латиницей;

3. В надписях на английском языке всегда сохраняется английская орфография, надписи на китайском языке выполняются с помощью иероглифов;

4. Названия популярных блюд (чизбургер, пельмени, пицца и под.) в меню и на рекламных щитах, а также другие интернациональные слова пишутся латиницей либо в оригинальной, либо в узбекской орфографии, при этом общая стратегия обычно отсутствует, в одном меню могут встретиться разные модификации латиницы;

5. Другие языки и алфавиты кроме упомянутых в городской среде практически не встречаются.

ПЕРЕНОС СЛОВ В ЛАТИНСКОМ ПИСЬМЕ IX ВЕКА

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

*Н.А. Василенко
аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

Разделение слова в конце строки и перенос оставшейся части слова на новую строку представляется естественным процессом при письме, особенно в условиях экономии материала письма, будь то камень, папирус, пергамен или бумага. Можно сказать, что перенос слов использовался в латинском письме всегда, начиная с древнейшего известного нам памятника, над-

писи Форума, CIL I²: 2.1, 1 (= CIL 6.36840), датируемой VII веком до н.э.

Интересны принципы, которыми руководствовались писцы при переносе слов, если их можно выявить, а также возможность изменения этих принципов с течением времени и развитием грамматической теории. Также представляется важным наблюдение за знаками или отсутствием знаков, которыми перенос слов мог обозначаться.

Перенос слова, предполагающий разрыв внутри слова, может быть связан со слогоразделом. Таким образом, мы допускаем влияние фонетической возможности произнесения слова по частям на то, как это может отображаться на письме. Это предположение возможно, например, с учетом того, что писцы выполняли надпись, воспринимая текст на слух. В тексте надписи Форума можно выделить как минимум два слова, написанные с разрывом и переносом на новую строку: KALATO-REM, IOYXMEN-TA (знаком ‘-’ мы обозначаем место переноса в тексте; в самом памятнике перенос слов никак не обозначается). Таким образом, на основе самого древнего письменного памятника мы отмечаем, что перенос слов в латинском письме появляется совместно со становлением форм букв на этапе архаического письма. В надписи Форума оба переноса слов выполнены в месте возможного слогораздела. Перенос слов нередко встречается в римских эпиграфических памятниках и папирусах (см., например, договор P. Lond. 2 229 (ChLA 3 200) 166 г. н.э.).

К проблеме переноса слов могут примыкать вопросы слогораздела, словораздела, постановки и истории знака, указывающего на перенос слова. Что касается взаимосвязи переноса слов и слогораздела, то, судя по всему, прямая связь прослеживается с самого начала латинской письменности. Теоретические положения относительно слогораздела, появляются позже, например, в позднеантичных грамматиках, и впоследствии влияют на то, как перенос слов отображается в рукописях. Есть примеры исправлений, вносимых в орфографию текста рукописей, которые связаны с переносом слов, например, в деятельности каролингского редактора рукописей Сервата Лупа (ок. 805–862).

Наличие или отсутствие словораздела, наоборот, не влияет на перенос слов: он есть и в древнейших памятниках, где слова отделялись специальными знаками, и в более поздних, в которых используется заимствованная из греческой письменной тра-

диции *scriptura continua*. Обозначение переноса слова на новую строку специальным знаком входит в употребление в латинском письме не ранее XI в. (Lowe E.A. *The Beneventan Script: a history of the South Italian minuscule*. Oxford, 1914. P. 277).

Особое внимание следует уделить исправлениям переноса слов, внесенным Серватом Лупом в текст рукописи, содержащей сочинение римского автора I в. н.э. Валерия Максима «Достопамятные деяния и изречения» (Bern, Burgerbibliothek, Cod. 366). Исправления переноса слов относятся к типу орфографических исправлений. По форме исправления выглядят как затирание или зачеркивание буквы на первой строке и дописывание ее на следующей строке. Для обозначения места переноса знаки не используются ни основным переписчиком, ни редактором.

Серват Луп исправлял перенос слов систематически и придерживался определенных теоретических принципов, изложенных в позднеантичных грамматических сочинениях. В исправлениях Сервата Лупа прослеживается взаимосвязь с грамматическими положениями, относящимися к вопросам слогораздела: как редактор он пытался выправить орфографию переносов слов в согласии с учением о слогах в позднеантичной грамматической традиции. В частности, больше всего представлены исправления переноса слов с определенными сочетаниями согласных (*ct, gm, gn, st, sc, str, scr*), которые не могут быть отнесены к разным слогам, согласно Присциану, поэтому при исправлении Луп помещал такие сочетания согласных в начало следующего слога. Приведем примеры исправленных Лупом переносов слов: *recep-ta* исправлено на *rece-pta*, *elap-sus* на *ela-psus*, *detestandum* на *dete-standum*, *erubes-cendum* на *erube-scendum*, *describendum* на *de-scribendum*, *ac-turi* на *a-cturi*, *frag-menta* на *frag-menta*, *sig-no* на *si-gno*.

Результаты анализа переноса слов в редакторской правке Сервата Лупа и в его деятельности в качестве переписчика (на примере рукописей Bern, Burgerbibliothek, Cod. 366, BL Harley MS 2736, BnF Lat. 5726) весьма показательны.

ВЫВОД ВОТЧИННИКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(ПО ПИСЦОВЫМ КНИГАМ НОВГОРОДСКИХ ПЯТИН)

П.В. Гаврилов
м.н.с. ИВИ РАН, Москва

Настоящее исследование посвящено процедуре проведения вывода новгородских вотчинников, предпринятого Иваном III после захвата Новгородской земли в 1478 году. Сформулирую аргумент, доказывающий неоднократные конфискации у новгородцев: именно вследствие изъятия земель формировалась несохранившаяся часть делопроизводственного комплекса, который послужил основой для писцовых книг последнего десятилетия XV века. А.А. Фроловым была предпринята попытка решения сходного вопроса, но в отношении земель монастырей и архиепископа (*Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М., 2017. С. 180). Л.А. Бассалыго заметил две «аномалии» текстов писцовых книг. Первая — деревни, числящиеся за отцом или матерью новгородского землевладельца, могли числиться также и за сыном. Вторая — одни и те же деревни по писцовым книгам могли быть указаны как за женой, так и за мужем. Исследователь оставил проблемы без объяснений (*Бассалыго Л.А.* Перечень сведенных новгородских землевладельцев // Писцовые книги Новгородской земли. М., 2009. Т. 6. С. 256, 335). Предполагаю, что объяснение связано с множественностью конфискаций, так как летописные свідетельства сообщают о нескольких арестах представителей верхушки новгородского боярства. Д.Я. Самоквасов при издании документов рассмотрел такие сообщения во взаимосвязи с появлением источников, которые использовались при составлении текстов издаваемого комплекса (*Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. 1905. Т. 1. С. 75–103).

Приведу неполный список примеров последовательных конфискаций у ближайших родственников, неравных по своему положению. В писцовой книге И.Д. Вельяминова в качестве ста-

рых владельцев указаны Григорий, Марья и Михаил Тучины. Согласно реконструкции генеалогических связей прусско-плотницкой группы В.Л. Янина, персоны были членами семьи: Григорий и Марья — супруги, Михаил — их сын (*Янин В.Л. Генеалогия боярских родов Великого Новгорода. Часть 1: прусско-плотницкая группа // Историческая генеалогия. 1994. Т. 4. С. 47*). Следовательно, возможная интерпретация попадания в текст писцовой книги каждого члена фамилии заключается в последовательной конфискации владений: сперва у мужа, затем у жены, вступившей в наследство, а после и у сына. У Григория была конфискована безымянная волостка в погосте Богородицком в Залазне. У Марьи изъята боярщина Маги в Егорьевском Млевском погосте. Михаилу принадлежала деревня Камышки в Егорьевском Млевском и участки в Богородицком Рыбенском погостах. Пространственный разброс закономерен — различные документы-источники, используемые для составления писцовой книги И.Д. Вельяминова, сообщали о том участке новгородского семейства, которым владел последний, на момент конфискации, вотчинник (*Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М. 1991. С. 123*). Сходную ситуацию можно обнаружить, наблюдая за конфискациями у семейства Марковых. Вотчины Ивана и Феклы располагались в Бежецкой и Деревской пятинах. У нескольких Иванов Марковых конфискованы земли также в Локотском, Рютинском и Никольском Забережском погостах, а также участок на Легоще улице. Любой из них мог быть мужем Феклы, но важно, что конфискация производится у разных членов семьи, неравных по своему положению. Похожие ситуации у Максима Жохова и его незамужней жены, Семена и Орины Зайцевых, Василия и Ульяны Зайцевых, Василия и Офимьи Молостовых, Василия и Огафьи Машковых, Петра и Григория Чашниковых (Новгородские писцовые книги / Подг. к печ. С.К. Богоявленским. СПб., 1910. Т. 6. Стб. 43, 77, 306, 403; *Бассалыго Л.А. Перечень. С. 242–243, 256, 273, 333*).

Протицирую наблюдение В.Л. Янина о землевладении Марфы Борецкой. Исследователь объяснял масштаб владений вотчинницы следующим образом: «...воспринимая земельные богатства Марфы как вернувшееся к ней после смерти Исака Андреевича приданое, мы получаем возможность объяснить сам парадокс землевладения этой боярыни, оставшейся вотчинницей и после смерти мужа несмотря на наличие у неё взрослых сыно-

вей. В таком случае мы должны признать ее единственной дочерью и полной наследницей неизвестного нам по имени сына Афанасия Есифовича, иными словами — брата Григория Афанасьевича...» (*Янин В.Л.* Генеалогия. С. 37). Не полемизируя с В.Л. Яниным в вопросе о землевладении Марфы, обращаю внимание на значительное количество только выявленных случаев конфискаций, непрозрачных к пониманию. Все из них затруднительно объяснить сложившейся традицией в наследовании. Но одновременность конфискаций у одних членов новгородских семей и единовременная, к примеру, у Марфы представляется достоверным сценарием. Вышеизложенные наблюдения позволяют также солидаризоваться с В.Н. Бернадским, утверждавшим, что конфискации земель у новгородцев растянулись на продолжительный срок (*Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. Л., 1961. С. 322; *Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги. С. 146–151).

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В 20-Е ГОДЫ XVII ВЕКА СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ РАБОТЫ ПОМЕСТНОГО ПРИКАЗА И НОВОЙ ЧЕТВЕРТИ

А.О. Гуляева
гл. специалист Отдела информационного обеспечения
РГАДА, Москва

После московского пожара 1626 г. Поместный приказ фактически лишился своего архива. Приказные служащие (судьи, дьяки, подьячие) оказались в ситуации, при которой разрешение спорных земельных дел часто зависело исключительно от свидетельских показаний и предоставленных спорящими сторонами крепостей. При этом проверка подлинности документов, хранившихся на руках у землевладельцев, стала, по меньшей мере, затруднена.

В материалах столбцового делопроизводства в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) отложились дела, свидетельствующие о проведении своеобразных дипломатических и палеографических экспертиз.

В качестве примера можно назвать спорное дело вдовы Соломонины Ивановской жены Карауловой и ее сына Григория с Борисом Ивановым сыном Нелединским о поместье Ивана Караулова в Ясеницком стане Бежецкого уезда, начатое в Поместном приказе в конце августа 1626 г. Истцы утверждали, что часть унаследованного ими поместья (деревня Спирово) была незаконно отобрана у них и передана ответчику, благодаря его «дружеским» связям в Поместном приказе. После очной ставки по этому делу 5 августа 1627 г. Григорий Караулов положил в Новой четверти перед арбитрами — князем Данилом Ивановичем Мезецким и дьяком Василием Копниным — грамоту, датированную 4 ноября 1581 года.

Грамота была приложена к делу. Она написана на более темной бумаге, чем основной текст столбца, имеет следы крепления печати (отверстия в нижней части) и в нескольких местах надорвана (отсутствуют верхний правый и нижний левый края, имеются разрез справа под датой над отверстиями для печати и утраты фрагментов листа по всей длине; все эти повреждения прочно подклеены прямоугольными кусочками плотной бумаги XVIII в. с обратной стороны листа). Документ был выявлен, атрибутирован как подлинник и впервые опубликован А.В. Антоновым (Акты служилых землевладельцев. М., 1998. Т. 2. С. 170. № 180). Позволю себе привести свой вариант прочтения текста грамоты и примечаний к нему:

«От ц(а)ря и великого кн(я)зя Ивана В[асильевича] (1) Всеа Руси в Бежецкой Верх в Ясенецкой стан в деревню в сельцо Токарево з д(е)р(е)вням[и] (2) и с пустошьми, — а по розписи, что прислана с Москвы за приписью дьяка Юрья Нелидинского, написано: д(е)р(е)вня Токарево, что было в поместье за Советом за Дмитриевым с(ы)н(о)м Коротневы[м] (3), а н(ы)не то поместье отписано на нас, — всем кр(е)стьяном, которые в том поместье живут: пожаловали есмя тем поместьем Ивана Петрова с(ы)на Караулова в его оклад в двесте четьи в поместье со всеми угоды, и з животом, и с лесом стоячим, и с молочиным, и з земляным, — а по розписи за приписью дьяка Юрья Нелединского лета 7090 в том Советове поместье написано пашни 120 (4) пять че-

ты, — и вы б, все крестьяне, которые в том поместье живут, Ивана Караулова слушали, пашню паханую пахали, доход ему помещиков платили до тех мест (5), докуды ему на то поместье, сыскав по книгам, велим дати ввозную грамоту. Писан в слободе лета 7090 ноября в 4 день».

На обороте: (6) Правил подьячей Казаринец Гордеев (7)» (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Торжку. Ед. хр. 27279. Ч. 2. Л. 238–238 об.).

Примечания: 1, 2, 3 — утраты правого края листа с фрагментами текста; 4 — бумага по центру строки на месте записи числа «120» повреждена и частично утрачена, число вписано крупно и выходит за пределы строки вниз; 5 — на месте буквы «с» в слове «мест» клякса; 6 — текст удостоверительной части в верхнем поле полностью заклеен плотной бумагой, поверх места склейки нанесена скрепа секретаря Ивана Касаткина, под местом склейки видна нижняя часть слова «царь»; 7 — подпись подьячего расположена в нижнем поле справа.

Согласно материалам дела, грамота имела повреждения уже в начале XVII в. Поэтому, несмотря на внешнюю подлинность, она вызвала подозрение у судей, и они собрали комиссию из десяти площадных подьячих во главе со старостой Безсоном Козиным. Результатом их экспертизы стало следующее заключение: «И площадные подьячие староста Безсон Козин, Тихонко Олферьев, Ивашко Федоров, Осипко Ушатой, Жданко Григорьев, Ивашко Селин, Данилко Линева, Потапко Федоров, Ондриушка Федоров, Ивашко Моисеев тою грамоту досматривали, и в допросе сказали, что в той подлинной грамоте в большом числе в четвертях скребено — а скребено де не ножем: терто в том месте мокрым перстом, — и поправка иная рука; да и по тому де знатно, что переправлявано: ни в которых г(о)с(у)д(а)р(е)вых грамотах в четвертях числом не пишется, а в той грамоте «120 четьи» написано числом, а «пять четьи» написано складом...» (Там же. Л. 239). Как можно видеть, опытные подьячие при оценке документа обратили внимание на характер повреждений, неоднородность почерка и формуляр акта. То есть, говоря современным языком, провели палеографический и дипломатический анализ. Таким образом, экспертиза 1627 г. выявила в предоставленной Карауловыми грамоте интерполяцию, которая не поддавалась современному археографу

в связи с обветшанием документа и попытками его реставрации служащими Вотчинной коллегии в XVIII веке.

Дальнейшее развитие дела показало, что правка в текст грамоты была внесена Карауловыми в попытке скрыть утайку и оспорить последовавшую за ее разоблачением конфискацию утаенной поместной земли в пользу Бориса Нелединского. Дядя молодого Григория Караулова Богдан Ушаков побудил племянника воспользоваться пожаром 1626 г., в котором сгорели и дело об утайке, и земляные списки конца XVI в. – начала XVII в. Прежний держатель поместья — Совет Коротнев — скончался за 60 лет до событий и не мог бы выступить свидетелем. К неудаче Карауловых отдельная грамота со всеми подробностями дела об утайке была отправлена воеводе Устюжны Железнопольской задолго до пожара — список с нее был прислан в Поместный приказ, и обращение к нему окончательно разрешило дело в пользу ответчика.

РАЗВИТИЕ ФОРМУЛЯРА ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ В ТОТЕМСКОМ СОЛЯНОМ ПРОМЫСЛЕ СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ В 1616–1623 И 1640-Е ГОДЫ

*М.М. Дадыкина
к.и.н, доц. Школы гуманитарных наук и искусств
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург*

В основу анализа положены материалы делопроизводства Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря 1616/17, 1619/20, 1620/21 и сентября-октября 1623 гг., когда промыслом руководил старец Арсений (НИА СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 79, 83, 88, 95) и книги старца Серапиона Обросимова 1645/46–1648/49 (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 28–32). К 1620-м гг. формуляр этих книг уже сложился, хотя в структуре некоторых разделов еще чувствуется «рыхлость» (например,

заготовку дров могли записывать не функционально (сечка, возка, валка в лесу), а по календарному ходу работ, одни операции перемежаются другими, отчего данная часть выглядит излишне дробной. В обобщенном виде формуляр книг включал в себя следующие части:

I. Заголовок: крайние даты, имя старца, руководящего службой, характер документации («книги приходные и расходные»).

II. Приходная часть.

1. Преамбула: указание на полученное благословение от игумена (игумена и келаря) и соборных старцев на исполнение службы;

2. Учет «остатков» — денежной суммы, перешедшей из предыдущего года;

3. Поступление денег из монастыря на ведение промысла (если таковое было);

4. Приход денег от продажи вываренной и сохраненной ранее соли;

5. Приход денег от иных операций (могли быть указаны в соответствии с датами их совершения, перемежая операции с солью).

III. Расходная часть.

1. Преамбула: указание на полученное благословение от игумена (игумена и келаря) и соборных старцев на исполнение службы;

2. Текущие расходы на содержание промысла: покупка оборудования, продовольствия, ремонтные работы, выплата жалования слугам, наемным людям и т.п.;

3. Расходы на солеварение (по варницам, порядок их учета меняется от книги к книге);

4. Расходы на заготовку дров: а) сечка дров, б) возка насаженных дров из новин, в) валка («валеж») дров в лесу, первоначально единственная часть, где записаны имена подрядчиков.

IV. Переходящий остаток денежных средств.

К 1640-м гг. эта схема становится еще более строгой, при составлении беловых книг каждый крупный раздел начинается с нового листа, иногда разделы отделены друг от друга чистыми листами, появляются дополнительные заголовки, еще более упорядочивающие записи. Последнее можно рассматривать все же как новации отдельных писцов, не обязательно закрепившие-

ся в дальнейшем, так же как к особенностям ведения записей, видимо, стоит отнести отсутствие дат в разделе о заготовке дров в книге 1645/46 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 28).

Отражением текущей экономической ситуации являются также варианты записей прихода денег из иных, кроме продажи соли, источников. Так, в книгах 1620-х гг. можно встретить записи о продаже запасов хлеба, скота, имущества, сбора процентов по кабалам, оброчных платежей с крестьян. В 1640-е гг. Общее положение промыслов и монастыря, несмотря на кризис, вызванный неудачным введением двугривенной соляной торговой пошлины в 1646 и угрозу принудительной продажи варниц и перевода монастырских крестьян в посад в 1649 гг., тем не менее оставалось более устойчивым. Деньги поступали как из монастыря, так и от продолжившейся торговли солью, с минимальными убытками, поэтому экстраординарных мер по увеличению доходов книги не фиксируют.

Более интересными и существенными являются несколько тенденций, которые отразились в схемах построения клаузул о продаже, выварке соли и заготовке дров.

- Структура записей статей, связанных с соляной продажей/расходами на выполнение работ наемными людьми, становится четкой и подчиняется единой логике: дата — вид операции — обязательное указание контрагентов — объем проданной соли в пудах/объем работ — цена за ед. продукции/работ за принятую единицу труда — итоговая стоимость.

- Для наемных крестьян (при заготовке дров) или покупателей соли обязательно указывается имя хотя бы одного из них, часто — всех (или «со товарищи»), а также их принадлежность конкретной местности — волости, деревни, монастыря и т.п.

- Если в книгах 1620-х гг. в учете затрат на производство соли выплаты указывались суммарно для всей артели без разбивки по категориям работников, для каждой из варниц за продолжительный период, в который входило сразу несколько непрерывных циклов-полуварь, без указания объема выварки, то в книгах 1640-х гг. Эти статьи детализируются. Учет по варницам ведется для каждого варочного цикла (полувари) с обязательным указанием числа работников и их профессионального статуса (повар, подварок, водолеи, тчанник, пескарь, иногда — дрововоз), жалование каждой категории работников и только потом — итоговая сумма выплат всей артели; кроме того обяза-

тельно указан объем вываренной соли (при этом оплата труда работников была повременная, не зависела от количества произведенной продукции). В случае останковки варниц обычно прописана причина — какие-либо ремонтные работы.

Отмеченные изменения в развитии отдельных частей сложившегося формуляра учетных документов указывает на следующие более общие явления социокультурной и экономической жизни, проявившиеся к середине века:

1. Переход от обобщенного подсчета расходов к их все большей детализации, обязательным указанием на стоимость выбранной для учета единицы (товара, времени, затрат труда), что было связано с развитием экономических представлений, обмена и рынка, связанных с ними ситуаций возможных судебных споров, необходимости четко понимать как формируется доход, где возможны убытки, как выбрать успешную стратегию экономического поведения;

2. Подробную персональную информацию с социо-географической «привязкой» можно рассматривать как общую тенденцию времени, косвенно указывающую на большую оседлость населения, возможности судебного преследования, для чего необходима четкая идентификация ответчика, социальное конструирование со стороны государственных институтов и формирования в сознании людей привычки описывать себя и других через эту рамку.

АПЕЛЛЯЦИИ КАСИКОВ НОВОЙ ИСПАНИИ К ГЕРБАМ ПРЕДКОВ В XVIII ВЕКЕ

*К.А. Елохин
к.и.н., н.с. ИВИ РАН, Москва*

Конкистадоры завоевывали Мексику с помощью различных местных народов. Однако и эти народы, и их правители считались завоеванными, а не завоевателями. Поэтому в XVIII в., когда некоторых потомков касиков решили обложить налогами нарав-

не с другими представителями автохтонных народов, они апеллировали к своим гербам, в которых отразилось участие их предков в завоеваниях, различные знаковые события того времени. Кроме того, к XVIII в. испанцы либо конфисковали под разными предлогами землю местной знати, либо вынуждали продавать им ее за бесценок, либо получали приданое землей.

В 1718 г. Филипп V и в 1749 г. Фердинанд VI издали указы об изменении территориальной структуры Новой Испании, однако, практически ничего сделано не было. В 1786 г. Карл IV издал указ об Интендантах — реформе провинций Новой Испании, делившейся на 12 округов, в связи с чем власть местной знати была полностью утрачена, и она к гербам предков более не апеллировала. Для нас важно то, что обращения местной знати и городов к гербам предков проходили именно в этот тревожный для них период.

Вскоре после победы испанцев городские кабильдо (администрации) и автохтонная элита познакомились с испанским правом, что привело к постоянному потоку разнообразных петиций королю и его Совету. Испанские союзники из элиты коренных народов направляли просьбы предоставить им гербы, апеллируя к трем основаниям:

- 1) прямому участию определенного правителя или его рода в завоевании, умиротворении и заселении различных мест в Новой Испании;

- 2) к тому, что они как истинные христиане способствовали распространению христианства и руководили сохранением памяти о нем в драматических произведениях, в картинах и текстах;

- 3) их благородному происхождению: местная элита приводила в пример основателя рода, чье благородство ни у кого сомнений не вызывало.

После победы испанцев геральдика стала важнейшим инструментом политической коммуникации.

В отличие от испанских конкистадоров, которые начали писать петиции о предоставлении гербов вскоре после первых завоеваний 1520-х гг., автохтонные конкистадоры попросили эту привилегию только с середины XVI века. Гербы были пожалованы касикам, поскольку те лично просили о них; в ином случае корона их бы не пожаловала. Что касается муниципальных гербов, то они размещались на четырех копиях одного и того же

документа, и зачастую содержали доиспанские пиктографические знаки, которые могли быть не поняты художником, — этим объясняются незначительные различия в изображениях гербов.

Щиты и знамена с различными знаками были известны в Мезоамерике и до прибытия испанцев. Изображения на щитах воинов указывали на географическое происхождение, этническую принадлежность и тому подобное. Кроме того, их символические значения продолжали осознаваться коренным населением. Изображения на щитах и знаменах совпадали, но при этом различались родовые и городские (общинные) знамена и щиты не только визуально, но и терминологически — они именовались *tlatocatlauiztli* и *altepetlauiztli* соответственно. Однако герб подразумевал социальную привилегию. Люди не только считали гербы признанием испанской короной легитимности местных правителей и их подвигов в завоеваниях, но и узнавали древние символы, усиливающие идентичность их общины. Это объясняет включение атрибутов различных божеств-покровителей в гербовое пространство.

Оригинальность местных гербов состоит в том, что они демонстрируют отклонения от европейских норм, таких, как, например, использование и сочетание разнородных элементов, изменения в эмалях (когда накладывается цвет на цвет или металл на металл) и использование необычных цветов, таких как фиолетовый, который обычно предназначался для церковных гербов. Встречались и оригинальные нашлемники, повторявшие доиспанские украшения шлемов касиков. Гербы характеризовались значительной вариативностью, что является результатом относительной гибкости геральдического языка, а также плодотворного сочетания и переосмысления иконографических элементов как европейских, так и местных.

Существует различие между двумя типами петиций о пожаловании гербов с точки зрения их аргументации. Одна группа петиций состоит из тех, которые фокусируются на услугах и участии, оказанных во время прибытия и обустройства испанцев в Мезоамерике (1519–1521), а также во время первоначального завоевания Теночтитлана в 1521 г. (до Ночи Печали). Второй тип петиций подчеркивает услуги и участие, оказанные в более поздних завоеваниях и в процессе колонизации, особенно обращение коренных народов в католическую веру.

Общины, имевшие право на герб, считались выше тех, которые герба не имели, поэтому все стремились его получить. Получение гербов касиками, и, соответственно, утверждение благородства, были связаны с освобождением от налогов, распределением земли и социальным престижем.

Благородное происхождение касиков подтверждалось, они получали гербы и освобождение от налогов, но не более. Земли, которую им предлагали, находились далеко на севере, где начинались территории кочевых племен, и местная знать была в ней не заинтересована, поскольку без притока финансов эта земля с многодетными семьями была бедна. Более престижная и богатая, населенная ремесленниками земля, расположенная ближе к столице, была разобрана испанскими конкистадорами.

В архивах сохранились юридические документы защиты касиками своих привилегий, но не королевские указы, что вело к систематической потере ими должностей и привилегий, на что особенно сетовали в XVIII веке. Родословная и герб были не просто требованиями для подтверждения благородства, но являлись частью местной идентичности и выступали как подспорье для демонстрации лояльности короне во время празднеств.

Таким образом, все обращения и апелляции к гербам предков и их заслугам практической пользы местной знати не принесли, кроме, пожалуй, удовлетворения собственных амбиций.

ПЧЕЛА И ЛИРА — ГЕРБ РОССИИ

И.Б. Емелин
независимый исследователь,
Петрозаводск — Сочи

В государственном архиве Милана хранится Гербовник Кремозано. Марко Кремозано — чиновник, эрудит и историк. С 1673 г. до своей смерти в 1704 г. он создавал геральдическую рукопись. В первом томе приведены краткие правила геральдики, значение некоторых фигур, типы корон и гербы разных стран. Во втором — около 8 000 гербов семей Ломбардии. Марко Кремозано среди прочего включил в свой труд «старый и новый

герб Великого князя Московского». Новый герб — в зелени черный двуглавый орел, старый — в серебре черное крылатое насекомое, усыпанное звездами, с лирой на спине ([Электронный ресурс] URL: <https://archiviodigitale-icar.cultura.gov.it/it/185/ricerca/detail/648536>, дата обращения — 15.09.2025; Т. 1. Р. 283).

Герб явно вымышленный. Дополнительной информации и описания герба нет. Если выбирать из насекомых пчелу или муху, можно предположить, что это муха. У пчелы другая голова, крылья и тело. Но более весомый аргумент, в итальянском языке «Москва» и «муха» — омонимы *Mosca*. Герб становится гласным.

Звезды и струны — это созвездие лиры. Расположение ключевых звезд совпадает. В известных уранографиях оно обозначалось схожим образом, только с орлом вместо мухи. Орел или гриф в уранографиях помещен под влиянием исламских астрономов, которые называли звезду Вега хищной птицей, пикирующей на свою добычу.

Выбор созвездия для олицетворения Московии достаточно странный. В XVII в. существовала традиция геральдизировать звездное небо. Но с данным созвездием связана другая страна. Эрхард Вейгель «для сыскания себе у высоких особ милости, и у всех людей похвалы, вознамерился выдумать новое небо, которое он назвал Геральдическим и вместил в оное гербы европейских государей, князей и прочих людей» (*Козицкий Г.В.* О пользе мифологии // Трудолюбивая пчела. 1759. № 1. С. 20–21). Его геральдический глобус звездного неба привлекал внимание исследователей (*Пчелов Е.В.* Геральдическая реформа карты звездного неба Эрхарда Вейгеля // Геральдика: исследования и практика. Материалы научной конференции / Труды Гос. Эрмитажа. СПб., 2024. Т. 120. С. 16–23). Германский астроном утверждает в стихах, что это не лира, а кифара, на которой играет Великая Британия (*Weigel E.* Coelum heraldicum, quod, rejecta structurae veteris absurditate, cognitu tanto facilius, foedam paganorum idololatriam in Christianos huc usque redundantem, armis Europæorum statuvvm supprimit... Jena, 1688. Р. 19) или «Лондон играет в тумане», как сказано в более раннем издании (*Weigel E.* Europäischer Wappen Himmel, Über die abergläubischen Heiden-Bilder gezogen. Nürnberg, 1686. S. 2). Отсылка тут идет к ирландскому гербу.

В трудах Вейгеля с Москвией связана не лира, а дракон, поверженный ногами скифа, как указано в стихах (*Weigel E. Euroräischer Wappen Himmel.* Р. 19). Дракон или линдворм — аллюзия на змия из герба Москвы. Свою роль в выборе созвездия сыграла не только геральдика, но и расположение. Дракон — северное созвездие, несколько звезд которого в разные периоды считались Полярной звездой.

В более позднее время Полярная звезда стала астрономическим символом России. В 1781–1782 гг. наследник Павел Петрович вместе с Марией Федоровной совершили путешествие по Европе под именем графов Северных. На карте путешествия герб с серебряной звездой. Возможно, это не просто элемент декора, а герб-псевдоним графов Северных, которые с сравнивались с полярной звездой в нескольких европейских стихах того времени (*Емелин И.Б. Герб графов Северных.* [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/@tahimie-gerb-grafov-severnyh>, дата обращения — 15.11.2025). Вольтер называл в переписке Екатерину Великую самой блистательной Северной звездой. Есть опера Джакомо Мейербергера «Северная звезда», посвящённая Петру Великому. «Полярная звезда» — название яхты Николая II.

В любом случае можно утверждать, что астрономическая символика России не связана с созвездием лиры.

Ключом к разгадке может быть новый герб Великого князя Московского. Тут Кремозано ориентируется на сочинение Рафаэля Барберини из его записок о путешествии в 1565 г.: «Государь этой страны считает себя величайшим государем в мире и вот уже несколько лет он взял себе в качестве герба Черного Орла с двумя головами, коронованными в зеленом поле» (Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 34). Только вот о старом гербе с насекомым здесь нет ни слова.

Но одна из редакций текста Барберини опубликована под одной обложкой с записками Олеария. И там есть искомая гравюра с мухой (*Olearius A. Viaggi di Moscovia de gli anni 1633, 1634, 1635 e 1636. Viterbo, 1658.* Р. 77). Но в самом тексте голштинского посланника ничего об этой гравюре нет. О насекомых он пишет лишь то, что страдал от укусов гнуса, которого так много, что не видно хотя бы с ладонь свободного от него воздуха.

Кроме записок Олеария и Барберини в издании есть примечания для читателей. В них есть раздел о титуле и гербе царского величества России. Комментатор отмечает, что двуглавого орла

первым использовал Иоанн Васильевич, считая себя потомком римских императоров. Однако другие правители России не подержали это его тщеславие и считали орла не римским гербом, а выбранным по собственному усмотрению, поэтому изображали его не так как в Священной Римской империи (*Olearius. Viaggi di Moscovia*. P. 181–185). И лишь на последнем развороте мы видим эмблему с девизом *diversa per aeqvora*. Это носимый по волнам амурчик на плоту. Роль мачты играет стрела, а парус — гербовый флаг с насекомыми.

Рафаэль Барберини — дядя будущего папы римского Урбана VIII. Их род имел герб с тремя скромными оводами, но когда добился величия, слепней поменяли на благородных пчел.

Насекомых мы видим не только в «аллегии божественного провидения и власти Барберини», но и в книге, посвященной этой фреске (*Dichiaratione delle pittore della Sala de' Signori Barberini*. Roma, 1571), именно в том виде что и в гербовнике Кремозано.

Получается, что муха с лирой — своего рода издательский знак Барберини. В этом качестве он появился в описании России. А поскольку известно, что Кремозано брал сведения из этого сочинения, он обманулся схожестью слов «Москва» и «муха» и сделал из мухи орла.

ГРАНИЦЫ ЮРИСДИКЦИИ

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ШАМПАНИ И КЛЕРМОН-АН-БОВЕЗИ НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

С.Ю. Ёлкина
аспирантка ИВИ РАН, Москва

Доклад посвящен сюжету, который еще не становился предметом специального исследования в современной (прежде всего, французской) медиевистике. Речь пойдет о сборниках обычного права, которые в большом количестве стали возникать в разных областях Французского королевства в XIII в. Они могли

быть как авторскими, так и анонимными, но в историографии традиционно принято считать, что действие этих норм распространялось только на те провинции (графства), где они были записаны. Целью моей работы является выяснить, насколько данное утверждение соответствовало действительности.

В качестве источников взяты два сборника французского обычного права — анонимная «Древняя кутюма Шампани» и «Кутюмы Бовези» Филиппа де Бомануара. Этот выбор объясняется несколькими причинами: 1) территориальной близостью двух графств; 2) близким временем вхождения этих территорий в состав Французского королевства (1252 г. — для Клермон-ан-Бовези, 1285 г. — для Шампани); 3) близким временем записи обычного права в двух графствах (1272–1295 гг. — для «Древней кутюмы Шампани», 1282–1283 гг. — для «Кутюм Бовези»).

При анализе источников предполагается остановиться на двух основных моментах: 1) какие именно населенные пункты упоминаются в двух юридических памятниках, где именно они расположены, в каком качестве они упоминаются в тексте (как место судебных тяжб, как место жительства участников процессов, как место действия иной юрисдикции); 2) в каком юридическом статусе находились люди, происходившие из этих мест или проживавшие там (истцы, ответчики, свидетели на процессе, собственно судебные чиновники).

На основании собранной информации и для наглядности изложения полученных данных для доклада будут оформлены несколько географических карт, которые помогут установить, на какие реальные территории распространялось действие «Древней кутюмы Шампани» и «Кутюм Бовези», имелись ли территориальные «пересечения» в юрисдикции двух провинций Французского королевства и от каких факторов это могло зависеть, действовало ли на этих территориях какое-то иное (обычное или королевское) право и в каких случаях. Таким образом, будет получен ответ на вопрос, является ли историографическим мифом утверждение о строгом соответствии норм обычного права Шампани и Клермон-ан-Бовези границам этих графств — или же географический фактор, действительно, имел значение для функционирования местной юрисдикции во Французском королевстве второй половины XIII века.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК СТУДЕНТОВ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1913 г.)

С.В. Зверев

к.и.н., зав. Отделом Нумизматики и археологии
Музеев Московского Кремля, Москва

Недолгая деятельность нумизматического кружка, созданного студентами Императорского Московского университета (ИМУ) в 1913 г. пока не учтена в работах по истории отечественной нумизматики. Хотя сам факт существования этого студенческого объединения любителей старинных монет упомянут в некоторых исследованиях, посвященных научной и музейной работе известного сибирского археолога Н.К. Ауэрбаха (1892–1930), который с детства увлекался нумизматикой и в юности являлся председателем этого Кружка. В 1910–1914 гг. он учился на Юридическом факультете ИМУ и даже тема его выпускной работы была связана с нумизматикой — «Наказания фальшивомонетчиков в России до царствования Петра I» (*Вдовин А.С., Макаров Н.П.* Николай Константинович Ауэрбах в студенческие годы (1910–1914) // *Історія археології: дослідники та наукові центри*. Киев, 2012. С. 81; *Вдовин А.С., Макаров Н.П.* Н.К. Ауэрбах — ученый и организатор науки в Сибири // *Уральский исторический вестник*. 2015. № 3 (48). С. 17). Также в 1911 г. он поступил в Московский археологический институт (МАИ), где лекции по нумизматике читал хранитель Оружейной палаты, востоковед В.К. Трутовский (1863–1932), на протяжении многих лет являвшийся председателем Московского нумизматического общества (*Зверев С.В.* Владимир Константинович Трутовский. История жизни и творчества (1862–1932) // *Международный нумизматический альманах «Монета»*. Вологда, 1995. Вып. 2. С. 40–68). В 1914 г. Н.К. Ауэрбах закончил МАИ с дипломом первой степени и под руководством археолога В.А. Городцова (1860–1945) защитил диссертацию «Типы каменных стрел урочища Бор, близ г. Красноярска Енисейской губернии» (ОПИ ГИМ.Ф. 431. Д. 99. Л. 23–51).

В дальнейшем он очень много сделал для развития археологии и музейного дела в Сибири.

Документы Нумизматического кружка студентов ИМУ сохранились, вместе с другими архивными материалами И.К. Ауэрбаха, в фондах Краевого государственного автономного учреждения культуры «Красноярский краевой краеведческий музей» (КККМ. КПД 3700/1–5).

Протокол первого собрания Кружка датирован 8 марта 1913 г. Состоялось оно по адресу: 4-я Тверская-Ямская, д. 12, кв. 2. Среди присутствующих указаны: И.К. Ауэрбах, Н.К. Ауэрбах, В.А. Богенгардт, Р.Я. Левицкий, С.П. Павский, К.А. Сотников, В.П. Цветаев. Председателем собрания был избран Н.К. Ауэрбах, секретарем — С.П. Павский. Н.К. Ауэрбах прочел доклад «Что такое нумизматика?» а затем В.А. Богенгардт сделал доклад о задачах нумизматического кружка.

В протоколе отмечено, что Н.К. Ауэрбах предложил «начать со следующего собрания чтение докладов о нумизматике, причем выражает пожелание, чтобы при выборе тем принималась во внимание историческая последовательность». При этом он рекомендовал обратиться к В.К. Трутовскому «с просьбой указать метод изучения нумизматики и пригласить его участвовать в работе кружка». Но это предложение было отклонено «ввиду его несвоевременности».

Далее было проведено обсуждение Устава и выбор Совета. Председателем Кружка единогласно был избран Ауэрбах, товарищем председателя — В.А. Богенгардт, секретарем — К.А. Сотников (КККМ. КПД 3700/2. Л. 1).

В дальнейшем Революция 1917 г. и Гражданская война разделила членов этого нумизматического кружка.

В.А. Богенгардт (1892–1961), пройдя фронты Первой мировой войны, с ноября 1917 г. воевал в Добровольческой армии и в 1920 г. эвакуировался из Крыма в Константинополь и затем жил в эмиграции в Чехословакии, затем — во Франции. Работал шофером.

К.А. Сотников (1892–1960-е гг.) принял советскую власть, работал в судебной системе, с 1920 г. был в Енисейском Губернском Комитет Зав. Отделом юстиции, затем служил в Красноярском Губюсте, а позднее переехал в Москву.

Но в 1913 г. они еще были студентами и обсуждали устав своего нумизматического кружка. Машинописный текст этого

устава сохранился, причем с ошибочной датой: «Утвержден Советом 15.XII.1912 г.» (КККМ. КПД 3700/1. Л. 1). Поскольку сам Совет был избран лишь в марте 1913 г., то утверждение устава следует отнести к декабрю этого года.

Кружок ставил цели: «а) изучать русские монеты; в) расследовать чужеземную нумизматику в видах выяснения связей монетного дела других стран с монетным делом в России; с) обращать внимание на сопредельную с нумизматикой область жетонов и медалей». Саму деятельность авторы устава видели в следующем: «а) в устройстве на основании существующих правил собраний, посвященных чтению рефератов, нумизматической беседе и взаимному приобретению дублетов; в) в определении, описании и оценке поручаемых кружку целых коллекций и отдельных экземпляров; с) в отправлении экскурсий для нумизматических изысканий и обозрений» (КККМ. КПД 3700/1. Л. 1).

Однако, для таких широких планов явно недостаточными средствами были обозначенные в уставе «ежегодный взнос членов в размере одного рубля» и «имеющими поступать пожертвованиями». Научная работа Кружка видимо не получила продолжения и сохранившиеся тексты прозвучавших на первом собрании докладов Н.К. Ауэрбаха и В.А. Богенгардта остаются единственным свидетельством попытки наладить его деятельность (КККМ. КПД 3700/4; КПД 3700/5).

Также сохранился протокол экстренного собрания Совета нумизматического кружка студентов ИМУ 18 марта 1913 г. по вопросу об отправке поздравительной телеграммы Московскому нумизматическому обществу по поводу его юбилея. Председатель Н.К. Ауэрбах запросил одобрения Совета следующего текста телеграммы: «Москва, Исторический музей, Председателю Нумизматического Общества. Молодой нумизматический кружок студентов Императ. Москов. Университета шлет горячие приветствия оказавшему видные заслуги русской Нумизматике Нумизматическому обществу и искренние пожелания дальнейшего процветания на пользу родной науки». Текст был одобрен единогласно. Телеграмма вскоре отправлена и к протоколу 5 апреля 1913 г. приложена квитанция (КККМ. КПД 3700/3. Л. 1).

Сведений о других собраниях Кружка пока не выявлено. Видимо, вскоре он прекратил свое существование.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ГЛАВ (46–51) ИОАСАФОВСКОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ МАКСИМА ГРЕКА (РГБ. Ф. 173, МДА ФУНД. 42)

*Г.А. Казимова
ст. преп. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

Иоасафовский сборник, называемый так из-за наличия на лл. 4 об.–5 владельческой записи киноварью «митрополита Иоасафа», содержит 47 глав сочинений Максима Грека, вероятно, отобранных им самим, так как содержит правку, сделанную, как установила Н.В. Синицына, его рукой (*Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 15). Согласно наблюдениям исследовательницы, «автору принадлежит не только выбор, подборка текстов, но и их расположение, структура, подчиненные единому замыслу.» (Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. С. 9). Таким замыслом, по мысли Н.В. Синицыной, являлось «оправдание в связи с выдвинутыми против него несправедливыми обвинениями, необходимость доказать свою правоту» (Преподобный Максим Грек. С. 9).

Оглавление Иоасафовского сборника (МДА Фунд. 42) — «Сказание главам яже суть в книзе сей» (лл. 5 об. – 7 об.) — писалось двумя писцами. Согласно наблюдениям Н.В. Синицыной, «первоначально одним почерком названы 47 глав, а пронумерованы 46; последняя, 47-я глава, обозначена как часть предыдущей: «46. Сказание о птици неасыти. В той же словеса възставлятелна к покаянию». Названия и нумерация 48-й – 51-й глав и номер 47-й главы в оглавлении приписаны более поздним почерком, другими чернилами и более светлой киноварью» (*Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 225). В тексте рукописи на лл. 377–380 «тексты, обозначенные в приписке к оглавлению как главы 48–51, являются фактически частью главы 47, но имеют самостоятельные киноварные подзаголовки, которые и пронумерованы (той же киноварью, что в приписке к оглавлению) как главы 48–51» (*Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 225). Необходимо отметить, что эти киноварные подзаголовки написаны на специ-

ально отведенных для них строках и по характеру начертаний можно с уверенностью заключить, что, в отличие от оглавления, где главы 48–51 были дописаны другим почерком, лл. 376 об. – 380, содержащие главы 46–51, написаны одним почерком, совпадающим с выделенным Н.В. Синицыной вторым почерком рукописи (лл. 267–416) (*Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 223). Интересно, что буквенная нумерация некоторых глав дана киноварью на полях (главы 46, 47, 48, 51), других (главы 49, 50) — в конце киноварных заголовков.

Н.В. Синицына считала, что главы 46–51 «первоначально составляли единое целое, единый цикл, завершая учительный и проповеднический замысел автора» (Преподобный Максим Грек. С. 410). Действительно, в оглавлении ряда рукописей (БАН. Ф. 78. собр. Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, № 8 (середина XVI в.), РГБ. Ф. 173, МДА № 153 (конец XVI в.), РГБ. Ф. 98, собрание Егорова № 869 (конец XVI в.), как и в первоначальном оглавлении Иоасафовского сборника, присутствует глава 46, состоящая из «Сказания о птице неясыти», частью которой являются «Словеса възставлятелна к покаянию», при этом в тексте даны 4 главы с оглавлениями (Преподобный Максим Грек. С. 410–411). Отметим, что рукопись, хранящаяся в настоящее время в Парижской Национальной библиотеке, Man. Slave 123 (собрание из 113 глав, конец XVI в.), содержащая, по мнению Н.В. Синицыной, «отдельные элементы более ранней традиции, следы Архетипа», перешедшие «в Slave 123, вероятно, из авторского архива, находившегося в Чудовом монастыре» (Там же. С. 350), в «Сказании известном главам юже суть в книзе сеи» (л. 3 об. – 6 об.) содержит названия рассматриваемых глав без жанрового определения «похвальная епи», при этом глава о преподобном Иоанне Тревеликом обозначена как «Слово о Иванне нареченном тревеликом» (л. 6). На правом поле буквенная нумерация интересующих нас глав соответствует номерам 95–100. Буквенная нумерация главы «О Фомаиде убиенеи мечем от своего свекра» (глава 98) внесена в текст оглавления, вероятно, в связи с плотностью записей в вертикальном перечне буквенной нумерации глав на правом поле листа 6. В тексте рукописи на л. 604 об. – 607 об. в названиях глав 97–100 сохраняется жанровое определение «похвальная епи». Нумерация главы 95 («Сказание о птице неясыти»)

дана в конце заглавия, нумерация остальных глав (96–100) дается на поле напротив заглавия.

Согласно наблюдениям Н.В. Синецкой, текст интересующих нас глав в Иоасафовском сборнике содержит правку рукой Максима Грека. Это л. 376 об. (13, 15 св.) (глава 46 «Сказание о птице неясныи») и л. 379 (1 св.) (глава 50 «Похвална епи о некоторой добропобедней мученици еи же имя потамия ежелъкуется речнаа»). Указанная правка представляет собой вставку одиночных букв (*Синецкая Н.В.* Максим Грек. С. 225). Эта правка отражена в тексте этих глав по рукописи Slave 123 на л. 604 об. и л. 606 об. При этом в Slave 123 в конце главы 100 отсутствует указание на имя «великого начальника иноков», к которому обращен рассказ Павла Фивейянина (л. 607 об.), состоящий, очевидно, из 4-х глав о «добропобедных мучениках», которое в виде киноварной пометы присутствует в Иоасафовском сборнике («сиречь антони», л. 380), то есть Антония Великого.

Возвращаясь к размышлениям Н.В. Синецкой о роли рассматриваемых глав в раскрытии возможного замысла автора убедить в своей невинности, представляется важным обратить внимание на текст Толкования в «Сказании о птице неясныи»: «Птица убо сия образ есть Христу Богу нашему, птенци же ея умерьшвлени образ суть намъ языком уязвленным бывшемъ злоначальным мысленным змиемъ. А змиа образ есть диаволу уязвившу нас. Биение же в перси и кровь истекшая образ суть страсти Спасове и животворней крови Его, ими же мы веровавшие и исцелехом и ожихом, по рекшему пророчьскому слову «язвою Его мы вси исцелехомъ» (Преподобный Максим Грек. С. 340). Герои глав побеждают «мысленного змея» силою Распятого Христа, так как «никогда же преодолееет злоба премудрости богодухновеней» (Преподобный Максим Грек. С. 342, глава 48). Укажем также, что главы переводные, а греч. *exomologesis* и *homologia* близки по значению.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДАТИРОВКИ ДОКУМЕНТОВ «РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ЛАМУАНЬОНА» (РГАДА)

Е.Н. Кириллова
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН, Москва

«Рукописное собрание Ламуаньона», которое находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (Ф. 81), — коллекция уникальных документов середины XVI века, часть ведомственного архива Жана Дютье, одного из четырех государственных секретарей Французского королевства в 1547–1560 годов. Собрание включает свыше 8200 документов (Люблинская А.Д. Предисловие // Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.: Л., 1963. С. 7; Малов В.Н. Предисловие // Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1. С. 7; Малов В.Н. Франция в России: судьбы старых документов XV–XVIII веков. М., 2019. С. 10, 35), переплетенных в 66 томах: официальную переписку французского правительства с послами и агентами в Италии, Леванте и других регионах, договоры и известия, инструкции и записки, перехваченные письма, переводы и черновики писем и другие документы.

Настоящее исследование посвящено особенностям датировки писем из коллекции Ламуаньона. Многие из них были составлены не одномоментно, а в несколько этапов. При необходимости уточнений и дополнений, при получении новой информации, которую следовало сообщить незамедлительно, если письмо было еще не отправлено, ее вносили в виде приписки. Отправитель мог поручить это своему секретарю или дописать новые сведения самостоятельно, хотя собственноручные приписки не всегда говорят о разновременном составлении письма.

В вышедшем в 1997 году описании первых 16-ти томов коллекции были указаны все приписки, сделанные отправителями собственноручно (Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ла-

муаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1. С. 20, 28, 29, 47, 52, 57, 60, 61, 64, 68, 92, 97, 106, 107). При подготовке полного описания коллекции эти особенности документов также учитываются. В то же время описание документов предполагается расширить за счет указания случаев, когда дата (полностью или только число) была проставлена отдельно от написания основного текста. В настоящий момент выявлено более 250 случаев, которые позволяют утверждать или предполагать такой временной разрыв, который вполне мог быть незначительным (соответствующим времени прочтения письма отправителем), а также несколько десятков исправлений в датах и указании места отправления (об этом подробнее см.: *Кириллова Е.Н.* Коллекция как культурный феномен и исторический источник: на примере «Рукописного собрания Ламуаньона» // *Источниковедение в современной медиэвистике* / Отв. ред. Е.Н. Кириллова, И.Г. Коновалова. М., 2024. С. 108–111). В некоторых случаях можно утверждать, что даты были проставлены отправителями собственноручно, как, например, в письме кардинала дю Белле Генриху II из Рима от 18 февраля 1548 года, что не было учтено в издании 1997 г. и в вышедших ранее публикациях (РГАДА. Ф. 81. Т. 9. Л. 398–399; *Малов В.Н., Шаркова И.С.* Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1. С. 115; *Correspondance du cardinal Jean du Bellay* / Publ. par R. Scheurer, L. Petris, D. Amherdt [et al.], Р., 2011. Т. IV: 1550–1555. Р. 121–122; Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963. С. 308–310). К обсуждению будут предложены как наиболее показательные примеры, так и оставляющие основания для сомнений в разновременности написания текста и указания даты.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАННЕ ПОДРОБНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ В КАЧЕСТВЕ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ

НА ПРИМЕРЕ НИКОЛАЕВСКОГО-НА-АМУРЕ
ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

А.Л. Киселев

к.и.н, независимый исследователь, Москва

Революция 1917 г. и Гражданская война нанесли существенный урон денежному обращению России. Некогда сильная финансовая система была разрушена. На смену ей пришло множество официальных и неофициальных эмиссий денежных знаков. Постепенно этот процесс захлестнул все регионы России.

В 1914 г. к Сахалинской области был присоединен Удский уезд с центром в городе Николаевск-на-Амуре. Область включала в себя следующие административные единицы: пост Александровский, волости и входящие в них сельские общества Александровское, Ново-Михайловское, Рыбновское и Рыковское в составе двух участков; на материке — Удский уезд (с центром в городе Николаевске-на-Амуре), разделенный на два полицейских стана в составе Мариинско-Успенской, Больше-Михайловской, Сергиевской и Рождественской волостей.

Сахалинскую область вопрос отсутствия денежной массы затронул наравне со всеми регионами страны. На ее территории был осуществлен ряд эмиссий денежных суррогатов.

Сахалинские революционные власти, «вследствие недостатка денежных знаков, который начал ощущаться еще в 1917 г. при расчетах за рыбу осеннего улова», были вынуждены пойти по пути эмиссии денежных знаков (ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 120. Л. 60–62 об.).

Николаевское-на-Амуре отделение Государственного банка, на основании приказа Совета народных комиссаров Сахалинской области от 26 августа 1918 г. № 31, осуществило выпуск в качестве денежных знаков государственных процентных бумаг на общую сумму 2 189 500 руб. (ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 120. Л. 62–64).

В обращение были выпущены:

1. 5% облигации «Займа свободы» достоинством от 500 руб. и выше с купонами на срок 16 марта 1919 г. Эмиссия была осуществлена по курсовой цене — 85 руб., а не по фактическому номиналу 100 руб. Общая сумма данного выпуска составила 1 606 450 руб. На каждой облигации были нанесены: оттиск штампа «Николаевское-на-Амуре отделение Государственного банка», гербовая печать отделения и заверительные подписи должностных лиц отделения банка: контролера Михалеви́ча и кассира И.П. Флеровского (ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 105. Л. 1об., 99; Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 120. Л. 62–64).

2. Облигации Государственных 5½% военных краткосрочных займов по их номинальной цене:

1915 г., с купонами 1 ноября 1918 года на сумму 34 500 руб.;

1916 г. первого выпуска, с купонами 1 февраля 1918 г. на сумму 176 500 руб.;

1916 г. второго выпуска, с купонами 1 октября 1918 г. на сумму 372 050 руб.

Все облигации военных займов были снабжены надписями «Выпускается по номинальной цене». На них ставился оттиск штампа «Николаевское-на-Амуре отделение Государственного банка», гербовая печать отделения и рукописные подписи должностных лиц отделения: контролера Михайлеви́ча и кассира И.П. Флеровского (ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 120. Л. 62–64). Общий объем эмиссии облигаций военных займов 1915 и 1916 гг. в качестве денежных знаков составил сумму 583 050 руб. (ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 105. Л. 147–147 об.). Никаких правилительственных актов при этом издано не было (ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 105. Л. 99 Л. 147–147 об.).

На известных изображениях Государственных 5½% военных краткосрочных займов 1916 г. первого и второго выпусков, выпущенных Николаевским-на-Амуре отделением Государственного банка, подписи кассира и контролера перечеркнуты. Причины этого шага не известны.

На сегодняшний день экземпляры облигаций военных займов 1915 г. с надпечатками Николаевского-на-Амуре отделения Государственного банка не известны. Но не исключается их наличие в отдельных коллекциях.

Период официального обращения государственных процентных бумаг в качестве денежных знаков на территории Сахалинской области был сравнительно небольшой. Постановлением объединенного заседания Совета крестьянских и рабочих депутатов, Совета профессиональных союзов и представителей городского и земского самоуправлений от 7 сентября 1918 г. власть на территории Сахалинской области передавалась с 8 сентября Сахалинской областной земской управе (Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917–1925 гг.): Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959. С. 102). Но продолжающаяся нужда в финансовых средствах заставила новую власть некоторое время пользоваться денежными знаками, выпущенными их политическими противниками.

Официальное изъятие из оборота облигаций Государственных процентных бумаг, выпущенных в обращение в качестве денежных знаков, происходило в период с марта по сентябрь 1919 г. в рамках мероприятий, проводимых Министерством финансов Российского правительства (г. Омск). Все изымаемые из обращения облигации в дальнейшем уничтожались установленным порядком. Дошедшие до нас экземпляры не были представлены к обмену по различным причинам.

Известны случаи предъявления к оплате данных облигаций в большинство отделений Государственного банка Сибири и Дальнего Востока России, что говорит об их сравнительной популярности среди населения, которое по старинке доверяло ценным бумагам, выпущенным еще недавно официальной властью. Самый дальний случай их предъявления известен в Ново-Николаевском (совр. г. Новосибирск) отделении банка.

По разным причинам у большинства предъявляемых к оплате облигаций либо полностью, либо частично отсутствовали купонные листы. Это говорит об использовании купонов от ценных бумаг в качестве самостоятельных суррогатов денежных знаков, что временно допускалось в рассматриваемый исторический период, в соответствии с рядом нормативных документов. В основной массе лицам и учреждениям, предъявлявшим такие облигации, было отказано в их выкупе и оплате.

В настоящее время рассматриваемые облигации встречаются довольно редко и лишь изредка появляются в продаже на бонистических аукционах.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕВРОПЫ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ КАРТАХ

И.Г. Коновалова
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН, Москва

Сохранившиеся в средневековых исламских источниках описания Европы — весьма немногочисленные и лапидарные — были явно сделаны на основе картографических изображений. Поэтому поиск картографической основы подобных описаний совершенно необходим для толкования их содержания и реконструкции образа Европы в средневековой исламской географии. Представление о Европе как об одной из трех частей света — Европе, Азии и Африке (Ливии) — было усвоено арабами из античной науки. Описания, повествующие о разделении земли на три части, широко использовалось в исламских географических произведениях разных жанров IX–XIV вв. (подробнее см.: *Коновалова И.Г. Европейские народы в представлениях арабских географов IX–X вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 4 (138). [Электронный ресурс] Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840030449-2-1/>, дата обращения — 16.07.2026*), но при этом какие-либо картографические изображения трехчастной ойкумены, созданные исламскими авторами, не сохранились.

Единственным исключением является дошедшая до нашего времени уникальная двуязычная (с арабскими и латинскими легендами) анонимная карта, где обозначены Европа, Азия и Ливия (Африка), которыми владеют Иафет, Сим и Хам. Эта карта помещена в рукописи конца VIII – начала IX в. Ms. Vitr. 014/003, f. 116v из Национальной библиотеки в Мадриде ([Электронный ресурс] URL: <http://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?id=0000051810>, дата обращения — 16.07.2026).

Андалузская карта вычерчена в традиции средневековых европейских Т-карт. Верхнюю половину ойкумены на этих картах занимает Азия, в левой нижней четверти расположена Европа, а в правой — Африка. Водные границы между частями света образуют подобие буквы Т: по вертикали показано Средиземное море, по горизонтали — реки Танаис и Нил (репродукцию карты

и комментарии к ней см.: *Kononova I. Andalusian Map // Chekin L. Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Text, Translation and Commentary. Turnhout, 2006. P. 59–61).*

Идея трехчастного изображения земли оказала большое влияние на исламскую картографию и, в частности, на формирование представлений о Европе. Так, изображенные на Т-картах водные пространства, разделяющие части света, способствовали восприятию Европы как острова. По словам ал-Баттани (ок. 858–929), «Земля делится на три части. Первая из них [простирается] от Зеленого моря со стороны севера и пролива, который выходит из Понтоса в Великое море, и от местности, что между озером Меотис к Понтосу. Границы этой области с запада и севера — Западное море, оно же Океан; с южной стороны — море Египта и Рума; с восточной — Танаис и озеро Меотис. Эта земля похожа на остров; ее название — Европа» (*Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum / Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C.A. Nallino. Mediolani, 1899–1907. P. 27*). Нетрудно заметить, что говоря о водных границах Европы, ал-Баттани описывает их так, как будто он смотрит на типичную Т-карту, только ориентированную не на восток, как в христианской картографии, а на юг, как это было принято в исламской традиции.

Именно в виде острова Европа представлена на первых дошедших до нас исламских картах, созданных учеными так называемой «классической школы» арабских географов X в., основателем которой считается среднеазиатский ученый ал-Балхи (ум. 934). Сочинения этих ученых сопровождалась набором региональных карт и картой мира, а текстовая часть сочинений была построена как развернутый комментарий к картографическим изображениям.

На картах мира ученых «классической школы» (ал-Истахри и Ибн Хаукала) земля показана в виде круга, омываемого со всех сторон Окружающим океаном. Европа изображена как остров, к югу от которого расположено море Рума (Средиземное море), к западу и северу — Окружающий океан, а к востоку — широкий канал (так называемый «Константинопольский пролив»), начинавшийся у Константинополя и шедший на север, где он соединялся с Окружающим океаном. Таким образом, у географов «классической школы» гидроним «Константинопольский

пролив» как обозначение границы между Европой и Азией пришел на смену изображавшемуся на Т-картах Танаису.

Рудиментарное представление о «Константинопольском канале» сохранилось даже на карте ал-Идриси (XII в.), составленной в духе птолемеевской традиции. Хотя Европа представлена у ал-Идриси как часть Евразии, географ в то же время изобразил на своей карте огромную водную магистраль, названную им «Русской рекой» (подробный анализ данного гидронима см.: *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 180–185). «Русская река» пересекает с севера на юг всю Восточную Европу и имеет своим устьем Нижний Дон, Азовское море и Керченский пролив (репродукцию карт см.: *Miller K.* *Mapppae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten.* Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 56, 65–66). Совершенно очевидно, что в данном случае ал-Идриси опирался на информацию о возможности водным путем пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении, чтобы попасть из Черного моря на Север, в Окружающий океан, или же проделать этот путь в обратном направлении.

Таким образом, ведущим картографическим образом Европы в арабской географии IX–XII вв. было изображение ее как острова, отгороженного от Африки Средиземным морем, а от Азии — водным каналом, шедшим от Константинополя на север вплоть до соединения с Окружающим океаном. На формирование такого представления о Европе оказало влияние, с одной стороны, знакомство с европейскими Т-картами, а с другой — расширение как торговых, так и некоммерческих контактов исламского мира с восточноевропейскими народами, сопровождавшееся поступлением в страны халифата новой информации о ландшафте этого региона, в частности, о системе его речных путей сообщения, по которым можно было пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении и добраться до самых северных окраин ойкумены.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ДРЕВНЕЙШЕГО СИНОДИКА МОСКОВСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА КОНЦА XIV–XVI ВЕКА

А.Л. Корзинин

д.и.н., доц., г.н.с.

*Северо-Западного института управления
РАНХиГС, Санкт-Петербург*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект № 24-18-00416)*

Древнейшим сохранившимся до наших дней синодиком в неделю Православия (Вселенским синодиком) является синодик кафедрального Московского Кремлевского Успенского собора, который получил название Троицкой книги по иконе Ветхозаветной Троицы, укрепленной на верхней крышке серебряного оклада рукописи (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 667).

К настоящему времени предложено несколько датировок Троицкой книги. По мнению В.В. Дергачева, к составлению кодекса имел отношение митрополит Алексей. Троицкая книга возникла между 1377 и 1379 гг., поскольку поминание павших на р. Воже в 1378 г. воинов, имеющееся в синодике Успенского собора, не попало в русские епархиальные списки Вселенского синодика, в том время как памяти убитых в Куликовской битве 1380 г. и при нашествии Тохтамыша (1382 г.) в епархиальные синодики были включены (*Дергачев В.В. К истории русских переводов Вселенского синодика // Дергачева И.В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII веков (на материале Синодика). München, 1990. С. 180).*

А.И. Алексеев, напротив, полагает, что наличие памяти погибшим на р. Воже является местной особенностью московского списка и не может быть решающим аргументом в датировке Троицкой книги. С точки зрения ученого, составление протографа синодика следует поместить в промежуток не ранее 1382 г. (память избивенным при Тохтамыше) и не позднее 1395 г. (послание митрополита Киприана). Рассылка же списка Московского Успенского собора по церковным епархиям произошла в 1390–

1395 г. после окончания церковной смуты (*Алексеев А.И.* О начале государственного поминания правящих династий Рюриковичей (XIV–XV вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. Рюриковичи и российская государственность / Отв. ред. М.В. Бибилов, Е.А. Мельникова, В.Д. Назаров. М., 2008. С. 434–435).

А.А. Булычев связывает составление протографа синодика Московского Успенского собора с интронизацией митрополита Фотия, преемника Киприана, в 1410 г. Основанием для выделения Фотиевской редакции стало поминание в синодике воевод, погибших в бою на Лыскове 15 января 1411 г. После получения в Москве известий о разгроме войска князя Петра Дмитриевича от нижегородцев поминание убитых московских воевод было внесено в синодик (не позднее середины февраля 1411 г.), а затем отредактированный текст был срочно разослан во все епархии русской Церкви (*Булычев А.А.* Поминание павших на Куликовом поле во Вселенском Синодике Русской митрополии конца XV в. // Верхнее Подонье: природа, археология, история: в 2 т. Тула, 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 40–41).

Основной ошибкой исследователей при датировке протографа синодика, на наш взгляд, является опора на списки погибших в сражениях русских воинов, которые гораздо позднее этих событий были добавлены задним числом к переводной части греческого Вселенского синодика. Древнейшая часть синодика Успенского собора (написанная на лл. 4–30 об., лл. 32–35 об.) содержит лишь дословные переводы греческих поминальных текстов (*Петухов Е.В.* Очерки из литературной истории синодика. СПб., 1895. С. 7–44).

Полагаем, что протограф синодика Московского Успенского собора был написан при митрополите Киприане после марта 1390 г. (прибытие Киприана из Константинополя в Москву) до 17 апреля 1402 г. (написание послания митрополита Киприана псковичам, где упоминался митрополичий синодик) (Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. № 30. С. 241).

Следующий этап работы над синодиком отразился в Мазуринском списке, составленном не ранее 19 февраля 1501 г. († великая княгиня Феодосия) и не позднее сентября – декабря 1501 г. († епископ Коломенский Авраамий, имя которого отсутствует в списке) (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289. Л. 146–162 об.). В Мазуринском списке в конце текста провозглашалось много-

летие великому князю Ивану III, митрополиту Зосиме, Софье Палеолог, Елене Стефановне, Борису Васильевичу Волоцкому (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289. Л. 161 об.—162). В пергаменной Троицкой книге на первых двух листах помещена здравица в честь царя Ивана Васильевича (впоследствии вместо его имени написали царя Михаила Федоровича), митрополита, царицы и великой княгини, членов великокняжеской семьи, которая по структуре и содержанию аналогична многолетию Мазуринского списка. Различаются только имена записанных лиц. Полностью совпадает и послесловие — воззвание в Св. Троице, Христу и Богоматери (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 667. Л. 2—3 об.). Очевидно, Мазуринский список зафиксировал начальные листы пергаменного синодика Московского Успенского собора, которые при последующем редактировании источника были заменены и переписаны. По вступительным листам и содержательной части, отразившейся в Мазуринском списке, можно датировать второй после Киприановского этап работы над синодиком Успенского собора временем после 26 сентября 1490 г. (хиротония Зосимы) до 25 мая 1494 г. († Борис Волоцкий). Именно при митрополите Зосиме Брадатом в 1490–1494 гг. к древнейшей части переводного греческого синодика митрополита Киприана была добавлена обширная русская часть с перечнями русских великих и удельных князей и княгинь, митрополитов, епископов, чудотворцев, старомосковских бояр, а также погибших в сражениях русских воинов. В этот период сформировалась концепция московского синодика в Неделю православия, куда помимо переводного греческого синодика был включен обширный русский помянник с именами не только светских и духовных властителей, но и боевых слуг, бояр, православных воинов.

Завершающий этап работы над текстом синодика Московского Успенского собора приходится на время, когда митрополичью кафедру возглавлял Макарий. Полагаем, что третья и последняя редакция синодика появилась не ранее 4 июня 1553 г. († царевич Дмитрий) и не позднее 27 июля 1555 г.) († митрополит Иоасаф). Почерком составителя в синодик были включены памяти детей Анастасии Романовны царевны Анны, Марии, царевича Дмитрия. В поминаниях митрополитов, имена которых начинаются с заглавных киноварных букв, последним фигурирует Даниил. Затем уже без киноварного заголовка был дописан митрополит Иоасаф и др. При митрополите Макарии синодик

Московского Успенского собора приобрел законченный вид церковно-государственного мемориального памятника. Однако на протяжении конца 1550-х гг. – второй половины XVI в. до начала XVII в. в синодик Успенского собора вносились многочисленные дополнения и приписки.

«HISTOIRE DU CIEL» И ИСТОРИЯ ЗОДИАКА

К 150-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ РУССКОГО ПЕРЕВОДА
«ИСТОРИИ НЕБА» КАМИЛЛА ФЛАММАРИОНА

А.В. Кузьмин
к.ф.-м.н., н.с. ИИЕТ РАН, Москва

«История неба» не относится и никогда не относилась к числу наиболее популярных произведений К. Фламариона (1842–1925). Ее буквально затмила изданная в Париже в том же 1872 г. его книга «Атмосфера: Популярная метеорология». Несомненно, большей популярностью пользовались «Популярная астрономия» (1879–1880), «Множественность обитаемых миров» (1862–1864), «Мир до появления человека» (1886), «Мои воздушные путешествия» (1880), «Смерть и ее тайна» (1920–1923)... Сила жажды новых естественнонаучных открытий раннее рубежа XIX–XX вв. значительно превосходила интерес к теоретическим изысканиям на предмет старых, ушедших в далекое прошлое научных идей, хотя в начале XX в. их популярность также возрастает.

Фламарион признавал, что «эта книга представляет ряд некогда записанных бесед, которые я теперь решаюсь передать на суд публики, относясь, быть может, со слишком большим доверием к сочувственному предложению издателя, любителя истории и словесности. В самом деле, я боюсь, что в моей “Истории Неба” читатель не найдет полного, всестороннего и научного характера истории. Я опасаясь, что первоначальная форма бесед, которую я должен был сохранить в этой книге, может многим показаться несколько устарелой, что множество вопро-

сов, поднятых в этих вечерних “Беседах”, не могут считаться абсолютно решенными и дают повод к новым размышлениям, к новой критике. Но, не взирая на такие недостатки, я все-таки решился поделиться с читателями сведениями, которые имеют целью возобновить в памяти почти все системы человеческих воззрений на вселенную, на ее форму, строение, положение, происхождение и ее будущую судьбу» (*Фламарион К. История неба*. Пер. М. Лобач-Жученко. СПб., 1875. С. 5). Для раскрытия темы «Истории неба» автор выбирает стиль непринужденного семейного чтения. Мнения представлены в форме бесед, в которых среди прочих принимают участие представители наук — астроном и историк.

Такой стиль подражает способу изложения научных идей, переживших последний пик популярности во второй половине XVI – первой четверти XVII в., с тем отличием, что у Фламариона в беседах участвуют в том числе светские, далекие от науки люди, среди которых присутствуют женщины. Участники бесед, не имеющие непосредственного отношения к астрономии, задавая свои вопросы и высказывая некоторые, даже совершенно наивные мнения, вместе с описаниями состояний окружающей природы и сопутствующих бытовых «мелочей», создают непринужденную обстановку, разбавляют текст, делая его популярным и легко воспринимаемым, хотя с точки зрения наших дней, излишне затянутым.

Несмотря на то, что автор представляется секретарем, ведущим эти беседы, поясняя, что записывает их в своих «личных интересах», он скорее угадывается в образе астронома Парижской Обсерватории. Начало повествования автор датирует в тексте первой беседы 1867 г. (вероятнее всего это август), уточняя, что это время папства Пия IX и правления Наполеона III.

Авторское предисловие датировано сентябрем 1872 г. (от начала работы проходит около пяти лет). Вероятнее всего выбор даты не случаен. Таким образом Фламарион хотел подчеркнуть, что пишет эти строки спустя ровно 300 лет с момента явления Новой звезды — звезды Тихо Браге, то есть, от момента, который по мнению астрономов того времени можно считать началом Новейшего периода развития астрономии. И эта дата таким образом уже сама по себе наполняет текст определенным символизмом: «Записанные мною “Беседы” представляют общедоступную историю Астрономии, начиная с той эпохи, когда

халдейские иерофанты наблюдали звезды с высоты Вавилонской башни, и до настоящего времени, когда человеческий гений раскрыл тайны творения и узнал истинные законы существования вселенной» (Фламарион. С. 5–6). Примечательно, что астрономии Фламарион называет «основной наукой по преимуществу» (Фламарион К. История неба. С. 3).

В работе над книгой принимал участие Ипполит Леон Бенетт (1839–1916), чертежник, художник, иллюстрировавший также все романы Жюль Верна, отчасти — Виктора Гюго и Льва Толстого. По долгу службы он бывал во французских колониях: Алжире, Кохинхине, Мартинике, Новой Каледонии. Иллюстрации Бенетта с изображениями пейзажей южных стран представляют собой натурные рисунки. Работы, выходящие за рамки основных профессиональных обязанностей, Бенетт подписывал без первого имени (Ипполит) — просто «Леон» или «Л. Бенетт».

«История неба» К. Фламариона содержит важные результаты относительно истории созвездий, в частности — истории Зодиака, которые можно выразить в следующих четырех тезисах: 48 созвездий (включая зодиакальные), известные в культуре Древней Греции по меньшей мере на рубеже IV–III вв. до н.э., не возникли одновременно и среди них возможно выявить «наиболее» или «наименее» древние; Зодиак на ранних этапах своего существования мог «делиться» не на 12, а на меньшее количество «долей»-созвездий; для выделения зодиакальных структур прошедших эпох исключительное значение имеет методология выявления обстоятельств наблюдений (в рамках комплекса знаний о культурах древних цивилизаций), достаточно ярких звезд в восточной области небосвода в период весеннего равноденствия на фоне утренней зари; прецессионная модель имеет ключевое значение для датировки реконструируемых иными способами периодов и обстоятельств наблюдений.

Фламарион, опиравшийся на комментарий перевода текстов Авесты Анкетилля Дюперрона (1731–1805), и Ормзби Макнайт Митчелл (1809–1862), сформулировавший ключевую идею эволюционной теории происхождения Зодиака (Митчелл О.М. Небесные светила, или Планетные и звездные миры. М., 1868. С. 49–50), заложили основы реконструкции генезиса Зодиака, которые в свое время не были по достоинству оценены и были реализованы независимо от названных источников только на рубеже XX–XXI веков.

ТЮРКСКИЕ ТАМГИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНЕТАХ

Т.А. Кулиев

к.и.н., с.н.с. Института Археологии
и Антропологии НАНА, Баку, Азербайджан

После денежной реформы халифа Абд-уль-Мелик Мервана графические изображения на монетах Халифата были запрещены. По данным Г. Нютцеля, графические изображения на монетах стали появляться при неарабских — тюркских и монгольских — завоевателях.

Первыми это нововведение внедрили Газневиды в Афганистане, поместив в свою чеканку изображения быка-горбуна и быка, позаимствованные из индийских монет (*Niitzel H. Embleme und Wappen auf muhammedanischen Miinzen // Festschrift zur Feier des funfzigdhrigen Bestehens der Numismatischen Gesellschaft zu Berlin. 1893. S. 1–2*). Газневиды были тюркской династией, правившей в Хорасане, Афганистане и Северной Индии в X в. (*Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971. С. 237*). На монетах афшинов Осрушаны и монетах среднеазиатских тюрков можно обнаружить изображения, которые, возможно, были тамгами. В результате археологических раскопов на территории республик Центральной Азии были обнаружены медные монеты с гербом (тамгой) правителей Согда, которые описаны О.И. Смирновой (*Смирнова О.И. Первый клад согдийских монет // Эпиграфика Востока. 1955. Т. X. С. 4*). На монетах правителей Согда, кроме тамги, имелась также надпись «господин афшин Панча», то есть Пянджикента (*Смирнова О.И. Первый клад. С. 7*). Интересно, что титул афшин встречается и на монетах Саджидов (*Фасмер Р.Р. О монетах Саджидов // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1928. № 5. С. 26–27*). На территории древней Кувы были обнаружены бронзовые монеты древних тюрков с тамгой (*Смирнова О.И. О древнетюркских монетах из Кувы (Фергана) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия Ленинградского отделения Института Востоковедения. М., 1977. Ч. I. С. 51*), на некоторых из которых

есть изображения льва (*Смирнова О.И.* О древнетюркских монетах. С. 54). О.И. Смирнова указывает на связь между руническими письменами и родовыми знаками на тюркских и согдийских монетах. По ее мнению, тюрки в качестве тамговых (родовых) знаков употребляли рунические письмена, варьируя его форму (*Смирнова О.И.* Рунические монограммы на среднеазиатских монетах // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VII годичная научная сессия Ленинградского отделения Института Востоковедения. М., 1971. С. 77). В одной из групп тюрко-согдийских монет тамга, не засвидетельствованная на монетах других районов, нанесена в разных ее вариантах (*Смирнова О.И.* Сводный каталог Согдийских монет. Бронза. М., 1981. С. 58–59). Значит, тамги имеют более раннее происхождение, о чем свидетельствуют результаты археологических раскопок.

Кроме тамги на монетах чеканилась также тугра, которая, согласно данным Р.Т. Темирбулатова, была конкретным знаком, помещавшимся на печати, монете и медали (*Темирбулатов Р.Т.* Тугра // Гербовед. 1996. № 4. С. 35), то есть тугра является своего рода знаком, оформленным на основе инициалов правителя. Е.А. Синицина (*Синицина Е.А.* Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербендского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. Дисс... канд. ист. наук. Баку, 1992. С. 50) и А.В. Акопян (*Акопян А.В.* Монеты и клады Гянджинского, Шушинского, Ереванского и Нахичеванского ханств (1747–1828 гг.). Источниковедческий анализ. Дисс... канд. ист. наук. В 2 тт. Казань, 2019. С. 153) приводят описание монет ханств Кавказа с тугрой. А.В. Акопян считает, что тугра ведет происхождение от подписи османского улубея Орхана Первого (1326–1359), сделавшего росчерк тремя пальцами, обмакнутыми в чернила (*Акопян А.В.* Монеты и клады. С. 213).

Но тугра имеет более раннее происхождение. Она упоминается в сочинении XII в. (Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя / Пер. З.М. Буниатова. М., 1980. С. 93). На государственном гербе и на монетах Османской империи присутствует тугра. Д. Уокером приводится описание медали из Багдада 1063 г., на которой есть изображения лука и стрелы, именуемые им тамгой (*Walker D.* A unique medal of the

Seljuk Tughrilbeg / Centennial Publication of the American Numismatic Society. New York, 1958. P. 692). Р. Гусейнов, описывая эту медаль, определяет данный знак как тугру (*Гусейнов Р.А.* Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI–XII вв. // *Нумизматика и Эпиграфика.* М., 1971. Т. IX. С. 104), хотя тугра определяется как инициалы исламских правителей (*Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В.* Словарь нумизмата / Пер. с нем. М., 1982. С. 284). Т. Ходжаниязовым приводятся сведения о монетах Тогрул-бека с изображением тамг (*Ходжаниязов Т.* Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков. (По данным нумизматики). Ашхабад, 1977. С. 25; *Он же.* Каталог монет государства Великих Сельджуков. Ашхабад, 1979. С. 25). Так, М.А. Сейфеддини приводит описание монет с изображением тамг (*Сейфеддини М.А.* Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Баку, 1978. Кн. I. С. 62, 64, 68–69).

На монетах Монгольской империи также выбивались тамги. Так, на монетах Туракина Хатун, чеканенных в Гяндже, Нахичевани, Тифлисе и в Урмие приводятся изображения скачущего всадника, зайца, льва (*Марков А.К.* Инвентарный каталог. Санкт-Петербург, 1896. С. 437–439). На монетах Золотой Орды тамга чеканена в виде плуга (*Niitzel H.* Embleme und Wappen. S. 11), который Г.А. Федоров-Давыдов рассматривал как символ единства правящего рода (*Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 21). А.З. Сингатулина приводит описание серебряных и медных монет Менгку каана, но, ссылаясь на М.А. Сейфеддини, она отмечает, что на монетах Азербайджана первой половины XIII в. нет тамги (*Сингатулина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань, 2003. С. 19), но на дирхемах Угедей-каана есть изображение лука и шестиконечной звезды (*Сейфеддини М.А.* Монетное дело. С. 156–158), которые, возможно, являлись тамгами.

А. Раджабли приводит дирхемы Кей-Кобада I и Кей-Хосрова II с изображением льва и солнца, которые он рассматривает как аллегии на султана и его жену. Г. Нютцел связывает данное изображение с астрологией (*Niitzel H.* Embleme und Wappen. S. 3), но данное изображение можно найти и на дирхемах Болгарии XIII в. (*Бугарчев А.И.* О Болгарских дирхемах XIII в. с изображением льва и солнца // *Археология Казахстана.* 2018. № 1–2. С. 308), а также на монетах Хулагуидов (*Niitzel H.*

Embleme und Wappen. S. 10). А.В. Акопяном приводятся сведения Р.Т.Ахмади, согласно которому для медных монет и ковров был разработан единый словарь образов и их значений (*Акопян А.В. Монеты и клады. С. 79*). Так как данные изображения встречаются также на серебряных монетах, то данное утверждение Р.Т. Ахмади можно отнести и к монетам из серебра.

Таким образом, тюркские тамги на средневековых монетах можно разделить на тамги-знаки и тамги-изображения, многие из которых впоследствии стали гербами царствовавших династий.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ТВЕРСКОГО АРХИЕРЕЯ В ТВЕРСКОМ УЕЗДЕ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ПИСЦОВЫМ КНИГАМ XVI ВЕКА

*С.С. Кутаков
м.н.с. ИВИ РАН, Москва*

Тверская епископия была учреждена в период между 1264 и 1270 гг. (*Коняевская Е.Л. Первые тверские епископы и первые тверские монастыри // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1 (91). С. 68–69*). Видимо, тогда и началось формирование вотчины Тверского архиерейского дома. Между тем, у нас практически нет сведений по истории землевладения тверского епископа. Древнейшими документами, проливающими свет на этот вопрос, являются писцовые материалы Тверского уезда XVI века.

На основе сведений дозорной книги Тверского уезда 1551–1554 гг., материалов Генерального межевания конца XVIII в. и топографической межевой карты Тверской губернии А.И. Менде нами была составлена историческая карта землевладения тверской епископской кафедры в Тверском уезде XVI века.

По данным дозорной книги с землевладением тверской епископской кафедры были связаны 227 топонимов. Архиерейская вотчина включала земли, непосредственно принадлежавшие тверскому владыке, и владычные земли, находившиеся

в поместье за людьми, служившими тверскому епископу, в том числе за «владычни детми боярскими». Земельные владения располагались в волостях Суземье, Воловичи, Микулинском уезде, Воскресенском, Юрьевском и Горецком станах волости Хорвач, Шестке, Чаглове, волости Шейский уезд, Каве (об административно-территориальном делении Тверского уезда XVI в. см: *Кутаков С.С., Степанова Ю.В.* Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география. М., 2016. Т. 3. С. 280–317). Начало дозорной книги 1551–1554 гг., где, вероятно, в числе прочих были описаны и владычные земли, располагавшиеся в волости Захожье, утрачено. Сведения о владычной вотчине в Захожье можно восстановить на основе писцовых материалов XVII века.

Значительная часть землевладения тверского епископа располагалась в Воловичах. К территории этой волости относится 51,5 % известных поселений и ненаселенных местностей архиерейской вотчины Тверского уезда середины XVI в. Здесь располагались крупнейшие земельные владения Тверского архиерейского дома: село Бели с 41 деревней, сельцо Новое с 25 деревнями, село Ильинское с 23 деревнями.

Владычные владения в Воловичах окружали многочисленные вотчины феодалов, служивших тверскому епископу (о родах, находившихся на службе тверского архиерея см.: *Матусон А.В.* Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.). М., 2021. С. 37–71). В Воловичах выявляется обширная область компактного расположения земельных владений тверского архиепископа и его служилых людей.

Крупные части землевладения тверского владыки располагались в Суземье (12 % поселений и пустошей) и Шейском уезде (9 %), а самые мелкие — в станах волости Хорвач (1,7 %, 1,3 %, 2,1 %) и волости Каве (1,77 %).

Ряд земельных владений дозорная книга 1551–1554 гг. определяет как «владычни ж села за его помещики». Дозорная книга 1551–1554 гг. указывает 10 таких поместий, располагавшихся в шести волостях Тверского уезда. В основном это были небольшие землевладения в 1–3 населенных пункта. Шестеро помещиков названы «владычни детми боярскими»: Митя Хлусов, Матвей Герасимов сын, Иван Гаврилов сын Малечкин, Богдан Иванов сын Инкин, Посник Семенов сын, Андрей Семенов сын

Бабкин. Андрей Бабкин указан дважды, второй раз без отчества. Может быть это Андрей Семенов сын, или Андрей Кузмин сын Бабкин. Они оба известны в 1551–1554 гг. и состояли на службе у тверского владыки. Еще два помещика — Федор Иванов сын Бабкин и Иван Бибилов — напрямую владычными детьми боярскими не названы, но, по всей видимости, к ним относились. Небольшое поместье в Микулинском уезде принадлежало дьякону тверского Спасо-Преображенского собора Петру.

Описания пяти поместий начинаются указанием на принадлежность земель тверскому владыке, после которого следует словосочетание «а ныне за...». Это свидетельствует о том, что эти поместья были выделены сравнительно недавно и в предшествующих писцовых книгах составляли непосредственно вотчину тверского архиерея.

Кроме того, с владычным землевладением могли быть связаны вотчины некоторых храмов города Твери, например, Спасо-Преображенского собора и церкви Спаса Милостивого «на владычнем дворе». Однако, в писцовых книгах эти храмы указаны как самостоятельные вотчинники, и их землевладения не рассматриваются в настоящем исследовании (о вотчинах храмов Тверского кремля см.: *Кутаков С.С.* Храмы и монастыри «во Твери внутри городе» и их землевладение в Тверском уезде в XVI в. // *Историко-географический журнал.* 2025. Т. 4. № 4. С. 42–53.).

Картографирование и изучение расположения вотчин Тверского архиерейского дома указывают на их особое место в системе землевладения Тверского уезда XVI в., а также на территориальную связь с вотчинами светских землевладельцев, служивших тверскому владыке. Дальнейшее исследование географии землевладения в Тверском уезде позволит реконструировать этапы формирования владычной вотчины.

ИКОНОГРАФИЯ КУРФЮРСТОВ МАЙНЦА XIII–XIV ВЕКОВ НА ОСНОВЕ СИГИЛЛОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

*А.С. Литвинов
аспирант Исторического факультета ГАУГН, Москва*

В средневековой Германии сложно найти столь же интересную для изучения фигуру как курфюрст, то есть князь-выборщик. На протяжении всей эпохи данный титул имел огромный авторитет и обладал уникальной привилегией избрания императора Священной Римской империи. Как известно, курфюрсты включали в себя духовных и светских. Духовные состояли из архиепископов Кёльна, Трира и Майнца. Именно публичная визуализация в иконографии архиепископов Майнца как духовных князей и курфюрстов и будет рассмотрена на сигиллографическом материале.

Формально курфюрст Майнца являлся вторым лицом Священной Римской империи, так как за ним было закреплена должность архиканцлера Империи. Также курфюрст Майнца был председателем коллегии курфюрстов и примасом. Именно курфюрст Майнца был ответственным за созыв коллегии для выборов нового императора. Данные должности, разумеется, во многом были почетными и никак напрямую не коррелировались с реальной властью курфюрста. Но нельзя отрицать и того, что власть в руках архиепископов Майнца была существенной, и коллегия курфюрстов была сформирована из наиболее могущественных светских и духовных сеньоров Империи. Будучи курфюрстами, они являлись духовными князьями, то есть совмещали духовную и светскую власть и до конца XV в. оставались одними из самых могущественных духовных князей этого региона. Хотя официально курфюрстами архиепископы Майнца стали лишь в 1356 году, после того как была выпущена Золотая булла, но вернее будет сказать, что данный документ скорее закрепили статус архиепископа Майнца как курфюрста, а не установил его. И до 1356 г. это были уважаемые и могущественные иерархи церкви, которые участвовали в избрании императора. Коллегия курфюрстов начала формироваться в конце XII в., и уже с самого начала в ней присутствовал архиепископ Майн-

ца, и на всем протяжении XIII в. архиепископы Майнца участвовали в имперских выборах. Нельзя не отметить и тот факт, что после кодификации выборов императора и работы коллегии курфюрстов, архиепископ Майнца всегда, согласно Золотой булле, голосовал последним. То есть, фактически, если голоса делились поровну, то именно его голос оказывался решающим.

В своей основе общие принципы иконографии печатей курфюрстов Майнца не отличаются от иконографии, характерной для епископов и архиепископов средневековой Германии. Данная иконография состоит из следующих элементов: портретное деперсонализированное изображение архиепископа (важно то, что изображался именно сан, а не конкретная личность), различные конфессиональные и ранговые атрибуты, святые покровители и, начиная с XIV в., в этот перечень вошли элементы готической архитектуры и гербы. Напомню, что говоря об иконографии курфюрстов Майнца, мы должны понимать, что речь идет об иконографии самых влиятельных светских и духовных лиц Священной Римской империи.

Самая ранняя их печать относится к XIII в. и принадлежит архиепископу Зигфриду II фон Эппштейну (1200–1230); она датируется приблизительно 1208 годом. Данная печать представляет собой стандартную «тронную» печать (в немецкой традиции *Thronsigel*), где изображен архиепископ, сидящий на троне в литургическом облачении, с пастырским посохом в правой руке и открытой Библией в левой. Данное изображение представляет собой образ идеализированного архиепископа со всеми соответствующими атрибутами. Подобные печати характерны для иконографии архиепископов и епископов XIII века.

Вторая печать, принадлежащая Зигфриду II, датируется приблизительно 1231 годом. Ее делали явно с другой матрицы, но по иконографическому содержанию она идентична первой.

Преемник Зигфрида II, Зигфрид III фон Эппштейн (1230–1249), изначально использовал *Elektensiegel* — печать, которая использовалась высшими иерархами церкви после избрания на кафедру, но до посвящения в сан. Иконографически такие печати выделяются тем, что архиепископ на ней изображался без полного литургического облачения и, как правило, это портретные печати. Однако подобные печати использовались далеко не всегда, часто архиепископы и епископы сразу же начинали пользоваться своей основной печатью. На данной печати Зиг-

фрид III изображен стоящим (печать «пешего» типа) и с Библией в руках. Его основная, «тронная» печать, также датируется 1231 годом и представляет собой типичную «тронную» печать архиепископа.

Архиепископ Кристиан II фон Вайзенау, также известный как фон Бонланд (1249–1251), имел три печати, каждая из которых представляет собой печать «тронную». Печати архиепископа Герхарда I фона Дауна (1251–1259) выделяются из данного ряда. Он также владел тремя печатями, две из которых являлись «тронными» печатями, третья же была печатью «секретум». На ней изображен святой Мартин, перед ним на коленях стоит нищий, с которым святой Мартин делит свой плащ, печать датируется 1252 годом.

Вернер фон Эппштейн (1259–1284) владел пятью печатями, три из которых являются «тронными» печатями, две же иные примечательнее. Первая представляет собой *Elektensiegel*, на которой изображен клирик с непокрытой головой с Библией в руках. Вторая печать, датируемая 1264 годом, является печатью с изображением герба Майнца. Это одна из самых ранних печатей немецких клириков из числа тех, на которых можно видеть не просто геральдические изображение, а изображение конкретного герба и, что примечательно, это одно из первых изображений герба Майнца в целом. Интерес вызывает и то, что данная печать в легенде не содержит информации о том, что является печатью «секретум». Однако, учитывая, что она намного меньше «тронных» печатей, которые и должны выступать основными, и что своим размером и формой она практически полностью соответствует печати Герхарда, на которой изображен святой Мартин, можно предположить, что, даже не являясь печатью «секретум», она могла выполнять ее функцию. С этого момента геральдика регулярно встречается на печатях архиепископов Майнца. Уже на *Landfriedenssiegel* (*sigillum pacis*), то есть на печати Божьего мира Генриха II (1286–1288) присутствуют уже два герба.

ЛЕТОПИСЕЦ Г.А. СКОПИН — САРАТОВСКИЙ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ

*А.С. Майорова
к.и.н., доц. кафедры истории России и археологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов*

Биографии летописцев XVIII в. заслуживают внимания, поскольку они представляли немногочисленную группу интеллектуалов, которые влияли на формирование исторического сознания современников и потомков. Саратовский священнослужитель Г.А. Скопин запечатлел события, происходившие в городе и в городской округе за 1762–1796 годы. Его сочинение опубликовано под заглавием «Дневник происшествий» (Дневник происшествий Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 1–40). Подлинник рукописи не сохранился. Особенности этого сочинения, которые позволяют отнести его к произведениям летописного жанра, рассмотрены А.С. Майоровой (*Майорова А.С.* История города в контексте истории государства. (Саратовская городовая летопись второй половины XVIII века) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 80–101).

Очерк жизни Скопина, написанный В.П. Соколовым, помещен в предисловии к публикации его сочинения (*Соколов В.П.* Священник Герасим Алексеевич Скопин // Саратовский исторический сборник. С. I–VIII.) Для составления биографии автор использовал текст Скопина и другие материалы. Биограф мог получить сведения от его внучки, которая к 1891 г. достигла 87 лет (*Соколов В.П.* Протоиерей Николай Герасимович Скопин // Саратовский исторический сборник. С. XXV). Вероятно, на основании документов консистории Соколов указал даты жизни Скопина — 1746–1797 гг., отметил некоторые служебные перемещения. Службу Скопин начал в 14-летнем возрасте дячком при Крестовоздвиженской церкви. Биограф писал, что он отличался «замечательной любознательностью» и «самой искренней неподдельной любовью к тогдашней прессе и науке». Очевидно,

из семейных преданий Соколов узнал, что Скопин выписывал газеты и много книг.

На основании содержания летописи видно, что в 1775 г. Скопин был «определен» к Сергиевской церкви. Вначале он служил в ней в качестве дьячка, а в 1789 г. был посвящен в диаконы. В 1791 г. Скопин был рукоположен в священника к Саратовской Спасопреображенской церкви. В 1792 г. он был переведен к Казанской церкви, а в 1794 г. — от Казанской к Вознесенской.

Вызывают вопросы отсутствие в летописи Скопина рассказа о его собственном участии в событиях августа 1774 г., когда Саратов был захвачен Пугачевым. В тексте летописи о них имеется только краткая официальная информация (Дневник происшествий. С. 10).

Подробности событий отражены в комплексе делопроизводственных документов. В доношении к астраханскому епископу Мефодию из саратовского духовного правления сообщается, что 6 августа пугачевцы ворвались в Саратов, согнали жителей на Соколову гору и в их присутствии учинили казни «разных чинов людей». 7 августа казаки разъезжали по Саратову с приказом, чтобы все шли в лагерь Пугачева и чтобы духовные лица явились «с крестом и образами». Священнослужители, испугавшись угроз, исполнили это приказание (Доношение присутствующих протопопов Саратовского духовного правления Алексея Иродионова и Онисима Герасимова епископу Астраханскому и Ставропольскому Мефодию // *Майорова А.С.* Саратов во время пугачевского восстания: Сборник документов для семинарских занятий по истории Саратовского края. Саратов, 2001. С. 24–29).

На следующий день в духовное правление Саратова из лагеря Пугачева была передана «записка» с текстом, как «помянуть о здравии» лиц императорской фамилии во время литургии. В ней были названы император Петр Феодорович и супруга его императрица Иустинья Петровна, наследник цесаревич Павел Петрович и его супруга (Доношение присутствующих протопопов. С. 25). С 9 по 11 августа в саратовских церквях провозглашали многолетие по этой записке.

Сохранились документы следствия по делу об участии саратовского духовенства в этих событиях. По определению Синода от 20 августа 1774 г., духовные лица Саратова были лишены священнического чина и преданы гражданскому суду (ГАСО.

Ф. 407. Оп. 2. Д. 1361. Л. 39 об.). В документах сказано, что «все саратовское духовенство» ходило на поклон «в стан злодейской». Священнослужители были «взяты к следствию под караул» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1361. Л. 51, 51 об., 53 об.).

Среди подлинников допросных речей имеется запись от 22 сентября 1774 г. с подписью: «К сему допросу Герасим Алексеев руку приложил». В документе названо место его служения — Вознесенская церковь. На допросе он показал, что ходил «со крестами к злодею Пугачеву в ставку», а 9 августа был на молебне в соборе и «поминовение на возгласе дьякона Сергея Иванова имя Петра Третьего слышал» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1361. Л. 16).

Дьячок Вознесенской церкви Герасим Алексеев вполне может быть идентифицирован с Герасимом Алексеевичем Скопиным. Среди допрошенных духовных лиц Саратова он был единственным человеком с таким именем. Очевидно, он стал известен под фамилией Скопин после того, как фамилия была присвоена его сыну при поступлении в Астраханскую семинарию. Упоминая в летописи о женитьбе сына, он называет его с фамилией Скопин (Дневник происшествий. С. 30).

Комплекс следственных документов о событиях восстания Пугачева позволяет дополнить факты биографии Скопина. В них указано место его служения в 1774 г. — Вознесенская церковь. Из этих документов мы видим, что он принимал участие, наряду с другими духовными лицами, в торжественной встрече Пугачева жителями Саратова, позже был привлечен к суду, находился в заключении в Саратове и в Астрахани. Дальнейшие события отражены в его летописи. В начале августа 1775 г. последовало распоряжение о помиловании саратовского духовенства, и он смог вернуться в город (Дневник происшествий. С. 11–12). События, отраженные в следственных документах, помимо уточнения фактов биографии Скопина показывают наличие корпоративной солидарности в среде городского духовенства, представителем которого был летописец.

ДВЕНАДЦАТЬ ФАМИЛИЙ ПОТОМКОВ СВЯЩЕННИКА, ЖИВШЕГО В НАЧАЛЕ XVII СТОЛЕТИЯ

А.В. Матисон
д.и.н., с.н.с. ГПИБ, Москва

В синодальный период истории Русской Православной Церкви сложилась практика, когда фамилии представителям духовенства, как правило, присваивалась по усмотрению правящего архиерея или руководителей духовных учебных заведений. При этом достаточно часто представители одной семьи (даже родные братья) могли получать разные фамилии. Только в 1846 г. последовал указ Святейшего Синода о том, что всем сыновьям клириков должны присваиваться те же фамилии, что у их отцов. Существовавшая до середины XIX века практика часто приводила к тому, что у потомков общего предка по мужской линии могло оказаться несколько фамилий. Как правило, их число не превышает три-четыре, хотя и здесь случаются удивительные исключения.

Несколько лет назад была опубликована роспись обширного священно-церковнослужительского рода Тверской епархии (*Матисон А.В.* Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков // Родословные росписи. М., 2011. Вып. 6. С. 25–51). Первым известным представителем этого рода является священник погоста Архангельского на Осуге Ржевского уезда (в 1770-е годы погост был приписан к Новоторжскому уезду) Максим Иоакимов, упомянутый здесь в 1625 году. Представители этого рода служили в том же погосте на протяжении семи поколений, вплоть до середины XIX века. При этом потомки по мужской линии внука Максима, священника того же погоста Ивана Сидорова, получили восемь разных фамилий — Барановы, Верхопетровские, Криницкие, Лампсаковы, Михайловские, Новоникольские, Прилуцкие, Сидонские. Происхождение некоторых из них можно установить с достаточной степенью уверенности. Например, это семинарские фамилии: Лампсаковы (Лампсак — город в Мизии, епископом которого в IV в. был Святой Парфений Лампсакский), Сидонские (Сидон — известный древний город в Финикии). Фамилии Михайловские,

Новоникольские и Верхопетровские, вероятно, связаны с наименованиями трех престолов храма в погосте Архангельском (главный престол был освящен во имя Архангела Михаила, еще один — во имя Святителя Николая Чудотворца, еще один — во имя Святых первоверховных апостолов Петра и Павла). Фамилии Барановы, Криницкие и Прилуцкие, возможно, происходят от личных прозвищ или топонимов (в Тверской епархии существовало село Прилуки).

Среди потомков Максима Иоахимова было несколько весьма заметных лиц. Прежде всего, это протоиерей Казанского собора в Петербурге, доктор философии Федор Федорович Сидонский. Крупный ученый, преподаватель Петербургской духовной академии и Петербургского университета, он является автором фундаментальной работы «Введение в науку философии» и других сочинений. В Тверской епархии не менее известен его двоюродный внук — протоиерей Владимирской церкви Твери, председатель Тверского епархиального училищного совета, редактор «Тверских епархиальных ведомостей», кандидат богословия Николай Александрович Криницкий. Он опубликовал несколько исторических сочинений: «Тверские архипастыри, ревнители духовного просвещения в XVIII веке», «Сведения о времени распространения христианства в местностях, входящих ныне в пределы Тверской епархии» и др. Два представителя рода в ходе службы были пожалованы чином действительного статского советника, дававшим право на получение потомственного дворянства: петербургский врач Парфений Павлович Лампсаков и директор Усть-Сысольской гимназии Михаил Александрович Криницкий. Наталья Парфеньевна Лампсакова была матерью преподавателя Тверской духовной семинарии, знаменитого тверского краеведа, статского советника Владимира Ивановича Колосова, оставившего много работ по истории Твери и другим темам. Екатерина Николаевна Прилуцкая была супругой петербургского протоиерея Дорофея Философовича Ярушевича и матерью Бориса Дорофеевича Ярушевича (в монашестве — Николай) — митрополита Крутицкого и Коломенского (1947–1960) и председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (1946–1960).

Недавно удалось обнаружить сведения еще об одной ветви этого рода. Она идет от дьячка погоста Архангельского при Осуге Алексея Сидорова, упомянутого здесь в 1678 году, и, ве-

роятно, приходившегося родным братом священнику Ивану Сидорову. Потомки Алексея долгое время служили преимущественно в том же погосте. При этом они получили четыре разные фамилии, ни одна из которых не совпадает с фамилиями потомков Ивана Сидорова. Праправнуки Алексея Сидорова — пономарь (с 1792 г.) села Арпачева Новоторжского уезда Николай Алексеевич и дьячок (с 1810 г.) погоста Архангельского при Осуге Александр Алексеевич носили фамилию Красовы. Позднее эта фамилия закрепилась только за некоторыми представителями рода. Один из сыновей Николая — диакон (с 1821 г.) села Славкова Кашинского уезда Иван Николаевич получил фамилию Казанский (по названию храма в селе Арпачево, где служил его отец). Его племянникам (сыновьям его брата — пономаря (1814 г.) села Арпачево Матвея Николаевича Красова) была присвоена фамилия Виноградские. Наконец, все сыновья (и более отдаленные потомки) Александра Алексеевича Красова носили фамилию Велланские. Один из них — Федор Александрович служил священником (с 1854 г.) Сретенской церкви Твери. Его сын — Михаил Федорович Велланский (1854–1906) был выпускником Петербургской духовной академии и занимал должность инспектора Тверского духовного училища. Он достиг в службе чина статского советника и был кавалером нескольких орденов (в том числе ордена Св. Владимира 4-й степени). Истоки фамилий Виноградские, Велланские и Красовы нельзя установить с полной уверенностью и, вероятно, их происхождение зависело от «фантазий» семинарского начальства.

Приведенные данные, таким образом, показывают редкий даже для среды духовенства пример, когда потомки жившего в начале XVII века клирика получили двенадцать (!) разных фамилий.

ПАМЯТНЫЕ ЖЕТОНЫ НА ЗНАМЕНИ ВОИНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ КАРЛСХОРСТА 1908 ГОДА

В.В. Незговорова

*с.н.с. Военно-исторического музея артиллерии,
инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург*

Поражение Франции в войне 1870–1871 гг. привело к объединению Германии и созданию Германской Империи. 18 января 1871 г. в Версальском дворце король Пруссии Вильгельм I (1797–1888) был провозглашён Германским императором. Взошедший на престол после его смерти император Вильгельм II (1859–1941) проводил политику глобального лидерства Германии. «Жизнь империи и ее внешняя политика определялись тремя основными принципами: культ кайзера (императора), пан-германизм и культ армии» (*Агеев А.И., Артамошин С.В., Буранок С.О. и др.* Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М., 2014. С. 194).

На рубеже XIX–XX веков массовое распространение в Германии получили ветеранские объединения, «кригерферайны» (*Krigervereine*), объединившиеся в 1900 г. в Киффхойзерский союз немецких земельных воинских объединений (*Kyffhäuser-Bund der Deutschen Landeskriegerverbände*). Союз «получил свое название в честь Киффхойзерского монумента, или “памятника Барбароссе”», возведенного в 1890–1896 гг. на вершине горы Киффхойзер в Тюрингии. (*Олейников А.В.* Германские знаменные трофеи русской армии (кампании 1914–1915 гг. Первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 2023. № 2. С. 74). В 1913 г. эта общегерманская организация ветеранов и резервистов включала 30 651 объединение (*Vereine*) и насчитывала 2 703 072 члена (Там же).

Воинские объединения являлись носителями культа военного товарищества, идеи единства германской нации и ее права на ведущую роль в мире. Значимыми символами организаций являлись знамена. Хранящиеся в отечественных музеях знамена «кригерферайнов» были, в основном, вывезены из Германии после Великой Отечественной войны. Показательна в этом отношении известная фотография Михаила Мельника 1945 г. «Побе-

датель», на которой советский солдат изображен на фоне старых знамен кайзеровской Германии ([Электронный ресурс] URL: <https://waralbum.ru/57209/>). Привлекают внимание не только богато декорированные полотнища, но и древки, на которых укреплены многочисленные металлические жетоны разного размера и конфигурации.

В Инженерно-документальном фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится знамя воинского объединения Карлсхорста, поступившее из Центрального исторического военно-инженерного музея в 1963 г. (ВИМАИВиВС. КП ИДФ 3123 ИДФ 32-3) Знамя на древке, спиленном ниже скобы, наверху отсутствует. Лицевая сторона полотнища красно-бело-красная, с черным гербовым орлом королевства Прусского в центре. На груди орла — вензель короля Фридриха I. На триколоре, сверху вниз, вышивка: «GOTT MIT UNS 1908» («С нами бог»). Обратная сторона белого цвета, по диагонали полотнища вышита дубовая ветвь. Сверху и снизу текст: «KARLSSHORSTER KRIEGER VEREIN 26.10.1900» («Воинское объединение Карлсхорста»). Карлсхорст — восточный пригород Берлина, вошедший в его состав в начале 1920-х годов.

На древке укреплены 29 металлических жетонов с различными изображениями и гравированными надписями. На всех жетонах указана одна дата: 7.08.1908. Это день освящения знамени, как следует из надписи на одном из них: «К освящению знамени 5.7.1908. Муниципалитет Фридрихсфельд Карлсхорст» (*Zur Fahnenweihe 5.7.1908 die Gemeinde Friedrichsfelde Karlshorst*).

Сверху прикреплен жетон в виде треугольного щита под императорской короной, обрамленного снизу ветвями лавра. Поле щита занимает гравированный текст — приветствие от объединений воинов и ландвера (*Landwehrvereinen*) 24-х различных пригородов Берлина.

Один из жетонов вручен местной ветеранской группой Карлсхорста (*Ortsgruppe Karlsshorst*), входившей в Германский флотский союз (*Deutscher Flottenverein*), одну из самых многочисленных национальных организаций: «В 1908–1915 гг. его численность превышала миллион человек» (*Киктева Е.В. Организованный национализм в Германии в 1888–1918 гг. (по документам российских архивов)* // Вестник РГГУ. Сер.: Литературо-

ведение. Языкознание. Культурология. 2015. С. 117). На жетоне — рельефное изображение солдата с винтовкой и знаменем.

Памятные жетоны вручались не только от ветеранских обществ, «товарищей по оружию» (*Waffengefährten*), но и от молодежных, студенческих, спортивных организаций, добровольных пожарных команд, муниципальных работников, учителей Карлсхорста и других пригородов Берлина, принимавших участие в торжестве.

Жетоны изготовлены из белого и желтого металла. Как правило, это германский щит с гравированным текстом. Чаще всего щит обрамлен дубовыми ветвями; ветви лавра присутствуют всего на двух жетонах. Изображение дубовых листьев и ветвей широко использовалось в Германской империи как символ стойкости и национального единства.

В декоративном оформлении жетонов присутствует и воинская арматура: знамена, ружейные стволы, мечи. На пяти жетонах имеются рельефные изображения орлов; коронованные орлы восседают на щитах с двумя мечами, со скипетром и мечом, с вензелем «FR» на груди, с Железным крестом в лапах. На жетоне от Воинского союза бывших сослуживцев баденских подразделений XIV армейского корпуса (*Krigervereine ehem. Kam. der Bad.Truppen XIV Armee Korps zu Berlin 5.VII.08*) изображен коронованный грифон с мечом в одной лапе и баденским гербовым щитом в другой — основные элементы герба Великого герцогства Баден, армия которого участвовала во Франко-Германской войне 1870–1871 гг.

Памятный жетон от союза воинов Вильгельмсберга — Ной-Хоэншёнхаузена (*Wilhelmsberg — Neu-Hohenschönhausen*) украшает изображение короны Германской империи — геральдического знака в имперском гербе 1871–1918 годов.

Детали оформления жетонов внешне отличаются, несмотря на наличие повторяющихся изображений, связанных с воинской символикой и геральдикой Германской империи.

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ СТРАНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КАРТОГРАФИИ

О КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ «ИСТОРИЯ БРАЗИЛИИ В ДВАДЦАТИ ПЯТИ КАРТАХ» (САН-ПАУЛУ, 2022)

О.В. Окунева

к.и.н., доктор ун-та Париж-Сорбонна

к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН, Москва

Доклад посвящен инициативе коллектива бразильских исследователей по представлению истории Бразилии с начала XVI в. до конца XX столетия через призму географических карт (*Doré A., Furtado J.F. (orgs). História do Brasil em 25 mapas. São Paulo: Companhia das Letras, 2022, 438 p.*). Схожие проекты существуют и в других странах Латинской Америки (Колумбия, Перу), однако при общем сходстве подходов — обрисовать крупные периоды в истории страны, взяв за основу знаковую географическую карту и доверить ей стать главным рассказчиком и свидетелем — бразильские авторы настаивают на том, что показанная таким образом история не должна восприниматься как отражение линейного процесса и «последовательной смены причин и следствий» (*Doré A., Furtado J.F. (orgs). História do Brasil. P. 15*). Координаторы проекта настаивают на проблемном, а не хронологическом подходе исследования и провозглашают свободу читателя передвигаться между частями монографии в произвольном порядке, но при этом главы все же расположены в соответствии с временем создания той или иной карты-«повествователя».

Подобное заявление об отказе от линейного (про)чтения может быть связано с объективным изменением фокуса и масштаба географических карт, посвященных Бразилии. Первые карты региона, еще не соответствующего современным границам страны (глава 1) и выполненные век спустя португальским (глава 2) и нидерландским (глава 3) авторами демонстрируют всю известную на тот момент Южную Америку (в случае с нидерландским картографом — весь Новый Свет). Следующие выбранные авторами коллективной монографии карты Бразилии

в масштабе одной страны — «Хорографическая карта Бразильской империи» 1846 г. (глава 13) и «Географическая карта Бразилии» 1858 г. (глава 14) несут в себе новые смыслы: в первом случае это политическое высказывание, где за физико-географическим описанием скрывается демонстрация имперского потенциала ставшей независимой от Португалии страны, сохранившей при этом, в отличие от соседей по континенту, монархический строй и мыслящей развитие бразильской нации именно в этой парадигме; во втором случае речь идет о естественно-научном взгляде на регион через представление основных видов растительного покрова в тесной связи с геологическими и климатическими режимами, что соответствует значительному прорыву в накоплении научной информации благодаря масштабным многолетним исследовательским экспедициям в Бразилию европейских ученых.

Дальнейшие избранные авторами коллективной монографии карты XIX и XX веков, представляющие Бразилию целиком или в контексте Южной Америки / и Южной, и Северной Америки отражают отдельные (и научные, и прикладные) аспекты: от фиксации этно-исторических процессов первой половины XX в. (глава 18) до демонстрации основных типов питания населения в зависимости от природно-географических зон и связанного с этим дефицита тех или иных микро- и макро-нутриентов (глава 21) или — уже на современном технологическом уровне — картографирования того, как сокращается площадь лесов, с помощью спутниковой аэрофотосъемки (глава 25).

Одновременно с этим предметом рассмотрения исследователей стали карты других масштабов, отражающие процессы на региональном или локальном уровнях. Каждая анализируемая в соответствующей главе карта является главным «рассказчиком» о том или ином историческом процессе: об уточнении сухопутных и речных границ, что было весьма болезненным вопросом для страны, пытавшейся отмежеваться от Испанской Америки и удовлетворить при этом собственные амбиции (главы 4, 8, 10, 11); о развитии городов — от только что ставшего столицей Рио-де-Жанейро в 1714 г. (глава 7) до первого наброска так называемого Пилотного плана по созданию принципиально нового столичного центра — Бразилиа (глава 23); о продвижении вглубь миссий иезуитов на примере Амазонии начала XVIII в. (глава 6) и о сопротивлении сельского населения — будь то бег-

лые рабы (глава 12) или восставшие времен Первой республики (глава 16) — все возрастающему давлению властей.

Повествовать об исторических процессах было «доверено» не только традиционным географическим картам, но и произведениям другой природы, использующим отдельные элементы карты или ее изображение. Так, карандашный набросок «Группа мужчин перед картой Бразилии в 1822 году» становится поводом поговорить о кануне провозглашения независимости от Португалии и о преодолении региональных разногласий конца колониальной эпохи ради территориальной целостности (Введение); карикатура на Теодора Рузвельта, похваляющегося тем, что нанес на карту неизвестную ранее реку в бассейне Амазонки, дает возможность обратиться к тому, как Бразилия начала XX века воспринималась в США (глава 17); обложка первого номера журнала «Иммигрант», издаваемого правительством штата Сан-Паулу, и представляющая собой схему морских путей, по которым из Европы прибывают переселенцы не просто в Бразилию, а именно в этот штат, позволяет затронуть вопрос как о массированном и санкционированном властями привлечении иммигрантов из Старого Света, так и о значительной самостоятельности Сан-Паулу в этом вопросе (глава 19). Отдельное эссе посвящено картографированию природных очагов желтой лихорадки в 1943 г., предпринятого Рокфеллеровским фондом в Амазонии, что выводит авторов на рассуждения более глобального характера о медицинской картографии и картографии эпидемий (глава 20). Еще одним необычным «рассказчиком» о трагической странице истории Бразилии становится так называемая «ментальная карта», под которой понимается схематичное представление компонентов определенного явления / процесса с дальнейшим показом взаимосвязей между ними: объектом такого мысленного препарирования стала военная диктатура (глава 24).

Все представленные в коллективной монографии карты сопровождаются интересным иллюстративным рядом, дополняющим и проясняющим цель их высказывания.

О МЕТОДИКЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЗЕМНЫХ ПОЯСОВ В ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ V ВЕКА (ПО МАКРОБИЮ)

М.С. Петрова
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН, Москва
АНО ИМИНУО, директор

*Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24–18–00349
«Представления о мире и мироздании в историческом контексте
и социокультурном развитии европейского общества»*

В так называемом географическом разделе Макробиева «Комментария на ‘Сон Сципиона’» (V в.), охватывающем лишь пять глав второй книги (II, 5–9), речь идет о земных поясах (II, 5, 8–21), их измерении (II, 6) и сходстве с поясами небесными (II, 7, 1–8; 8), антиподах, населяющих противоположную сторону земли (II, 5, 22–36), климате (II, 7, 9–21), морях и океане (II, 9). В целом, это изложение Макробия имеет много содержательных параллелей с материалом Витрувия (ок. 80–70 – п. 13 г. до н.э.), Гемина (I в. до н.э.), Гигина (I в.), Клеомеда (вторая половина I–II вв.), Теона Смирнского (первая половина II в.), Калкидия (V в. [?]), Марциана Капеллы (V в.), др. авторов, взятом из каких-то общих введений, кратких справочников, произведений энциклопедического характера, избегающих сложных уточнений, собственных александрийской науке (Stahl 1990: 16–20; Wright 1925: 18; 43–45; 47–48). По этой причине эти сходства не всегда свидетельствуют об источниках Макробия; скорее, они указывают на широкое распространение такого знания в эпоху его жизни.

Основные положения концепции Макробия о расположенной в центре вселенной земле (сферическая / шарообразная; состоящая из четырех больших континентов, разделенных экваториальным и меридиональным океаном) соответствуют представлениям Кратета из Малла (II в. до н.э.), реконструированным по текстам поздних авторов (e.g. ap. Strab. I, 2, 24 [C 31]; II, 5, 10 [C 117]).

Однако Макробиево изложение содержит в себе и целый ряд других сведений, имеющих у упомянутых выше авторов.

Так, он пишет об умеренном, холодном и жарком климате на земле, смене времён года в северном и южном полушариях, приводит размеры пяти климатических поясов; сообщает, что на другой стороне земли обитают антиподы, которые живут в таких же климатических условиях, как и люди в Европе; полагает, что жители известной четверти земного шара никогда не смогут установить контакт с теми, кто обитает в других четвертях земли из-за преграды океана и жаркого пояса; указывает, где Каспийское море соединяется с восточным океаном; уверяет читателей в том, что в Южном полушарии есть море, соответствующее Средиземному (хотя и отмечает, что его точное местоположение навсегда останется неизвестным).

У Макробия можно обнаружить не только (принадлежащие Эратосфену Никейскому [276–194 гг. до н.э.]) сведения о том, что диаметр Земли равен 252 000 стадиев (Thalamos1921: 158–159; Tozer 1897: 170–172; Diller 1934: 258–269; Gulbekian 1987: 359–363; Matthew 2023: 81.), но и так называемую *разъясняющую методику* измерения земных поясов (II, 6), «приспособленную» под это значение.

Суть ее в следующем. Поскольку окружность земли, обозначенная на плоскости точками А (восток), В (запад), С (север), D (юг) и равная 252 000 стадиев (II, 6, 3), состоит из 60 частей (II, 6, 2), то каждая из таких частей ($1 / 60$) равна 4200 стадиев (II, 6, 3). Следовательно, половина земли, простираемая через восток ($D - A - C$), состоящая из $30 / 60$ частей окружности земли, равна 126 000 стадиев. Соответственно, четверть земли ($A - C$) состоит из $15 / 60$ частей и равна 63 000 стадиев (Ib.). (Илл. — Willis [ed.] 1994: 165).

Поскольку отрезок, отмеченный точками А – N, обозначает половину жаркого пояса земли и составляет $4 / 60$ части земной окружности, что равно 16 800 стадиев, то весь жаркий пояс, соответственно, охватывает $8 / 60$ частей и равен 33 600 стадиев (II, 6, 4). Аналогично, ширина умеренного пояса земли, обозначенная точками N – I, составляет $5 / 60$ частей окружности Земли, что равно 21 000 стадиев; ширина холодного пояса земли, отмеченная точками I – С, составляет $6 / 60$ частей, что равно 25 200 стадиев (II, 6, 5). Следовательно, А, N, I, С – четверть земного круга: $16\,800 (4 / 60) + 21\,000 (5 / 60) + 25\,200 (6 / 60)$, что равно 63 000 ($15 / 60$) и равнозначно другой четверти земного круга, отмеченной точками А – D (то есть А, L, F, D).

Верхняя половина ($D - A - C$) (т.е. северное полушарие) охвата Земли равна 126 000 стадиев (30 / 60 частей), как и другая, нижняя, ее половина ($D - B - C$) (т.е. южное полушарие) (II, 6, 6), также равна 126 000 стадиев.

Если же представить землю не на плоскости, а в виде *выпуклой сферы*, то часть, обозначенная точками $D - A - C$, будет верхней (населяемая нами), а часть, обозначенная точками $D - B - C$, — нижней (II, 6 7) (с обитающими там антиподами (II, 5, 22-36). Макробий проводит параллели между небом и землей, утверждая, что небесные пояса по климату схожи с земными (II, 7, 2-3) (Илл. — Willis [ed.] 1994: 166).

Так, сфера неба, обозначенная точками A, B, C, D , включает в себе сферу земли, отмеченную точками S, X, T, V . По сфере неба проходит северный круг $I - O$; летний тропический круг $G - P$, равноденственный [круг] $B - A$, зимний тропический круг $F - Q$, южный круг $E - R$. Зодиак простирается от точки F в точку P . На сфере земли проходят такие же границы поясов в точки N, M, L, K (II, 7, 3-4).

Каждая часть земли «заимствует» соответствующее климатическое качество — *умеренность, тепло* или *холод* — от части неба, расположенной над ней. А именно: часть нижней сферы неба, обозначенная точками $D - R$ (южный полярный круг неба), находится над соответствующей частью сферы земли, отмеченной точками $S - K$ (южным полярным кругом земли), тем самым охватывая ее холодом.

Часть небесной сферы $R - Q$ (южный умеренный пояс неба) «пропитывает» теплом и холодом умеренный пояс земли, отмеченный точками $K - L$; часть небесной сферы $Q - P$ (экваториальная зона неба), жаркая, соответствует такой же жаркой земной $L - M$.

Верхняя часть небесной сферы, обозначенная точками $P - O$ (северный умеренный пояс неба) соответствует такой же умеренной части земли, отмеченной точками $M - N$. Также и верхняя часть небесной сферы $O - C$ (северный и холодный полярный круг неба) соответствует такой же морозной земной части $N - T$ (II, 7, 4-5).

Таким образом, небесные области $D - R$ и $C - O$ — вечно холодные, как и земные, отмеченные точками $S - K$ и $T - N$; небесное пространство $Q - P$ — жаркое и знойное, как и земное, отмеченное точками $L - M$, а небесные зоны, обозначенные точ-

ками О – Р и Q – R — умеренные, как и соответствующие земные: N – M и L – K. Круг же равноденствия, проходящий от точки А до точки В, рассекает средний жаркий пояс (II, 7, 6-8) и неба, и земли.

ПЕЧАТЬ ДЬЯКА В.Я. ЩЕЛКАЛОВА 1597 ГОДА

О ВОЗМОЖНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Е.В. Пчелов

к.и.н., зав. кафедрой ВИДиА

Историко-архивного ин-та РГГУ, Москва

В 2024 г. А.В. Лаврентьев и И. Шварц ввели в научный оборот два документа, относящихся к посольству императора Рудольфа II в Москву в 1597 г., которое возглавлял бургграф Авраам фон Донау. Оба они представляют собой письма печатника и посольского дьяка Василия Яковлевича Щелкалова имперскому послу, причём второе из них датировано 19 августа 1597 г. Документ этот скреплён личной прикладной печатью В.Я. Щелкалова, к изображению на которой и обратимся (*Лаврентьев А.В., Шварц И.* Печатник и дипломат: московская переписка посольского дьяка В.Я. Щелкалова с имперским послом Авраамом фон Донау // *Вспомогательные исторические дисциплины*. М., 2024. Т. XLIII. Вып. 3. С. 23–60).

В центре этой печати изображена композиция из двух птиц, которых исследователи определили как лебедя или гуся внизу и хищника с изогнутым клювом, орла — над ним. При этом «изображено, очевидным образом, не нападение второй птицы на первую. Фигуры образуют круговую композицию, и головы птиц направлены в разные стороны, причём “лебедь-гусь” что-то держит в клюве». Это изображение они сочли иллюстрацией к притче из «Пчелы», озаглавленной «О многомолвении». Притча призывает читателей не быть безрассуднее гусей, которые, прилетая в те места, где живут орлы, берут в клювы камни, дабы не обнаружить себя криком. На печати, по мысли исследо-

вателей, птицы как раз не замечают друг друга (поскольку не объединены борьбой, а их фигуры направлены в разные стороны), а гусь в своём клюве держит камень. «Если догадка об источнике изображения на печати ... верна, то её выбор В.Я. Щелкаловым ярчайшим образом характеризует главу русской дипломатической службы как высокого профессионала своего дела и, возможно, книжника» (*Лаврентьев А.В., Шварц И.* Печатник и дипломат. С. 42–46). Иными словами, изображение на печати было своего рода личной эмблемой (изобразительным девизом) Щелкалова, символизовавшей осторожность дипломатической службы, не приемлющей многословия.

Предположение А.В. Лаврентьева и И. Шварц, бесспорно, очень интересно и заслуживает всяческого внимания. Однако позволю себе высказать некоторые, несколько иные соображения на этот счёт. Рассматривая фотографию оттиска печати Щелкалова, любезно присланную И. Шварц, нельзя не заметить, что поднявший крылья орёл фактически стоит на спине гуся. При этом гусь (или лебедь) развернул голову вверх и смотрит в направлении орла. По сути, головы птиц обращены друг к другу, хотя их тела и повернуты в противоположные стороны. Эти особенности показывают, что перед нами может быть изображено всё-таки некое противостояние. Из-за естественной неидеальной сохранности оттиска мне не удалось разглядеть в клюве гуся камень, хотя визуальное изучение самой печати, возможно, как раз и подтверждает наблюдение исследователей. В целом кажется возможным всё же усмотреть в этой композиции некие элементы борьбы.

Такое положение заставляет обратиться к западноевропейской эмблематике того времени, сведения о которой, бесспорно, проникали в Московское царство. К числу популярных эмблем в изобразительном искусстве XV–XVI вв. относился сюжет битвы сокола и цапли, восходящий к представлениям средневековых бестиариев (подробнее об этом см.: *Нестеров А.В.* «Век мой, зверь мой...», или о символическом мышлении и «анималистических кодах» в связи с портретами XVI–XVII вв. // *Зверь как знак. Интерпретация культурных кодов.* Саратов, 2011. С. 33–71). Цапля символизировала стремление к праведности, олицетворяя «избранные души, которые... воспаряют над земным и суетным, помышляя лишь о безмятежности дома небесного, где вечно созерцаем лик Божий». Битва цапли с соколом

означала столкновение добродетели с пороком, праведности с греховностью, представленной образом хищной птицы, и могла подчёркивать борьбу двух этих начал в душе человека. При этом сокол в этой композиции находился сверху, а цапля — снизу. А.В. Нестеров привёл несколько хрестоматийных примеров этого мотива в творчестве нескольких видных художников, в том числе на картинах «Поклонение волхвов» Доменико Венециано (ок. 1435 г., Берлинская картинная галерея), «Портрет Анны Куспиниан» Лукаса Кранаха старшего (ок. 1502 г., Музей Оскара Рейнхарта, Винтертур, Швейцария) и «Молодой рыцарь на фоне пейзажа» Витторе Карпаччо (1510 г., Музей Тиссен-Борнемиса, Мадрид). Встречается он и в сборниках эмблем, в том числе у И. Камерария с девизом «Исход спорен». Подобно цапле лебедь также мог символизировать добродетель (*Импеллузо* Л. Природа и её символы. Растения, цветы, животные. М., 2009. С. 304), а его противостояние с хищной птицей — рождать те же ассоциации. Конечно, на печати Щелкалова изображена вовсе не цапля, а другая птица, но, думается, композиционное сходство заставляет учитывать вышеописанный сюжет. Как бы то ни было, он мог иметь и западноевропейское происхождение, поскольку рецепция эмблематической традиции происходила и с помощью произведений глиптики, активно использовавшихся при создании печатей допетровской Руси.

АРАПЧАТА ИГРАЮТ В СНЕЖКИ К СИМВОЛИКЕ ОБРАЗОВ «ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ»

Е.В. Пчелов
к.и.н., зав. кафедрой ВИДиА
Историко-архивного ин-та РГГУ Москва

Во второй главе первой части «Поэмы без героя» Анны Ахматовой, в предуведомлении, где описывается спальня Героини, есть такие слова: «За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь», а в следующем затем поэтическом тексте — «Всё равно подходит расплата — / Ви-

дишь там, за вьюгой крупчатой, / Мейерхольдовы арапчата / Затевают опять возню». Давно замечено, что арапчата «пришли» в поэму из постановки мольеровского «Дон Жуана», осуществлённой В.Э. Мейерхольдом в Александринском театре (премьера состоялась 9 ноября 1910 г.). «Они, — пишет А.С. Демидова, — как слуги просцениума — цанни, — открывали и закрывали занавес, приносили и убирали реквизит и иногда передвигали мебель» (Ахматова А.А. Поэма без героя. Демидова А.С. Ахматовские зеркала: Комментарий актрисы. М., 2010. С. 225).

Художником этого спектакля был А.Я. Головин; сохранились эскизы париков, грима и костюмов арапчат. В монтировке спектакля указано, что арапчат 6–8, и они «устанавливают и убирают аксессуары и мебель на сцене в антрактах» (Интернет-сайт «Театр Мейерхольда. Императорская сцена»). В собрании Александринского театра до нас дошла и общая фотография восьми «арапчат». Введение арапчат в постановку объяснялось общей ориентацией на стилизацию всего спектакля под эпоху Людовика XIV (конец XVII в.), воскрешённую в графике и живописи художниками «Мира искусства» и, в первую очередь, А.Н. Бенуа.

Арапчата становятся одним из важных композиционных элементов в парадных портретах европейской знати ещё с начала XVI в. Нарядно одетые, они сопровождают дам и господ, нередко в сочетании с другими экзотическими образами, например, попугаями. Арапчат можно видеть на портретах Лауры Дианты, ставшей женой феррарского герцога Альфонсо I д'Эсте, работы Тициана (первая половина 1520-х гг., коллекция Х. Кистерса, Кройцлинген, США), Марии Стюарт, дочери Карла I и жены Вильгельма II Оранского, кисти Адриана Ханнемана (ок. 1664 г., Маурицхёйс, Гаага), принца Иоганна-Морица Нассау-Зигенского работы Питера Насона (1666 г., Национальный музей в Варшаве), графа Эдварда Генри Личфилда и его жены Шарлотты Фицрой с детьми, написанном Якобом Хюйсмансом (1674 г., Национальная галерея штата Виктория, Мельбурн), фаворитки английского короля Карла II Луизы де Керуаль кисти Пьера Миньяра (1682 г., Национальная портретная галерея, Лондон), герцогини Елизаветы Шарлотты Орлеанской, созданном Франсуа де Труа (ок. 1680 г., Версальский музей), внебрачных дочерей Людовика XIV мадемуазель де Блуа и мадемуазель де Нант авторства Филиппа Виньона (ок. 1690 г., Версальский му-

зей), дона Хакобо Франсиско Эдуардо Фитц-Джеймс Стюарт-и-Колона де Португаль работы Луи Мишеля Ван Лоо (вторая четверть XVIII в., Дворец Лирия, Мадрид), будущей английской королевы Шарлотты кисти Иоганна Георга Цизениса (ок. 1761 г., Дворец Кью, Лондон), мадам Дюбарри авторства Жана-Батиста-Андре Готье-Даготи (Музей Г. Гюльбенкяна, Лиссабон) и других. В мужских портретах фигуры африканцев подчёркивали служебную деятельность портретируемого: так, упомянутый испанский гранд был адмиралом Индий, а голландский принц управлял владениями Вест-Индской компании в Бразилии; в женских же — оттеняли белизну дам, создавая контраст белого и чёрного цветов (хотя, разумеется, подчёркивали и их высокий социальный статус).

Та же традиция в начале XVIII в. пришла и в Россию (хотя арапы были уже при дворе царя Михаила Фёдоровича). Живописные примеры многочисленны — портреты Петра I (бар. Густав фон Мардефельд; Музей Виктории и Альберта в Лондоне), Екатерины I (Иван большой Адольский; Гос. Русский музей), конные портреты Елизаветы Петровны (Георг-Кристоф Гроот, 1743 г., Гос. Третьяковская галерея, и многочисленные копии и подражания), будущего Павла I (неизвестный художник, 1765 г., Гос. Русский музей). Также можно вспомнить и портреты аристократии того же типа; к примеру, П.А. Зубова работы И.-Б. Лампи (Гос. Эрмитаж), и целую серию картин К.П. Брюллова («Портрет сестёр Шишмарёвых», 1839 г., Гос. Русский музей; «Портрет детей Волконских», 1843 г., там же; «Портрет графини Ю.П. Самойловой с Джованиной Пачини», 1834 г., Музей Хиллвуд, США). Разумеется, классическим образом российского арапа остаётся Абрам Петров (Ганнибал), а наиболее известным упоминанием в литературе — рассказ Хлэстовой в «Горе от ума». При императорском дворе существовали и специальные должности придворных арапов (*Тарасова Н.И.* Арапский зал Зимнего дворца: из жизни придворных арапов. СПб., 2009).

Не могли не появиться образы арапчат и в искусстве мастеров Серебряного века — в композициях-стилизациях на темы истории XVII–XVIII столетий. Это и эпоха Людовика XIV («Прогулка короля» А.Н. Бенуа, 1906 г., где арапчонок держит шлейф мадам Ментенон), и галантный XVIII век («Отдых на прогулке» К.А. Сомова, 1896 г.; «Купальня маркизы» А.Н. Бенуа, 1906 г. — два варианта), и особенно сцены из эпохи Елизаветы

Петровны, очень почитавшейся художниками круга А.Н. Бенуа — «Елизавета Петровна в Царском Селе» Е.Е. Лансере (1905 г., арапчонок держит шлейф императрицы), «Прогулка Елизаветы Петровны по знатым улицам Петербурга» А.Н. Бенуа (1906 г.). Арапчата вводились в театральные постановки, среди которых был не только мейерхольдовский «Дон-Жуан», но и балет «Павильон Армиды» Н.Н. Черепнина (1907 г., либретто А.Н. Бенуа с отсылкой к эпохе Людовика XIV; его же эскизы костюмов), и опера «Золотой петушок» Н.А. Римского-Корсакова (эскизы костюмов И.Я. Билибина для постановки в московском Оперном театре С.И. Зимина, 1909 г.; В.А. Симова — в Народном доме императора Николая II в Петербурге, 1916 г.), и балет «Петрушка» И.Ф. Стравинского (либретто и эскизы костюмов А.Н. Бенуа, 1911 г.), где Арап вообще является одним из главных действующих лиц. Изображение арапа А.Н. Бенуа включил в свою «Азбуку в картинах» ещё в 1904 году. Этот контекст показывает не только популярность самих образов арапчат в русской культуре начала века, но и разнообразие источников для их упоминания в «Поэме без героя», в которой, в частности, неоднократно присутствуют отсылки и к «Петрушке» Стравинского.

Нас, тем не менее, занимает сопряжение арапчат со снежками. Что здесь могло повлиять на образность «Поэмы...»? Мы уже видели, что во многих случаях в изобразительном искусстве арапчата оттеняют белизну и «светлость» женских образов, «обеспечивая» традиционный контраст белого и чёрного, светлого и тёмного. Снег, конечно, также прекрасно укладывается в эту дихотомию. Собственно, одно из произведений Е.Е. Лансере прямо эксплуатирует эту тему. «Выезд Елизаветы Петровны» Е.Е. Лансере (1916 г., Киевская картинная галерея) показывает заднюю часть саней, в которых сидит бело-розовая и круглолицая императрица, а на запятках практически в том же ракурсе стоит арапчонок в красном кафтане и красной шапке, причём поворот головы и направление взгляда и у Елизаветы, и у арапчонка одинаковы. Действие разворачивается в зимнем, снежном пейзаже, что ещё больше усиливает контраст. Но арап в сопряжении со снежками встречается в русской поэзии и до Ахматовой. В поэме «Москва» В.С. Филимонова (1845 г.) есть такие строки: «Араб полунагой, враг северной природы, / В снежки играя, зяб...». Сложно сказать, была ли Ахматова знакома с творчеством этого

забытого поэта, но совпадение, как и сопряжение арапа со снежками, показательны.

И ещё один возможный прототип. Б.-К. Растрелли принадлежит знаменитая скульптура «Анна Иоанновна с арапчонком» (1741 г., Гос. Русский музей), где арапчонок в тюрбане подаёт императрице державу, и эта шарообразная регалия в его руках чем-то напоминает ком снега. Анна Андреевна вполне могла видеть эту статую, поступившую в Русский музей в 1898 г. из Академии художеств, и возможно, что и этот образ стал одним из источников её вдохновения.

ВОЕННЫЕ СИМВОЛЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В АНГЛО-САКСОНСКОЙ НУМИЗМАТИКЕ VI–XI ВЕКОВ

ШЛЕМ, ЗНАМЯ, ОРУЖИЕ

Т.И. Садриев
аспирант РГГУ, Москва

Потестарная имагология всегда была неразрывно связана с многообразием функций королевской власти, символы которой присутствовали на различных носителях, в том числе на монетах. При этом англо-саксонская традиция почти полностью исключила военную символику на своей монетной чеканке, что свидетельствует о трансформации самовосприятия власти и изменении приоритетов в её деятельности.

Наиболее часто встречающейся военной регалией на англо-саксонских монетах является шлем. В римской нумизматической традиции этот атрибут появляется со второй половины III в. н.э. и предстает как символ императорской власти. По утверждению венгерского нумизмата М. Альфёльди, «шлемы, изначально парадный атрибут императоров, со временем стали использоваться как повседневные короны». Этот переходный образ был усвоен англо-саксонской традицией. Самое ранее зафиксированное изо-

бражение обнаружено на монетах типа *ean*, находившихся в составе клада Крондолл (ок. 640 г.), на которых представлен шлем персидско-константиновского типа. Еще один ранний пример зафиксирован на монетах типа *Pada* (ок. 670–680 гг.): на аверсе помещено изображение бюста правителя в шлеме с гребнем, при этом шлем покрыт круглым орнаментом, благодаря чему воспринимается не только как средство защиты, но и как предмет ювелирного искусства. Подобные шлемы, согласно утверждению знатока раннесредневековой англо-саксонской нумизматической имагологии Анны Геннон, «ценились не столько как практическая защита в бою, сколько как символы статуса для парадного использования».

В период правления Оффы Мерсийского (757–796 гг.) монетная чеканка с изображением шлема исчезает. К VIII в. данный атрибут перестает быть символом верховной власти, хотя при этом остается символом власти военного сословия. Постепенно король осознает себя не столько военным вождем, сколько гарантом мира.

В англо-саксонскую нумизматическую иконографию шлем в качестве символа королевской власти возвращается при Этельреде II (978–1013, 1014–1016 гг.). Достоверно известен тип изображаемого шлема — нормандский шлем, который пришел в Европу с Востока. Он активно применялся нормандскими рыцарями, но и до завоевания Англии нормандцами уже был известен англосаксам, свидетельством чему могут служить многочисленные изображения англосаксонских воинов на ковре из Байё.

Вторым наиболее примечательным военным символом является знамя. Оно было перенято англо-саксонской нумизматикой ещё на этапе своего зарождения из римской имперской традиции. Знамена массово изображались на самых ранних англо-саксонских монетах — скеаттах. Но, постепенно, их изображения стали деградировать и трансформировались до неузнаваемости. Дополнительное свидетельство происхождения изображаемых знамен из римской традиции мы находим в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного, где он упоминает, что во времена короля Эдвина (ум. 633 г.) использовалась туфа — реплика знамени римского происхождения. А. Геннон соотносит «трезубцеобразный» объект на римских монетах типа «Константин» именно с туфой, дополненной лентами и креста-

ми. Знамя, таким образом, совмещало в себе светскую римскую традицию с раннехристианской.

В англо-саксонской же традиции этот символ начал обретать все более христианский характер. Так, крест на полотнище воспринимался не столько как военный, сколько как христианский символ. В данном случае наблюдается процесс трансформации потестарного смысла, в рамках которого военный образ дополняется иным, в данном случае, сакральным значением.

После денежной реформы Оффы знамена на раннесредневековых английских монетах встречаются крайне редко. В основном их можно наблюдать на нортумбрийских монетах времен правления скандинавских королей Йорка Ситрика (921–927) и Олафа III «Кварана» (941–944). На них изображается знамя скандинавского типа — нанизанное на копье треугольное полотнище с крестом. Изначально скандинавы на подобных знаменах изображали ворона, и, по всей видимости, этот скандинавский военный символ также подвергся христианизации. Примечательно, что на время этот тип знамени вернулся при Кнуте Великом (1016–1035), который таким образом показывал в основном жителям Области датского права свое происхождение и преемственность королевской власти на данной территории.

Важно отметить, что скандинавская традиция оказала значительное влияние на формирование англо-саксонской нумизматической военной имагологии. В основном это влияние наблюдается в Нортумбрии. Так, при короле Регнальде I (ок. 919–921) на монетах королевства появляется молот, традиционно идентифицируемый как молот Тора. Другая версия, предложенная ирландским нумизматом Дэвидом Вудсом, предлагает интерпретацию данного изображения как ремесленного инструмента, символа городского процветания Йорка. В рамках этой версии другой символ — лук со стрелой, несет в себе идею сельского богатства королевства. Любопытно, что репрезентация городского процветания согласуется с символикой Уэссекской династии, где те же смыслы несли в себе изображения башни на монетах Эдуарда Старшего (899–942). Главный же военный символ — меч, массово появляющийся на монетах «Святого Петра» (921–927), отчеканенных в Нортумбрии и известных, прежде всего, тем, что, вместо имени короля на них наносили имя Святого Петра, также обретает иной смысл — на этот раз христианский. Так, Вудс интерпретирует меч как визуальную отсылку на стих 4 вто-

рой главы книги Исайи: «И перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать». Другая интерпретация предполагает, что изображаемое оружие является мечом Святого Петра, используемым им, чтобы остановить арест Иисуса Христа.

Таким образом, большинство военных символов на англо-саксонских монетах с течением времени переставали быть военными. Это происходило как на раннем, так и на позднем этапе развития англо-саксонской потестарной имагологии. Различные военные символы имели различное происхождение, и различные традиции оказывали на эту символику своё влияние. Но общим у них всех было одно — постепенный отход от репрезентации исключительно военной функции королевской власти.

ЭВОЛЮЦИЯ СОСТАВА ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ ЯРОСЛАВСКОГО УЕЗДА В 1550–1630 ГГ. В ИСТОРИКО- БИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

А.В. Сергеев

к.и.н., зав. каф. ЧОУ ДПО

*«Институт промышленной безопасности,
охраны труда и социального партнерства», Санкт-Петербург*

Выяснить поземельные связи и оценить изменения в личном составе землевладельцев Ярославского уезда между 1550–1630 гг. можно сопоставлением сведений Дворовой тетради, Боярских списков, писцовых книг (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 63, 123, 143–145; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004; Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Вотчинные земли. СПб., 1999; Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Поместные земли. СПб., 2000; «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сб. документов / Сост. Е.Н. Горбатов. М., 2015).

Река Волга разделила Ярославский уезд на Московскую (Нагорную, Приволжскую) и Заволжскую (Луговую) части («половины»). Первая включала Закоторожский стан, волости Едомскую, Игрицкую, Курбскую, Норскую, Пажецкую, Ширенскую, Черemoжскую. В другую часть входили станы Верховский, Городской, Служень, волости Вокшерская, Жарская, Касть, Путятинская, Ухорская, Шаховская, Юхотская (Писцовые книги Верхнего Заволжья. М., 2010. С. 322–335). Краткая история Ярославля в XI–XVII вв. изложена в книге И.А. Воротниковой, В.М. Неделина (*Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости центральной России. М, 2013. С. 543–544).

Полнее всего состав землевладельцев Ярославского уезда приведен в писцовых книгах 1626–1629 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 212, 543, 545, 546, 549, 550; ОР РНБ. Ф. 550. F.IV. 529). Всего здесь отмечены 1119 землевладельцев, а число владений — 2517 (1313 поместий и 1204 вотчины). Преобладание поместного землевладения над вотчинным в 1620-х годах составляло не более 5 %. Кроме того, один и тот же человек нередко владел несколькими поместьями и вотчинами. Полученная оценка объясняется награждением многих ярославцев вотчинами (обычно из их же поместий) за участие в «Московских осадных сидениях» при «царе Василии Ивановиче» и «в королевичев приход» 1617–1618 гг.

Сведения о прежних землевладельцах сохранились в описаниях «порозжих земель», а также некоторых имений.

Среди землевладельцев могут быть выделены «семейные гнезда» Архаровых, Бабарыкиных, Бакуниных, Близнецовых, Борковых, Борщовых, князей Барятинских, Берсеневых, Буланиных, Бутримовых, Васковых, Волковых, Малыгиных, Мотовиловых, Побединских, Пушкиных, Сабуровых-Долгово, Теприцких, Тихменевых, Токмачовых, Чириковых, князей Шейдяковых, Шетневых.

В Дворовой тетради начала 1550-х годов «по Ярославлю» записаны лица из 25 фамилий. Наличие у всех них поземельных связей с Ярославским уездом подтверждается указаниями (в том числе ретроспективными) писцовых книг 1620-х годов и данными писцовых (приправочных) книг 1567–1569 гг. по Черemoжской, Норской, Игрицкой, Едомской, Пажецкой волостям. В Московской части уезда располагались поместья Полуектовых, Пи-

вовых, князей Вяземских, вотчины Мотовиловых, Блеклых, Ярославовых, земли Гориных (Гариных), Кнутовых, Гавриловых, Власьевых, Лапшиных. В Заволжье находились поместья князей Телятевских, князей Дашковых, а также владения Марковых, Огилиных (Агалиных), Болгориных. В приправочных книгах 1567–1569 гг. указанные районы отсутствуют. Кроме того, в этих памятниках описаны преимущественно поместья, а сведения о вотчинах в значительной мере утрачены. Нет данных о ярославских землях Г.И. Нелединского, вероятно, его владения располагались в Заволжье или Закоторожском стане. В.В. Троецкий потерял ярославское поместье не позднее начала 1560-х годов и ретроспективных сведений о нем не сохранилось. Ярославский помещик князь И.С. Бабичев умер на службе в Поволжье, вероятно, в начале 1560-х.

Поземельные связи с Ярославским уездом имелись у всех записанных в Дворовой тетради «по Ярославлю» лиц. Следовательно, в этом документе ярославцы учитывались по месту расположения земельных владений, с которых они несли службу. Вероятно, данное утверждение верно и для отмеченных в указанном памятнике иных перечней служилых людей по городам.

Из 25 фамилий, записанных в Дворовой тетради «по Ярославлю», владения здесь в 1620-х годах удержали около половины (Бирдюкины-Зайцовы, Витовтовы, Кнутовы, Марковы, Мотовиловы, Обрезковы, Огаревы, Погожие, Полтевы, Сабуровы, Шетневы, Ярославовы). К ним следует причислить князей Вяземских. К сожалению, перечень «Из Ярославля помещики» в Дворовой тетради сохранился неполностью. Князья Вяземские в нем, скорее всего, присутствовали, но в утраченной части. В приправочных книгах 1567–1569 гг. описано поместье князя В. В. Вяземского в Черemoжской волости (Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Поместные земли. СПб., 2000. С. 204). Пивовы владели черemoжскими поместьями до последних десятилетий XVI в. Вероятно, ярославская линия этой фамилии угасла в 1590-х годах.

Причинами утрат поземельных связей с Ярославским уездом могли быть перемещения землевладельцев в период опричнины (Огалины) и угасание мужских линий фамилий (Пивовы, Блеклые).

Служебный статус включенных в Дворовую тетрадь ярославцев можно приблизительно указать, основываясь на позд-

нейших данных. В Государевом дворе служили в стольниках, московских дворянах, городском «выборе» князья Телятевские, Дашковы, Вяземские, Бабиचेва, а также Пивовы, Бирдюкины-Зайцовы, Витовтовы, Марковы, Обрезковы, Погожие, Полтевы, Сабуровы, Шетневы. В «Служилом городе» состояли Мотовиловы, Ярославовы, Кнутовы, Огаревы и, вероятно, остальные фамилии (Станиславский А.Л. Труды. С. 222–223; Козляков В.Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. С. 242–292). Таким образом, в Дворовой тетради начала 1550-х «по Ярославлю» записаны лица, связанные с Государевым двором, и небольшая часть «Служилого города» из Московской и Заволжской частей. Общее число землевладельцев в уезде превышало указанный перечень, но их в Дворовой тетради не учли. Одним из критериев отбора для записи в Дворовую тетрадь, по видимому, были связи с семьями ярославцев, занимавших видное положение в столице.

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПУТЕЙ МИГРАЦИИ ВЫХОДЦЕВ С ЗАПАДА В РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ XVII ВЕКА

Ю. В. Степанова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН, Москва

В последние десятилетия в отечественной исторической науке появились исследования географических перемещений людей в прошлом с применением геоинформационных технологий. Таким работ пока немного (исследования В.Н. Владимиров, Я.А. Ивакина, С.Н. Потапычева, Е.С. Гришина, А.В. Захарова, А.А. Фролова), однако преимущества цифрового картографирования очевидны: оно позволяет в перспективе анализировать визуализированные пространственные данные. Частью работы по картографированию миграций является создание баз данных персон и населенных пунктов, расположенных на пути их пере-

мещений (локализация которых представляет самостоятельную проблему). Подходы к отображению треков перемещений могут быть разными. В некоторых случаях выстраиваются маршруты продвижения с гипотетической реконструкцией трассы дорог, но чаще речь идет об общей визуализации путей миграции между конкретными точками на карте в виде графа. Последний вариант подходит для отображения данных переписных книг о массовых миграциях в Россию с запада.

Перемещение населения в Россию с запада в XVII в. имело массовый характер. Детально исследовано движение населения с северо-запада — «из-за шведского рубежа», — начавшееся в период Смуты и продолжавшееся до конца XVII в. (исследования Ю.В. Готье, А.С. Жербина, И.А. Черняковой, В. Салохеймо, А.А. Селина, А.И. Савиновой и др.). Изучались массовые переходы шляхты и казачества в русское подданство, где они становились источником пополнения служилого сословия (работы Ю.В. Готье, Е.М. Апанович, Л.С. Абецедарского, Б.Н. Флори, Т.А. Опариной, Н.Н. Петрухинцева, П.С. Прудовского и др.). Переселения из-за шведского и литовского рубежей стали результатом войн и изменений государственной границы на протяжении первой половины — середины XVII века.

Государство обращало особое внимание на перебежчиков. Не только проводились переписи, но и организовывалось их расселение на пустующих дворцовых землях. В результате был сформирован обширный комплекс документов, включающий подворные и специальные селидебные, отписные, даточные книги от 1650-х до 1690-х гг. Эти материалы наиболее полно характеризуют количественный состав, пути и хронологию массовой миграции «из-за литовского рубежа» и потенциально наиболее адекватно отражают масштабы миграции, по крайней мере, на материале дворцовых земель, в сравнении с другими типами источников. В настоящем исследовании источниками являются подворные переписи крестьян — выходцев из-за шведского рубежа в Новгородском и Бежецком уездах 1649–1651 гг. (РГАДА. Ф. Ф. 196. Оп. 1. Д. 901; РНБ. Отдел рукописей. Д. Q.IV.366) и из Речи Посполитой в Вяземском и Бельском уездах 1674–1678 гг. (РГАДА). Структура переписей сходна, так как во всех случаях присутствуют указания на место и время выхода, местонахождение в период между выходом и поселением в уезде описания, с той или иной степенью детализации.

Для обработки большого массива географических данных использовался программный пакет QGIS. В точечном слое с топонимическими сведениями были выделены исходные, промежуточные и конечные пункты. Линейный слой в ГИС показывает связи между тремя типами пунктов. В атрибутивную таблицу линейного слоя включены данные о персонах и времени их переходов, что потенциально может быть использовано в просопографических исследованиях. Толщина линий отражает число одинаковых путей перемещения. Таким образом, линии отражают направления миграции в виде графа. В общей сложности созданы записи о 800 «литовских» и 200 «шведских» выходах.

Места массового исхода перебежчиков из-за шведского рубежа в погосты-округа Водской, Деревской, Обонежской, Бежецкой пятин и волости Бежецкого Верха были населенные пункты практически всех погостов Ладожской Карелии. Наибольшая доля переселенцев приходится на Сердобольский, Суйстамский, Кирьяжский, Соломенский погосты. Около 20% составляют переходы из Ореховского, Копорского, Ямского, Ивангородского уездов, территории которых отошли Швеции по Столбовскому договору. Основная масса «литовских» выходцев перешла в вяземские и бельские волости из Белорусского Подвинья и Поднепровья — земель Витебска, Полоцка, Орши, Озерни и Усвята. Часть их, очевидно, составляли пленные периода русско-польской войны 1654–1667 годов.

Миграционный процесс в значительной доле случаев был длительным и мог охватывать до 20 лет. За это время переселенец успевал сменить несколько мест жительства. В случае с «карельскими» перебежчиками это были пункты Заонежья, новгородских пятин, Вологодского, Белозерского, Бежецкого, Угличского уездов, для «литовских» выходцев — подмосковные волости, западные уезды России — Торопецкий, Дорогобужский, Ржевский и др. Зафиксированы временные переходы в города — Москву, Великий Новгород, Псков, Олонец, Вологду, Переславль Залесский, Углич и др. Опыт картографирования путей миграции в ГИС показал целесообразность использования этой технологии для обработки большого массива персональных, географических, хронологических данных переписных книг. Возможна вариативность в представлении данных, в частности, в количестве слоев и атрибутов, что определяется в том числе детальностью сведений источников.

СОСТОЯНИЕ ПОХМЕЛЬЯ КАК «СБИВАЮЩИЙ ФАКТОР»

К ВОПРОСУ О ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЧЕРКОВ КНИЖНЫХ ПИСЦОВ XIV ВЕКА

Л.В.Столярова
д.и.н., г.н.с ИВИ РАН, Москва

Проведение почерковедческой экспертизы в современной криминалистической практике направлено на выявление особых состояний авторов скорописных текстов, связанных с возможными изменениями их почерка. Такие изменения появляются под влиянием так называемых «сбивающих факторов» (болезнь, опьянение, непривычный инструментарий, состояние возбуждения или подавленности пишущего и пр.). В современной славяно-русской палеографии вопрос о методах идентификации уставных почерков остается наиболее актуальным. Поэтому все более важной является разработка методов палеографического исследования, которые позволяли бы различать варианты одного индивидуального динамического стереотипа (почерка) на письме, не путая его с границами почерков нескольких писцов, пишущими схоже. Задача усложняется тем, что уставные и полууставные почерки изначально стандартизированы под определенную графическую норму. В связи с этим необходимо рассмотреть, какие вклинивающиеся в работу книгописца факторы (так называемые «сбивающие») могли влиять на качество (а значит — палеографические признаки) его индивидуального письма.

В сохранившихся древнерусских рукописных книгах XI–XIV вв. зафиксировано 286 записей писцов, относящихся к разновидностям надписей, содержащим данные об условиях работы (дневниковые, молитвенные, эмоциональные, дидактические, именные). К ним примыкают некоторые развернутые пробы пера (45), которые не ограничиваются отдельными начерками букв, а содержат сведения о качестве пера, чернил и твердости руки писца. Обычно такие сведения вводились глаголом «кушати», «покушати» (пробовать, распробовать) — «покушати писати новымъ черниломъ», «покушати пера, и чернила, и руцѣ» и др.

Всего мы располагаем 331 записью писцов XI–XIV вв. (включая развернутые пробы пера) со сведениями об их повседневной жизни. Из них подавляющее большинство (236) датируются XIV веком. Сведения, касающиеся питания алкоголя, наряду со сведениями о приеме пищи и горячительных напитков во время работы содержатся в 12 из них, еще в 14 записях писцов XIV в. упоминается состояние похмелья или «попирия» во время работы. Всего известно 26 записей, прямо говорящих об алкоголизации писцов.

Описывая в своих записях условия работы, писцы упоминали факторы, как правило, не благоприятствовавшие, а препятствовавшие процессу письма. Именно их и следует считать «сбивающими». Эти сведения эмоционально окрашены, выражают боль, досаду, опасения, беспокойство, тревогу, недоумение, сожаление или даже возмущение писцов какими-то конкретными происходящими с ними здесь и сейчас событиями. В ряде случаев такие записи сопровождаются междометием «ох», «ох, ох», «охо, охо». Они встречаются в заурядных по своему письму и оформлению кодексах и в основном репрезентативны для реконструкции деятельности писцов-одиночек и небольших скрипториев приходских церквей, предназначенных для переписывания книг внутреннего пользования. Сбивающие факторы следует условно разделить на естественные (непреодолимые по объективным причинам), вынужденные (вызванные субъективными причинами, воздействие которых можно было бы преодолеть волевым усилием) и намеренные (осознанно направленные на изменения признаков своего индивидуального динамического стереотипа).

Алкоголизация писцов была одним из основных сбивающих факторов в процессе письма. Прямые указания о состоянии алкогольного опьянения и его негативном влиянии на качество письма содержатся в 14 записях XIV в. Еще в 12-ти записях писцы сообщали о приеме алкогольных напитков до или во время работы, указав их номенклатуру («пиво», «вино», «мёд»). В 4-х записях писцы так или иначе выразили свое намерение выпить, находясь за работой. В процессе письма писцы нередко жаловались на «попирие» — состояние после пира, хмельного застолья, пьянки, которое сопровождается похмельным синдромом. Проявлениями похмелья являются головная боль и тремор конечностей, а также апатия, разбитость, снижение настроения и рабо-

тоспособности, чувство вины и потребность в унижении. Все эти состояния и свойства отразились в записях писцов, сообщавших об ошибках, которые допускались «въ ... грубости и пьянствѣ», в условиях, когда у писца «голова ...болит», он «не мочи псати», его одолевает сонливость «глази спат(ь) хотять» и пр.

Представляет интерес дидактическая запись «Мед пей, а пива не пей, а пива не пей, тако глаголят святии отци (РГАДА. Ф. 381. № 52. Л. 33), сделанная безымянным писцом Паремейника 1348 года. Индивидуальной особенностью этого писца была амбидекстрия. Упомянутая запись, а также еще одна дневниковая запись и несколько проб пера в той же рукописи сделаны им справа налево буквами в зеркальном отражении. Зеркальное положение букв характерно именно для пишущих левой рукой. Высокое качество письма показывает, что этот писец одинаково хорошо владел как правой рукой (когда писал слева направо), так и левой рукой (когда писал справа налево). Такое возможно только при амбидекстрии или — реже — в письменной практике переученных, но хорошо тренированных в письме правой рукой, левшей. Палеографический анализ текстов одного и того же писца, написанных одновременно левой и правой рукой, дает важные результаты в изучении индивидуального динамического стереотипа пишущего. Выявление эпизодов воздействия «сбивающих факторов» на руку писца важно дополнять изучением собственно графических проявлений этого воздействия на письме.

ВООБРАЖАЕМАЯ АВСТРАЛИЯ ДЖОЗЕФА ХОЛЛА

О.И. Тогоева
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН, Москва

Джозеф Холл (1574–1656), англиканский священник, близкий по своим взглядам к кальвинистам, окончил Кембридж и был широко известен у себя на родине как автор сатирических

и морализаторских произведений. В 1605 г. он анонимно выпустил во Франкфурте трактат «Мир иной и тот же самый» (*Mundus alter et idem*), являвшийся по форме традиционным травелогом. Перевод этого латинского сочинения на английский выполнил Джон Хили, опубликовавший его в 1609 году. Именно это издание, насколько можно судить, получило широкую известность в Англии.

В сочинении Холла речь шла о путешествии, предпринятом молодым человеком по имени Перегрин по «Южной земле» (*Terra Australis*), где имелись самые разнообразные государства: Страна обжор, Страна пьяниц, Страна дураков, Страна скряг, а также некое Женское государство. Издание (как латинский оригинал, так и английский перевод) сопровождалось подробнейшими картами, по которым читатели могли следить за перемещениями главного героя.

В специальной литературе господствует мнение, что в своем сочинении Джозеф Холл подверг критике все существующие общественные порядки и прежде всего повседневные привычки жителей Западной и Восточной Европы. В его тексте действительно можно встретить отдельные нелицеприятные оценки нравов и англичан, и французов, и немцев, и даже жителей Московского государства (во главе с Иваном Грозным). Тем не менее, несмотря на то, что «Мир иной и тот же самый» пользовался огромной популярностью у английских читателей XVII века и даже позднее, в историографии до самого последнего времени ему не уделялось особого внимания, хотя это сочинение интересно не только и не столько критикой европейской повседневности.

Прежде всего обращают на себя внимание познания автора в географии и в более ранних травелогах, рассказывавших как о реальных, так и о выдуманных путешествиях. Ведь Джозеф Холл называл описываемые им земли континентом, хотя Австралия на момент создания и публикации его сочинения еще не была открыта. Не меньший интерес вызывают и карты, которыми автор снабдил свой труд, и их связь с предшествующей картографической традицией. Любопытно и то, связывал ли он каждую из выдуманных им стран (ее местоположение, природные и территориальные особенности) с какими-то конкретными государствами Европы, Азии, Африки или Америки и, если это так, каким образом это отразилось на их характеристиках (как

с точки зрения географии, так и с точки зрения современной автору политической ситуации). Именно эти вопросы и будут находиться в центре моего внимания.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ В АНГЛИЙСКОЙ РУКОПИСИ 1640 ГОДА И ЗАГАДКИ УЧАСТИЯ «НЕКОЕГО МОСКВИТЯНИНА»

С. Франклин

д-р философии, проф., Кембриджский ун-т, Великобритания

В архиве Колледжа Клэр в Кембриджском университете недавно обнаружилась довольно представительная рукописная книга (Clare College MS CCPP/FERR/1). В ней три титульных листа. Все они объявляют о том, что содержание состоит из переводов книг Евангелия на разные языки: (i) *The Gospel... in Eight Languages: Hebrew, Greek, Latin, French, Spanish, High Dutch [так], English and Welsh*; (ii) *Novum Testamentum... Viginti quattuor linguis expressum*, где в списке 24 языков на восьмом месте фигурирует язык «московский» (*muscovitice*) и на последнем месте — язык «славянский» (*slavonice*). В самом деле, ни первый ни второй титульный лист не соответствует содержанию данной рукописи. Они относятся к другим, ныне потерянным проектам автора, 20-летнего Николаса Феррара Младшего, который жил в религиозной общине, основанной его дядей Николасом Ферраром Старшим в деревне Литтл Гиддинг (*Little Gidding*), недалеко от города Хантингдона в восточной Англии. Николас Младший стал известным своей способностью к языкам. Первые два титульных листа в нашей рукописи относятся к подносным библейским полиглоттам, которые он подарил королю Карлу I. Но, как будто предотвращая подозрения в том, что он в самом деле всеми этими языками не владел, он также подготовил свою «доказательную книгу» (*Proufe Booke*). Именно этой «доказательной книгой» и является новонайденная рукопись.

На третьем титульном листе написано, что книга состоит из переводов отрывков из Евангелия от Иоанна «на стольких языках, столько в нем глав». В Евангелии от Иоанна 21 глава, а на титульном листе список из 22 языков. Первоначальный перечень включал 21 язык, а в конце добавлен еще один, нумерованный: как раз *Moscovitica*. Что за язык «московский»? Каким образом Николас Феррар Младший о нем узнал? На каком уровне он им владел? Почему в его «доказательной книге» этот язык появился в качестве внеплановой добавки?

Каждый лист рукописи посвящается одному языку, на котором Николас переписывает два-три стиха из очередной главы Евангелия от Иоанна, а также обычно дает подстрочный перевод на латинский и, когда у языка оригинала особая азбука, транслитерацию по буквам, чтобы показать, что знает, как они произносятся. На листе с языком «московским» — 27 строк: 9 строк с текстом, достаточно четко и аккуратно (хотя не безупречно) написанном кириллическими буквами; и, под и над «московским» текстом, латинский перевод и фонетическая транскрипция. Текст Евангелия от Иоанна, гл. 21, ст. 15–16, язык — церковнославянский. Судя по тщательному воспроизведению надстрочных знаков, непосредственным источником служила Острожская Библия. В первой половине XVII в. экземпляры Острожской Библии бывали. Некоторые из них сохранились до сегодняшнего дня.

Данный лист пока является самым ранним известным рукописным текстом на церковнославянском языке, написанным в Англии. А его происхождение еще более неожиданное. Уже после того, как Николас Младший составил основную часть книги, он, видимо, настолько заинтересовался «языком московским», что нарушил композиционный замысел, чтобы его включить. В кратком латинском тексте он признается в том, что пока не полностью понимает данный язык и поэтому он пользовался опытом и знаниями «некоего москвитянина» (*usus sum peritia cuiusdem Moscovitae*).

В этой связи особый интерес представляет его подстрочная транскрипция. В ней ощущается живой учебный процесс. Обычно Николас Младший передает звук каждой буквы отдельно. Показательно поэтому, как он справляется с сокращениями. С одной стороны, он передает сокращение ГИ просто по буквам: *gi*. Он знает, каково должно быть значение: в латинском переводе

— *domine*. Но, видимо, он не знает полной формы слова. А с другой стороны, сокращенную форму ГЛА (встречается 6 раз) он последовательно раскрывает полностью, причем, видимо, отражая произношение своего учителя: *glahola*. Голос носителя языка также, наверное, улавливается в серии странных ошибок в транскрипции буквы -Ы-: сначала -ree- (ТЫ — *tree*), потом -ere- (ПАКЫ — *pakere*), и наконец просто -e- (ТЫ — *te*). Откуда появилась латинская буква -r-, которая, на первый взгляд совершенно ни при чем? Можно представить себе маленький диалог. Николас Младший спрашивает у «некоего москвитянина», что это за странный знак Ы. Тот говорит «еры». Юный лингвист так и записывает более или менее как слышит: -ree- или -ere-. Глупенький мальчик, говорит «москвитянин»: это просто название буквы; а произносится не так... И вот наконец получается -e-.

Кто такой этот «некий москвитянин», чей голос слышится через почти четыре столетия? Николас Младший уточняет, что это его «друг и сосед, священник прихода Вулли» (*parochi de Woolley, amici mei et vicini*). И действительно, по почти невозможному совпадению, в 1640 г. в приходе Вулли (совсем рядом с Литтл Гиддингом) служил единственный во всей Англии священник-«москвитянин». И это не какая-нибудь анонимная фигура. В Англии он называл себя Микифером Алфери. В русских дипломатических источниках он обычно – Никифор Олферьев сын Григорьев. В 1602 г. по приказу Бориса Годунова он вместе с тремя другими юношами был отправлен в Англию для учебы. В Англии он стал первым русским студентом Кембриджского университета, учился в Клер Колледже, одновременно с Николасом Ферраром Старшим, основателем общины в Литтл Гиддинге. И, несмотря на попытки московских дипломатов вернуть его на родину, он решил остаться. Принял англиканскую веру, стал деревенским священником, женился, обзавелся восьмью детьми...

Николас Феррар Младший умер в том же 1640 г., вскоре после того, как он подготовил свою «доказательную книгу». Ему только что исполнился 21 год. И только теперь, благодаря его благочестивому рвению к языкам, не только обнаружилась самая ранняя английская рукопись с церковнославянским текстом, но открылось маленькое окно на сцены из ежедневной жизни уникальной фигуры из истории англо-русских отношений XVII века.

ПОСЛАНИЕ ФИЛОФЕЯ «О ЗЛЫХ ДНЯХ И ЧАСАХ» И СТАТЬИ XV–XVI ВЕКОВ О ДОБРЫХ И ЗЛЫХ ДНЯХ И ЧАСАХ

С.И. Хазанова

к.и.н., вед. специалист РГАДА, Москва

В послании старца псковского Елеазарова монастыря Филофея «О злых днях и часах» осуждается вера в знаки Зодиака, злые часы, в рождение человека в злой или добрый час. «Сиа вся кошуны суть и басни», — писал Филофей (Послание Филофея «О злых днях и часах» // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 444). Такие представления, продолжает Филофей, пришли от халдеев, которые для наблюдения за звездами соорудили столп. Бог, видя суетность их помыслов, разрушил столп и отверг писания халдеев. Легенда о том, что столп был создан для познания тайн неба, читается у Козьмы Индикоплова, и могла быть заимствована Филофеем оттуда. На возможное знакомство старца Филофея с этим автором указал и исследователь творчества Филофея В.Н. Малинин. Последний писал, что свою теорию небесных светил, приведенную в одном из посланий Филофея, старец мог заимствовать из Козьмы Индикоплова (*Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С.308*).

Филофей в своем послании упомянул о злых или добрых часах, в которые рождается человек, но не дал подробного разъяснения этому представлению. Р.А. Симонов писал: «Вера в добрые и злые часы на Руси восходит к первой половине XV в.» (*Симонов Р.А. Часомерие в ряду отреченных знаний / Герменевтика древнерусской литературы. 2008. Вып. 13. С. 577*). В сборниках XV–XVI вв. помещались статьи с перечнем добрых, злых и средних дней и часов. Некоторые такие статьи опубликованы Н.С. Тихонравовым (*Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. II. С. 382–384, 385–387, 388–395*). В статье «Часы на семь дни» из сборника XV в. Кирилло-Белозерского монастыря, опубликованного Н.С. Тихонравовым,

перечислены дни недели и «качества» часов в них: «добрые», «злые», «средние». В этом сборнике нет объяснения, почему часы считаются добрыми или злыми. В опубликованной им же сербской рукописи, помимо перечисления добрых и злых часов и дней, дается объяснение, что день бывает добр или зол в зависимости от того, в каком знаке Зодиака находится Луна. Здесь же дано перечисление добрых, злых и средних знаков Зодиака. В «добрый» день можно приниматься за всякое дело, в «злой» воздерживаться от всего. В рукописи XVI в. из Троице-Сергиевой лавры, изданной Н.С. Тихонравовым, в статье «О днях лунных» день бывает благоприятным и неблагоприятным в зависимости от того, какое событие ветхозаветной истории произошло в него (*Тихонравов Н.С. Памятники. С. 388–395*). Р.А. Симонов доказал, что за кажущейся хаотичностью распределения часов на «добрые», «злые» и «средние», стоит строго обусловленный календарно-астрологическими зависимостями порядок (*Симонов Р.А. Часомерие. С. 582*). В опубликованных Н.С. Тихонравовым рукописях счастливые и несчастливые дни даны по лунному календарю.

В сборнике астрологического и естественнонаучного содержания из собрания ГИМ. Синод. № 951 статьи о знаках Зодиака совпадают с сербской рукописью Севастьянова, изданной Н.С. Тихонравовым «О оудобных зодиах и добрых же и злых и посреди их. Овенъ, Близнецъ, Девая, Рыба оудобни пачеж и добри. Ракъ, Левъ, Козырог зли. Юнецъ, Яремъ, Стрелець, Водолеи среди злых и добрых. Скорпиа злейше от средних» (*Герасимов И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания Древней Руси. М., 2015. С. 527*). Подобные представления восходят к космографическому трактату византийского богослова конца XI – начала XII в. Евстратия Никейского: «Περὶ εἰ καλὸν ζῳδίων ἐναντίων καὶ μεσέων. Κρίος, Δίδομαι, Παρθένος...» (*Гучкова С.Н. Космографический трактат Евстратия Никейского // Византийский временник. Т. 47. М., 1986. С. 155*). Статья о добрых, злых и средних знаках Зодиака читается также в двух других списках: Тр. № 765 и Тр. № 177 (Космологические произведения в книжности Древней Руси. М., 2008. Ч. 1. С. 279–280). Но в этих списках содержатся и отличия от сборника Син. № 951. Так, в Тр. № 177 после статьи о добрых, злых и средних знаках Зодиака дается перечень дней с указанием, под покровительством какого знака находится тот или иной день.

В Тр. № 765 сказано, для каких дел благоприятен или неблагоприятен день и час. Статья Тр. № 765 напоминает такую же статью из сборника Кирилло-Белозерского собр. № 11/1087. Но в последнем, в отличие от Тр. № 765, статье о добрых и злых днях предшествует пассаж о том, что «злые» дни установил для израильтян сам Бог и возвестил им об этом чрез архистратига Михаила: «Наставшаго месяца небеснаго знамения прояви Богъ архистратигом Михаилом людям израильтским оуказа им въ месяци .В. дни злых» (ОР РНБ. Кир-Белозерское собр. № 11/1087. Л. 383). В Тр. № 762 читается в одном месте тот же текст, что и в Тр. № 765 и Кир-Бел. № 11/1087. В другом месте Тр. № 762, где сказано, что перед всяким делом следует посмотреть, в каком знаке Зодиака, добром, злом или среднем, будет Луна, и тогда уже предпринимать или не предпринимать что-либо, текст напоминает Син. № 951 и сербскую рукопись Севастьянова. Но редакция Тр. № 762 несколько отличается от названных списков. В сборнике астрологических и календарно-астрономических статей конца XVI – начала XVII в. № 208 из собрания рукописных книг Синодальной библиотеки содержатся статьи о добрых и злых днях и часах, отличающиеся от аналогичных статей рассмотренных сборников. В нем приведены выдержки из «планитника», где часы названы именами планет и сказано, для каких дел они благоприятны или неблагоприятны. В этом сборнике указаны также добрые и злые дни для человека в зависимости от дня его рождения.

Обзор статей о «злых» и «добрых» днях и часах в сборниках XV–XVI вв. показывает, что такие статьи, хотя и совпадали во многом друг с другом, отличались разнообразным содержанием. Для дальнейшего изучения подобных статей требуется их выявление, а также поиск их возможных источников в греческой книжности.

«ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВО ИЗВОЛИТ БЫТЬ ДОВОЛЬНА...»

ДОСТАВКА ВИНОГРАДА ИЗ АСТРАХАНИ К ИМПЕРАТОРСКОМУ СТОЛУ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

К.С. Худин
РГТУ, ИВИ РАН, РГАДА, Москва

Первые попытки устроить дворцовые виноградники в южных землях России относятся к XVII веку. Выбор пал на Астрахань, где уже существовали сады. Местность отличалась жарким летом и осенью, глинисто-песчаным грунтом, который требовал обильного полива, но удачное расположение в устье Волги обеспечивало связь со столицами. Процедура упаковки и транспортировки винограда не сильно изменилась за 200 лет, согласно описаниям русского биолога Н.Н. Шаврова, сделанным в Астрахани в 1913 г. (*Шавров Н.[Н.] Организация экспорта свежего винограда из Средней Азии и Астрахани. СПб., 1913. С. 7).*

В наказе астраханскому воеводе И.А. Мусину-Пушкину от 24 мая 1700 г. подробно описывалась процедура доставки арбузов и винограда, повторяя еще указ от 21 октября 1682 г. Надлежало везти фрукты «в легких самых стругах, не испустя времени, чтобы те арбузы к Москве в привозе были вовремя» и ехать «наспех, безо всякого мотчания, а к винограду и к арбузам держать большое береженье», чтобы «поспеть к Москве до заморозов, чтоб тех арбузов и винограду не поморозить, и никакие б порухи над арбузы и над виноградом в дороге не учинилось» (ПСЗРИ. Т. 4. № 1792. С. 39). В тот момент со Стрелецкого бунта минуло лишь пять месяцев; фактической правительницей при Иоанне и Петре Алексеевичах была их сестра Софья.

Архивы местных учреждений зачастую остаются вне фокуса внимания исследователей и из-за сохранности документов, и в силу представления о том, что их источниковедческий потенциал невелик. Чаще всего интерес к ним проявляют краеведы, тогда как этот источник позволяет шире взглянуть на общеимперские процессы вообще, но не из столицы, а из разных регионов, составлявших территорию Российской империи.

Богатейший фонд Астраханской Садовой конторы (Ф. 521), отложившийся в Гос. архиве Астраханской области (ГААО), содержит среди прочего переписку между Астраханской губернской канцелярией и Кабинетом Её Величества, которая изобилует красочными деталями снабжения Двора разными фруктами. Чрезвычайно трудно воздержаться от пространныго цитирования документов, но приведем лишь наиболее важные фрагменты.

Ко двору Её величества виноград отправляли пересыпанным просом или песком: «отправленный виноград в две коробки и в кадке осыпанный просом <...> получены сего октября в 5 час в вечеру, и из оных виноград кои был в коробках весь испортился, а в просе весьма хорош привезен, которой Ее императорскому величеству поднесен. И Ее величество (Елизавета Петровна. — К. Х.) изволит быть довольна. <...> И оных кадок с виноградом в просе отправлять по две посылки на неделю, а в коробках ни на чем не отправлять» (ГААО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.). Кадками в XVIII в. называли большие бочки, в том числе, «винные кадки» (СлРЯ-18. Вып. 9. С. 190; *Брюс Я.В.* Книга лексикон. СПб., 1717. С. 22). Так, иеродиакон Чудова монастыря Дамаскин сообщает: «Мечут <виноград> в малые суды, из малых же предлагают в большие сиречь в кадки» (Там же; Афонская гора и Соловецкий монастырь... СПб., 1883. С. 82). Коробкой называли небольшой короб, ларец, шкатулку (СлРЯ-18. Вып. 10. С. 178).

В кадках гроздья крепили нитками «на подвясках ибо онои в просе на подвясках явился еще цел <...> а в песке весь пропал» (Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Неоднократный опыт посылки винограда в песке оказался скорее неудачным, хотя технология была схожей: «оной убрать в лагуны, таким же образом на подвесках, как засыпной просом толко чтоб песок был самой чистой и сухой» (Там же. Л. 46), «токмо не так класть, как прежде, но подвезав на нитки, как в просе подвязывается» (Там же. Л. 74). Лагун — это род бочонка, в котором, в частности, возили коренья (СлРЯ-18. Вып. 11. С. 104; Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. VIII. С. 206).

Впрочем, не все эксперименты с виноградом приходились ко двору: «а заливного патакою не присылать» (Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 74), говорилось в наказах, — «только заливной мустом виноград для положенной в него горчицы Ее императорскому величеству не угоден и для того сюды такого отправлять ненадобно» (Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об.). «Нововыжатой сок из ви-

нограда называется мустом; простой народ называет его сладким вином» сообщает лечебника шотландского врача (Цит. по: СлРЯ-18. Вып. 13. С 80; *Бьюкен У.* Полный и всеобщий домашний лечебник. М., 1790. Т. 1. С. 232). Именно такое вино предпочитала императрица Елизавета в Великий пост, наряду с вином позднего сбора («вина самого доброго ... совершенно спелого») и «чистой» виноградной водкой (без добавления специй и иных ингредиентов) (Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об.).

Чтобы виноград лучше доехал, его срезали недоспелым, дабы он дозрел в пути, что не всегда удавалось: «виноград хотя и превезен цел, толко еще неспел, для того, что рано срезан. И для того пока в посылку во всем поспеет срезывать и посылать до настоящего времени не надобно» (Там же. Л. 39-39 об.).

Виноград отправляли небольшими порциями, используя разные транспортные средства: «что же вы оногo винограду при других фруктах на пробу отправили одну кадочку в качалке, а другую — в тележке, для того которой лутче дойдет. Но понеже которой в тележке, тот лутче и дошел. К тому ж в тележке перед качалками лошадям способнее вести. И лошади не падают и оттого и виноград не портится. Да и убрат(ь)ся оногo в тележки перед качалками может болши. И для того впредь надлежит отправлять в тележках» (Там же).

Важным было доставить урожай до морозов. Уже в октябре Кабинет писал, что «фруктов заморских никаких не надобно присылать разве будут груши такие, что могут, до весны, или до мая месяца терпеть» (Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 90). Однако и после этого распоряжения, плоды случалось отправлять фрукты зимой, например, в феврале 1754 г., но это привело к тому, что «дули и яблоки, также и пробное вино в бутылках все перемерзло». Тогда было решено применить следующий метод: «впредь вино и фрукты зимою отправлять в бочках, а те бочки, поставив в другие бочки, и обшить верхние бочки кошмами [большими кусками войлока (СлРЯ-18. Вып. 10.С. 216)] и рогожами и укутать сеном и, обливши водою, заморозить и от того промерзнуть не может» (Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 90).

Сохранившаяся переписка между Кабинетом Ее величества и властями Астраханской губернии, помимо всего прочего, отражает вкусы и предпочтения Елизаветы Петровны и делает этот источник важным также для изучения повседневности русского императорского двора.

АКТОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В НОВГОРОДСКИХ И ДВИНСКИХ ГРАМОТАХ XV–XVI ВЕКОВ

М.С. Черкасова
д.и.н., проф. Вологодского ГУ, Вологда

Недавнее переиздание «Грамот Великого Новгорода и Пскова» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова М., 2025. Т. 1: Тексты / Сост. И.Ю. Анкудинов / Отв. ред. В.Л. Янин) требует их комплексного анализа. Среди прочих в томе имеется раздел «Двинские акты». Его основными фондообразователями являются монастыри нижнего Подвинья — Михайло-Архангельский и Николо-Чухченемский, а также заметны светские поземельные акты.

Завещания в Новгородской земле XIV–XV вв. назывались *рукописаниями*, а в XVI в. — *духовными*. В отношении меновных использовался термин *менные*, при указании послухов — «люди добрые с обе половины». Их могло быть до шести человек (ГВНП. № 45). Ранняя формула послушества включала святые персонажи: «Послух Бог и отец мой духовной»; «Бог и Пресв. Богородица»; «Бог и Св. Никола» (в зависимости от храмоименования монастыря). Религиозный оттенок формуле послушества придавало упоминание о душе: «А на душе были люди добрые/ мужи добрые/люди добрые послухи...» В актах XV в. к свидетелям отнесены «рядцы-послухи/рядовичи с обе половины» (ГВНП. № 279, 287). В этом выражался двусторонний характер земельной сделки. И далее указан восходящий к эпохе Русской Правды оборот «А кто сей ряд порушит...». В духовных грамотах послухом мог быть игумен монастыря и «вся братия Св. Николы».

Термины «купчая» и «купная грамота» используются как синонимы. В актах XV в. правая грамота могла называться *отталганная* (1430-1450-е гг. — ГВНП. № 145), «*вытягальная* и *рядная* с шурьею своею». Заметной разновидностью актов в XVI в. становятся *отступные*. Они же нередко приравниваются к *купчим*, *посильным* и *отводным*. Причина же отказа от своего владения во всех отмечена одна: «не измогли ни дани давати, ни службы послужити государя царя и великого князя, ни хлеба посопного в государеву житницу сыпати и всяких розрубов

с волостными людьми платити» (Там же. № 75, 85, 87, 280). «Дельные» в Новгороде и на Двине аналогичны *деловым* в центральных уездах, ими оформлялся раздел имущества между наследниками (Там же. № 121). Данные, или вкладные в двинских актах XVI в. называются *положенными*, а само действие — «положил» в монастырь какой-то земельный участок (Сборник ГКЭ. СПб., 1922. Т. 1. № 332).

Известный в актах Северо-Восточной Руси оборот «куда коса, соха (вариант: плуг) и топор ходили» в грамотах Новгородской земли не фигурирует. Один раз встречается необычная фраза: «куда рука моя ходила». В двинских актах оборот этот варьируется: «куда ходила коса и секира, по старине» (в данной Важского Богословского монастыря конца 1470-х годов (ГВНП. № 234). В XVI в. его мы видим в усечённом виде: «куда коса и соха ходила»; «топор и соха» (Там же. № 134); «куда коса ходила и топор и плуг» (Там же. № 55). Акцент делается на трудовых усилиях владельца: «куда ходила моя, Ондреева, соха, коса и топор» (Там же. № 42). В актах добавляется оборот «что к той деревне истари *притягло* (в большинстве центральных уездов — «потягло»), прилегло и з жердьем и с кольем» (Там же. № 175).

При сделках на участки «с прикупными землями» приобретающей стороне передавались прежние на них акты либо указывалось их общее число (5-6-7). Составлялись специальные записи о предоставлении грамот взамен утерятных, причем делать это надо было для заинтересованной стороны «безденежно». В новгородских грамотах прежние акты обозначались как «*старые пути* на хартиях писаны за свинцовыми печатями» (ГВНП. № 284). Для двинских актов термин «пути» не характерен.

Акты XV в. писались на пергамене, скреплялись свинцовыми печатями, обычно (хотя и не всегда) не имели перечня послухов, дат и подписей на обороте. Заметнее всего оборот «в печати (или у печати) стоял такой-то и землю завел/отвел». Выражен семейный характер отчуждаемой собственности: «У печати стоял и землю завел Дементей в братьи своей место всех братенников». Стоять у печати и завести землю могли супруги: «В печати стояла Лукерья, и Петр землю завел». В XV в. некая Омелфа стоит у печати, продавая Ивану Грехнову землю на Коневе-острове (ГВНП. № 303). Так же и игумен мог «стоять у печати» вместо всей братии, всего «стада». В XVI в. акты пишутся на бумаге, в конце их дается перечень послухов, имя писца, даты, а на обо-

роте подписи контрагентов (хотя бы одного) и послухов. Таким образом, удостоверительная часть в них уже вполне оформлена.

Ранее всего такая часть замечена в закладной 1490/91 г. Тогда же становятся регулярными и указания на послухов и на обороте появляются их подписи. Срок кредита в закладных обычно короткий — «от Ильина дни до Дмитриева дни»; «от дня Стефана первомученика до Юрьева дни осеннего». Приводился срок, до которого даритель обязан нести государственные и волостные повинности: «старого розрубa в податех мне., Исайе, с тое полудеревни платити самому до Ильина дни». Иногда указан конкретный год очищения (оставления) проданной деревни и несения с нее тягла: «Тягло мне тянути с тое полудеревни до Ильина дни 7065 и очистити ее на Николин день вешней» (ГВНП. № 41, 47, 57, 150)

Для новгородских и двинских актов XV в. как диалектная черта характерно *цоканье* (пол-сороцка, уцасток, отцына; «у пецати стоял», рецка», «цолом бую», «оприць того», «цым владел», «оцищенье», «поповиць», «занял тысяцу»). Оно отражено и в окончании мужских отчеств: Дмитриевиц, Федоровиц, Михайловиц, Гавриловиц, Перфульевиц и др. Заметно также смешение согласных *ч* и *ц*: «с конча», «теличю, старечь, челование, сочкий, овчу, пятначень и т.п. В грамотах XVI в. эти фонетические особенности практически отсутствуют. Нет в них и влияния церковнославянизмов и книжных оборотов, что было замечено еще А.А. Шахматовым (*Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах*. СПб., 1903. Ч. 1–2).

ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОЖЕ ДЕ ГЭНЬЕРА

А.П. Черных
к.и.н., в.н.с. ИВИ РАН, Москва

Любому, кто занимается западноевропейской геральдикой, постоянно встречается имя де Гэньера, французского эрудита и коллекционера, создателя уникального собрания изобразитель-

ных копий геральдических памятников. Франсуа Рожэ де Гэньёр (*François Roger de Gaignières*) (30.12.1642–† 27.03.1715) был антикваром, страстно увлечённым собиранием предметов старины. Его отец был аноблирован по случаю брака с Жаклин де Бланшефор (*Jacqueline de Blanchefort*), происходившей из старинной знати Нивернэ. Сын получил образование в Париже. Он сотрудничал с Ле Лабурёром, Кл.-Фр. Менетрьё, с Ш. Дю Канжем, П. Озье, П. Клерамбо.

Когда коллекционеры второй половины XVII в. не могли приобрести вещь, они делали ее рисунок. Гэньёр в 1693–1713 гг. путешествовал в провинцию, копируя документы в различных хранилищах. Объекты выбирались им по собственному предпочтению

Рисунок делался в три этапа: подготовительный набросок углём или сангиной с обозначением цветов, затем рисунок пером без цвета, и наконец окончательный гуашью или акварелью. Классификация документа была тщательно продуманной: Гэньёр считал, что надо учитывать все могилы и эпитафии с гербами, гербы и девизы, которые обнаруживаются на витражах, перекрестиях арок, коврах, картинах и прочем. В методическом отношении коллекция систематизирована очень хорошо. Она имеет несколько основных тем: например, надгробия, печати, гербы. Целью Гэньёра было создание собрания, воссоздающего историю Франции в ее изобразительных памятниках.

Гэньёру помогали Бартелеми Реми (*Barthélemy Rémy*) — папеограф, который отвечал за текстовую копию и, имея хороший почерк, делал копии текстов; и потомственный рисовальщик-гравёр Луи Будан (*Louis Boudan*) (до 1641 — † после 1715). Точность рисунков почти не дебатруется, ибо сопоставить в большинстве случаев уже не с чем. Во всяком случае в отношении геральдики, печатей и надгробий она безукоризненна. В рисунке сохранялся общий вид надгробия, гербы и пропорции, на полях указывалось родовое имя погребённого. Присутствие геральдического компонента всегда отмечалось. Поэтому рисунки де Гэньёра в ряде случаев стали источниками. Даже наброски представляют собой настоящий исторический документ.

У Пьера Паллио было собрание рисунков по Бургундии, которое Гэньёр не смог приобрести, и они достались маркизу де Блэзи (*Antoine Joly marquis de Blaisy*) (1649–† 1725). Гэньёр отправил Л. Будана к новому владельцу скопировать их; работа

длилась год и позволила сохранить копию этой коллекции, которая вскоре после того сгорела. Ее критический анализ — уместное пожелание, однако нереализуемое, так как подлинника нет.

Наряду с многочисленными геральдизированными надгробиями копировались гербовники (например, Гербовник Гийома де Ревель 1440–1450 гг. с 808 гербами, геральдический трактат и гербовник 1542 г.), гобелены с гербами и изобразительными девизами, создавались виды аббатств, храмов и замков (например, четыре листа рисунков панно в Церкви Кордельеров Пуатье с гербами павших в битве при Пуатье в 1356 г.), гербовые портреты, делались зарисовки настенных росписей, миниатюры с гербами, рисунки жемельонов, витражей, гербовых печатей.

В 1703 г. де Гэньер представил Людовику XIV проект, имевший целью сохранение памятников славного прошлого французской монархии. Проект из-за смерти короля не был реализован. Тем не менее, де Гэньер, не имея прямых наследников, подарил своё собрание, не имевшее равных и сопоставимое разве что с собранием семейства д'Озье, королю. Описи, составленные в 1711 г., упоминают 2805 томов, содержащих 43 553 единиц хранения; около 7600 листов рисунков, в том числе 3500 видов средневековых погребений, которые не сохранились.

За его действиями ревниво следил генеалог короля Пьер Клерамбо (1651–† 1740). Клерамбо считал, что некоторым предметам из собрания не место в королевской библиотеке и перенес их в собственную коллекцию. После кончины де Гэньера Клерамбо руководил составлением описей. Часть коллекции была отправлена в Министерство иностранных дел, другая — в Королевскую библиотеку. Около 100 рукописей Клерамбо оставил у себя. Значительная часть собрания была продана на публичных торгах 21 июля 1717 г. и утрачена.

В 1740 г. коллекция Королевской библиотеки была разделена между Кабинетом эстампов и Отделом рукописей. В 1779–1784 гг. хранитель Ж.Б. Гийом де Жевиньи изыал большое количество рисунков из коллекции де Гэньера. Видимо, после этой кражи 728 рисунков надгробий и попали в Бодлеянскую библиотеку в Оксфорде. Все просьбы о реституции были Англией отклонены; в 1866 г. приняли решение по старинке скопировать их и для этой цели отправили в Оксфорд художника.

Ценность коллекции де Гэньера представляет ее геральдическая составляющая. По поручению де Гэньера и за его счет

в 1670–1715 гг. были сделаны 3500 невероятной точности рисунков. В настоящее время это собрание зарисовок издано целиком. Большая часть надгробий исчезла еще до того, как они стали объектом изучения; наброски из коллекции — зачастую единственные свидетельства существования памятника. В XIX в. ученые оценивали их низко, квалифицируя как «документы сомнительного интереса», «бесполезные». Тем не менее, ими широко пользовались и суть в том, что в наследии де Гэньера мы имеем дело с собранием гербов, в настоящее время большей частью уничтоженных.

Ныне рисунки де Гэньера находятся во Национальной библиотеке Франции и в Бодлеянской библиотеке в Окфорде. Помимо сайтов этих библиотек существуют проекты *Collecta* ([Электронный ресурс] URL: <https://www.collecta.fr>, дата обращения — 17.07.2026) и *Roger de Gaignières* ([Электронный ресурс] URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Roger_de_Gaignières, дата обращения — 17.07.2026), представляющие собой реконструкцию коллекции, рассеянной по разным местам хранения. В отличие от других антикваров, увлекавшихся выдуманной Античностью, Гэньера интересовало французское Средневековье. Его внимание к геральдическим памятникам, точность их воспроизведения и создание непревзойденного и уникального собрания, имеют неоценимое значение для изучения безвозвратно утраченных геральдических источников.

К ВОПРОСУ О ДИПЛОМАТИКЕ ЦАРСКИХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ ПРАВОСЛАВНЫМ ИНОЗЕМЦАМ (XVI – НАЧАЛО XVIII ВЕКА)

Н.П. Чеснокова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН, Москва

В отечественной историографии существует давняя традиция по изучению жалованных грамот, в том числе и тех, которые

были даны православным иноземцам. Хотя особенности дипломатики таких документов уже привлекали внимание исследователей, некоторые вопросы еще остаются без ответов. С одной стороны, «жалованные акты внешнеполитического характера», как их определяет С.М. Каштанов (*Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996*) можно сопоставить с большим числом жалованных грамот российским светским и духовным лицам (см., например: *Комочев Н.А. Жалованные грамоты русских царей светским лицам 1613–1696 гг.: опыт реконструкции корпуса источников / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2022*), с другой — грамоты, дарованные иностранцам, имели свою специфику. Они устанавливали правовые отношения между русскими государями и подданными других стран, хотя и действовали только на территории Московского царства. Данное обстоятельство определяло особенности не только формуляра, но и оформления актов. Такие грамоты писались на бумаге, хотя были исключения, чем отмечалась важность документа. Например, первые жалованные грамоты афонским монастырям (Ватопедскому, Хиландарскому и Лавре св. Афанасия), данные в 1646 г. от лица молодого царя Алексея Михайловича, были писаны на пергамене (в терминологии документа телятине). Этот факт подчеркивал особое отношение русских властей к афонским обителям, но вместе с тем и престиж самого государя. На пергамене была написана также жалованная грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софии Алексеевны синайскому монастырю св. Екатерины 1688 г., в которой государи признавали себя ктиторами греческой обители.

Свою специфику имели записи дьяков на такого рода документах, а также печати, скрепляющие акты. Особенным было и художественное исполнение жалованных грамот, многие из которых до сих пор хранятся в греческих, славянских и православных арабских монастырях. Текст царских грамот, как правило, обрамлялся декоративной рамкой («кайма»). Верхнюю часть документа украшали заставки с растительным орнаментом («фигурами»). Золотом наносили не только эти узоры, но и царский титул, а также цитаты из Священного Писания («богословие») (подробнее см.: *Калишевич З.Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке.*

М., 1961. С. 392–411). В середине верхней заставки помещалось изображение короны, со второй половины XVII в. — короны и герба. Сам орнамент состоял из стилизованных трав, цветов и плодов. Украшали царские грамоты, пожалованные зарубежным монастырям, мастера из художественной мастерской Посольского приказа. Для их работ было характерно типологическое единство оформительских приемов, благодаря чему визуальный ряд какого-нибудь из утраченных документов можно реконструировать путем сравнения с близкими по времени аналогичными актами. Несмотря на постепенное прекращение работы мастерской с XVIII в., сохранились выдающиеся образцы грамот петровского времени. Например, жалованные грамоты Петра I гетману Мазепе от 3 и 13 декабря 1703 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. I рубр. IV №№ 52 и 53. Изображения этих актов доступны на сайте архива) написаны на больших пергаменных листах с богатым цветным орнаментом и рисунками гербов.

Оформление жалованной грамоты И.С. Мазепе от 3 декабря 1703 года имеет значительное сходство с недавно опубликованной грамотой Петра Алексеича сербскому Раковицкому монастырю 1701 года (публикацию акта см.: *Zenarju Rajovic Ivana. Products of Russian Visual Culture in the Treasury of Rakovica monastery in Belgrade (17th–20th Centuries)* // *Museikon. A Journal of Religious Art and Culture*. 2022. N 6. P. 147–156; eadem. *Manastir Rakovića. Beograd, 2023. S. 39*). Однако грамота для монастыря Раковица исполнена более скромными художественными средствами. Ее автором мог быть один из живописцев, состоявших при Посольском приказе. Вообще для грамот начала 1700-х годов характерен сложный полихромный орнамент, пришедший на смену лаконичному декоративному стилю актов XVI – середины XVII в., в котором преобладали золото и серебро.

Сохранившиеся в архивных документах описания жалованных грамот православным иноземцам, а также появляющиеся публикации их оригиналов позволяют проследить эволюцию внешнего облика этих важных исторических источников.

О НАЧАЛЕ ПОЧИТАНИЯ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БОЛЬШОГО УГЛИЦКОГО КАК СВЯТОГО*

С.Ю. Шокарев

к.и.н, приглашенный лектор Университета Чикаго, США

Исследование вопроса о почитании князя Андрея Васильевича Углицкого (1446–1493) как святого в Русской Православной Церкви началось недавно. При том, что биография этого деятеля русской средневековой истории и культуры неоднократно становилась предметом изучения, исследователи (включая автора настоящего доклада) обходили этот вопрос молчанием или ограничивались пересказом статьи Е.Г. Сосновцевой о почитании князя как святого в старообрядческой общине Углича в XVIII в. (*Сосновцева Е.Г. О почитании князя Андрея Васильевича Большого в Угличе и создании его жития // Slověne. 2015 № 1. С. 493–506*). Вопрос о признании святости угличского князя Русской Православной Церковью был поднят в 2023 г. во время обсуждения проекта памятника князю Андрею Большому в Угличском Кремле. Согласно замыслу скульпторов Н. Захаровой и К. Александрова (их проект выиграл конкурс и был реализован), князь изображен с нимбом вокруг головы.

Правильность этого художественного решения обосновал иерей Антоний Зверков, клирик Спасо-Преображенского собора Углича и председатель комиссии по канонизации святых Переславской епархии в докладе «Особенности церковного почитания благоверного князя Андрея Угличского: канонизация и прославление» на научной конференции «Музей в культурном пространстве исторического города» (16 ноября 2023 г., Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей). Он указал, что имя князя включено в состав Собора Ростово-Ярославских святых в Минее, изданной в 1987 г. Его комментарий по этому поводу также опубликован на сайте Угличского благочиния (см.: [Электронный ресурс] URL:

* Автор приносит благодарность С.И. Добренькому, А.И. Раздорскому и А.В. Топычканову за помощь в сборе материалов, ценные консультации и советы.

<https://uglich.blagochin.ru/2023/10/03/o-cerkovnom-pochitanii-blagovernogo-knyazya-andreya-uglichskogo/>, дата обращения — 05.06.2026).

Собор Ростово-Ярославских был утвержден 10 марта 1964 г., по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I и Определением Священного Синода. К сожалению, состав Собора не был опубликован вместе с синодальным Определением в «Журнале Московской Патриархии». Позднее имя князя Андрея Угличского не вошло в поименные списки местных соборов святых, утвержденные на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви под председательством Патриарха Кирилла 16 мая 2023 г. Однако в этих списках нет и других угличских подвижников, почитание которых известно по крайней мере с XVI в. Таким образом, не следует считать, что при составлении и утверждении поименных списков произошла деканонизация благоверного князя Андрея Васильевича. Минейный список, по-прежнему, является основанием для его почитания в составе Собора Ростово-Ярославских святых.

Какая традиция стоит за этим почитанием? Вряд ли основанием для включения имени князя Андрея в Собор Ростово-Ярославских святых в 1964 г. стало старообрядческое житие XVIII в. Действительно, угличский князь упоминается как святой в рукописных святцах и месяцесловах, по крайней мере, начиная с XVII в. Например, святцы первой половины XVII в. из ОР РНБ содержат под 5 ноября следующую запись:

«В той же дня погребень бысть бл(а)говерный князь Андреи Ивановичь Углещкой. Преставись бл(а)говерный кн(я)зь Аньд-реи в тюрьме в н(е)делю. И положено быст(ь) ч(е)стное тело его у с(вя)тых м(у)ч(е)никъ Бориса и Глеба во преименитомъ граде Москве в лето 6942» (ОР О.1.51. Л. 86).

Аналогичная запись в сборнике из ОР РГБ:

«Ноября въ 3 ден(ь) успение кн(я)зя Андрея Иоановича Углещкаг(о) въ темнице заточен, и погребен на Москве в лето 6942 у Бориса и Глеба» (Ф. 173/І № 203. Л. 451).

При желании такие записи могут быть еще обнаружены (см., например: ОР РГБ. Ф.173.ІІ № 168. Л. 12 об.).

Несмотря на то, что святцы указывают неверные дату и год кончины князя (3 и 5 ноября 1434 г. вместо 6 ноября 1493 г.), а также путают его отчество, нет сомнений в том, что имеется в виду князь Андрей Васильевич Большой Углицкий, который

умер в темнице, заточенный туда своим родным братом Иваном III (*Шокарев С.Ю.* Князь Андрей Большой Углицкий: судьба и эпоха. Углич, 2022. С. 303–311).

Особый интерес в этих записях представляет указание на место погребения князя — церковь Бориса и Глеба. На самом деле князь Андрей Углицкий был погребен московской великокняжеской усыпальнице — в Архангельском соборе (ПСРЛ. Т. 12. С. 237). Угличское старообрядческое житие XVIII в. указывает местом погребения Спасо-Преображенский собор в Угличе, что неверно. Тенденция жития понятна — соединить святого с его удельным городом, но почему в святцах появляется церковь Бориса и Глеба?

Думаю, разгадка состоит в соединении борисоглебской семантики храма с судьбой князя Андрея, которого погубил родной брат. Подобные размышления появлялись у русских книжников еще в эпоху династической войны середине XV в., когда отец Ивана III и Андрея Углицкого, Василий II боролся за власть со своим дядей, Юрием Звенигородским, и двоюродными братьями, Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Например, в Никоновской летописи сказано, что Василий II стоял «на вечери у великих мученик Бориса и Глеба на Москве на рву», когда получил известие о смерти Шемяки, отравленного по его приказу (ПСРЛ. Т. 12. С. 109). Получается, что даже официальный летописец не удержался от намека на причастность великого князя к смерти родича.

Такой же характер, видимо, носит упоминание в святцах церкви Бориса и Глеба, указывающее на обстоятельства кончины князя Андрея Углицкого. Когда возникло это предание и почитание князя Андрея как святого пока не понятно — очевидно, что не позднее первой половины XVII в., а, возможно, и раньше, в эпоху Ивана Грозного. В эти времена имя князя Андрея Васильевича вспоминали. О нем писали и сам царь, обвинявший князя в «изменных обычаях», и князь А.М. Курбский, писавший об угличском правителе как жертве московского самодержавия (*Шокарев С.Ю.* Князь Андрей Большой Углицкий. С. 318–320).

СИМВОЛИКА ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА АПРАКОСНОГО ЕВАНГЕЛИЯ (КИЕВ, 1707)

Ю.Э. Шустова
к.и.н., доц. РГГУ; РГБ, Москва

В 1707 году в типографии Киево-Печерской лавры было издано уникальное в своем роде Евангелие. Впервые в этой типографии была предпринята попытка издания большеформатной книги на александрийской бумаге форматом 1° апракосного типа. Напечатана книга крупным шрифтом, в два цвета, объем — 318 листов, украшена заставками, инициалами, концовками, вязью, ксилографиями в тексте мастеров Федора Тарасевича (подписаны: «Θεод:», «ΘΑ», «Θ») и Никодима Зубрицкого («NZ») и двумя листовыми на меди (подписаны: тит. л. «Дан: Гал: изоб», Евангелист Иоанн «Даніель Галаховскій изобрази в Кіевѣ 1707 року»).

Со времен возникновения книгопечатания издавались Евангелия типа тетр (Четвероевангелия), где тексты располагались последовательно: от Матфея, Марка, Луки и Иоанна с приложением справочных таблиц для определения евангельских чтений во время богослужений. Апракосные Евангелия были распространены в рукописной традиции и известны в нескольких видах — полный апракос (чтения на весь год) и краткий (воскресные, суббонo-воскресные и пасхально-воскресные чтения), часто в них размещался в конце Месяцеслов. Однако в XV в. такой тип Евангелия практически выходит из употребления и заменяется Тетраевангелием. Первое печатное Евангелие типа тетр было издано в 1512 г. в столице Валахии Тырговиште. Тетраевангелие было первой книгой, напечатанной в Московском государстве, так называемое узкошрифтное Евангелие (М.: Анонимная типография, 1553/1554).

В типографии Киево-Печерской лавры в 1707 г. впервые было напечатано полное апракосное Евангелие с месяцесловом. В библио-графии описание этого издания присутствует в целом ряде катало-гов: И.П. Каратаева, М.М. Кубанской-Поповой, С.О. Половниковой и И.М. Сытого, А.П. Запаско и Я.Д. Исаевича, Л.А. Юриной, Т.С. Борисовой и С.Г. Зюзовой Исследованию

этого издания посвящены работы Ф. Титова, Ю. Ясиновского, Е. Остапчука (*Шустова Ю.Э.* Экземпляр апракосного Евангелия 1707 года из собрания научно-исследовательского отдела редких книг Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения – 2026: Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2026. Ч. 2. С. 299–303).

Евангелие включает: титульный лист, поэтическое посвящение Иисусу Христу (тит. л. об.), предисловие «Предословіе къ бл(а)гочестивому читателю» (л. [1]–[2]), гравюра с изображением евангелиста Иоанна, зачала на все дни недели подвижного церковного года «Ев(ан)г(е)лія радовый на весь годъ» (л. 1–216 об.) и почти все дни неподвижного богослужебного круга «Соборникъ дванадесать м(е)с(я)цемъ» (л. 217–310), чтения 11 утренних евангелий «Ев(ан)г(е)ліа воскр(е)сныи на утрии 11» (л. 311–315), евангелия в память усопшим (л. 315), общие евангельские указания разным святым (л. 315 об.).

История издания Евангелия изложена в предисловии, написанном архимандритом Киево-Печерской лавры Иоасафом Кроковским. В нем говорится о том, что это Евангелие не привычно читателю. Однако сам государь Петр I во время своего пребывания в Киево-Печерской лавре (15 августа 1706 г., на Успение Пресвятой Богородицы) «вожде ле ю видети... прежде, неже типом совершися». Последовательное расположение чтений во время богослужений понравилось царю, подготовленный для богослужения текст облегчал проведение службы, гарантировал недопущение ошибок не вполне сведущими священниками, а также служил сохранности самой книги («вредительнейшее паче есть коснение Четца, егда ищет преступки, превращение листов, гибание книги, семао и овамо»). Петру I показали рукописную книгу, которую «некий от всечестных Афонския святых Горы архимандритов, сицевую Евангелия книгу написанную, и древле изследованную в дар принес, любящему благочиние церковное, благородному его царского пресветлого величества, войск запорожских, обоих сторон Днепра гетману, славнаго чину святого апостола Андреа, и белого Орла кавалероки, Иоанну Мазепе». Афонский архимандрит, вручая рукописное Евангелие известил, что таким способом («состроением») читаются Евангелия в монастырях Афонских и в других обителях и городах. Ежи Остапчук предпринял попытку установить личность афонского архимандрита и время, когда он подарил Евангелие Ивану

Мазепе. Однако по имеющимся источникам точно установить эти сведения пока не представляется возможным. Он приходит к выводу, что рукопись была подарена между 1687 и 1706 гг. любым афонским архимандритом или игуменом, встречавшимся с гетманом (*Останчук Е.* «Та книга Новаго Завета от святыя горы Афонския в дар принесенная...»: о единственным старопечатном полном Евангелии-апракос (1707) // Афон и славянский мир. Сб. 3. Св. Гора Афон, 2016. С. 304–309). Об афонском Евангелии Мазепа сообщил митрополиту Киевскому Варлааму Ясинскому и по его благословению передал его Иоасафу Кроковскому «дабы та Книга Новаго Завета, от святыя Горы Афонския, в дар принесенная, в обители Свято-Печерской... со досмотрением напечатана была».

Титульный лист киевского Евангелия 1707 г., выполненный выдающимся мастером Даниелем Галяховским (1674–1709), представляет собой аллегорическую композицию, символизирующую Евангелия и указывающую на посвящение книги Ивану Мазепе. Гравюра выполнена в стиле барокко и состоит из двух уровней, разделенных облаками. Венчает гравюру цитата из Библии: «Σione, се Σп(а)ситель твой грядеть, имый мзду и дѣло предъ лицемъ своимъ. Исаи. 62» (Ис. 62: 12). В высшем, небесном уровне по облакам мчится колесница, в которой сидит Иисус Христос в лучах солнца, держащий в правой руке пальмовую ветвь (символ божественной славы) и хоругвь с крестом (символ Воскресения). Под колесами колесницы — дьявол со сломанной пальмовой ветвью, скелет человека с разломленной стрелой и человек с державой на голове — символы бренности земных устремлений к славе, победам и власти. Колесница запряжена четверкой символов евангелистов (орлом, ангелом, тельцом и львом) «Видехъ подобіе четырехъ животень. Подобіе лица их, лице ч(е)л(о)в(е)че, лице лвово, лице телче, лице орле. Езек. 1» (Иезек. 1: 10). От квадриги развивается лента с надписью «Возвышаи крѣпостію гласъ твои. Иса. 40» к шестиконечной сияющей звезде, в которой помещено изображение Иоанна Предтечи, (небесного покровителя Ивана Мазепы), держащего крест, перевитый надписью «Се грядеть въслѣдъ мене крѣплѣи мене» (Мр. 1: 7). В лучах звезды читаются слова из канона Крещения Господня: «Денница с(о)лнцу Всѣмъ вопіеть людемъ». Таким образом, верхняя часть гравюры символизирует путь Иисуса

Христа от Крещения до Воскресения, изложенный в четырех Евангелиях.

В центре нижнего, земного, уровня располагается заглавие книги в барочной арке с колоннами, которую венчают три женские фигуры, символизирующие Веру, Надежду и Любовь. В центре изображена мать с тремя детьми символизирующая божественную любовь «Любовь б(о)жіа излиася в с(е)рдца н(а)ша», слева — женщина с крестом, символизирующую крепость веры «Приведеніе ѡбрѣхом Вѣрою во бл(а)годать б(о)жію, в ней же стоимъ. Рим: 5», справа — женщина с якорем (символом надежды) «Хвалим же ся упованіємъ Славы Б(о)жіа. Рим: 5». По бокам от арки помещены изображения евангелистов Луки и Иоанна (слева) и Марка и Матфея (справа) с раскрытыми кодексами, в которых читаются цитаты из Евангелий, а также в пятом кодексе помещена цитата из Апокалипсиса. Евангелисты изображены с разницей в возрасте, Иоанн предстает юношей. Внизу гравюры в орнаментальной картуше помещено изображение Успенской церкви Киево-Печерской лавры, над которой — голубь, символ Святого Духа. Здесь раскрывается символика книги, показаны авторы евангельских текстов и цитатами подчеркивается особенность и значение каждого из четырех Евангелий, а также указывается книга Откровение Иоанна Богослова, что, как и изображение Иоанна Предтечи, должно было подчеркнуть посвящение книги Ивану Мазепе.

Даниель Галяховский создал один из красивейших титульных листов, создающих аллегорию Евангелий, в котором раскрывается и содержание четырех книг, и смысл Благой вести, которую раскрывают, каждый по-своему, евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн.

РУКОПИСИ «ШВЕДСКОЙ ХРОНИКИ» ОЛАУСА ПЕТРИ

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИКА

А.Д. Щеглов

д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН, Москва

«Шведская хроника» (*En Svensk Cröneka*) — одно из важнейших произведений Олауса Петри, шведского реформатора и историка, завершённое около середины XVI века. Автограф не сохранился. Хроника была опубликована только в 1818 г., а до этого распространялась в списках. Сохранилось более 120 рукописей; четыре из них — в Российской национальной библиотеке (РНБ). Немало списков имеется в Библиотеке Уппсальского университета (далее UUB). Исследователи относят списки «Шведской хроники» либо к двум редакциям — краткой и пространной (по Л. Шёдину и Г. Вестину), либо, по более дробной классификации — к пяти (по Э. Лундмарку). Существует список, в котором представлены обе редакции — рукопись D 407. Указанный список хранится в Стокгольме, в Королевской библиотеке (*Kungliga biblioteket*, далее KB). Он создан двумя писцами, первый из которых (рука А), записал хронику в ранней редакции, а второй (рука В) осуществил правку.

Проблемы, которые списки «Шведской хроники» ставят перед исследователями, имеют немалое значение — особенно в связи с отсутствием критического издания, аппарат которого охватывал бы все рукописи или хотя бы важнейшие. В данном докладе я, основываясь на своем опыте работы с рукописями «Шведской хроники», расскажу о том, в каких отношениях эти рукописи полезны историку.

Начнем с того, что для историка представляют интерес варианты посвящения. Историки порой подчеркивают: хронист желает читателям и слушателям спасения души — *saligheetennes kundtskap*. Однако стоит обратить внимание, что в ранней редакции Олаус Петри желал читателю знания истины (*sanheetennes kundtskap*). Затем *sanheetennes* было исправлено на *saligheetennes* — «спасения», «блаженства». Приветствие обрело четкий религиозный смысл, однако изначально речь шла об истине — по-

видимому, не только в религиозном, но и в более широком значении.

Часть изменений, характерных для поздней редакции, уточняет сведения, относящиеся к древней истории Швеции. Пример — замечание о том, что в древности короли «как правило, называли себя королями свеев, и лишь изредка — королями ётов». В кодексе KB D 407 фраза приобрела такой вид в результате правки, по-видимому, носившей уточняющий характер. Изначально было написано: конунги называли себя только (*aleenast*) королями свеев, и никогда (*icke*) не именовали себя королями ётов. При правке рукописи *aleenast* было исправлено на *aldramest* («по большей части»), *icke* — на *sellan* («изредка»). Первоначальный вариант присутствует в списках, относящихся к ранней редакции, например KB D 407a, D 407b, UUB W 251, N 140, N 141, РНБ Швед. F.IV.1.

Интересны варианты следующего отрывка: «...В книге законов Швеции говорится, что не следует верить в камни и рощи». В средневековой Скандинавии существовало несколько подобных законов. В данном случае имеется в виду статья Церковного раздела законов шведской области Упланд (около 1300 г.). В некоторых списках хроники добавлено: «И вероятно, некоторые хоронили там умерших» (*och är troendes att en part hava där haft deras begravning*) (см.: KB D 407a, D 407b; UUB N 140, E 9, E 15, N 725a, N 726). Любопытен вариант в списке UUB E 6 — «верить в бревна, камни и рощи» (*tro på stockar Eller stenar; och lundar*). Под «бревнами», очевидно, имелись в виду деревянные идолы.

Повествуя о рунической письменности, Олаус Петри замечает: «А когда распространилась латинская письменность, со временем была утрачена прежняя, а с ней и все, что при ее помощи было написано. Однако некоторое время эта письменность еще употреблялась наряду с латинским письмом: доказательством тому могут служить рунические календари... а также множество рунических камней, возведенных после того, как сюда пришло христианство». Концовка фразы отсутствует в древнейших версиях хроники (KB D 407b, D 409, D 23; UUB W 251, N 141, N 142; РНБ Швед. F.IV.1 и др.). Сведения о рунических камнях, возведенных в христианскую эпоху, добавлены на поздней стадии редактирования хроники; они сделали рассказ хрониста о письменности более полным и точным.

А вот как эволюционировало сообщение автора о русско-шведском Ореховецком договоре. При работе над хроникой Олаус Петри допустил ошибку, сочтя, что указанный договор был заключен после похода короля Магнуса Эрикссона в Карелию (1348). В действительности Ореховецкий договор, как известно, был создан в 1323 году. Магнус Эрикссон, от имени которого заключен договор, в то время являлся несовершеннолетним. В ранней редакции «Шведской хроники» упомянуто имя новгородского князя, заключившего мир — Юрий (на шведский манер, Йерен). В поздней редакции изменен титул князя: вместо первоначального *konung* («король», «князь») употреблен термин *furst* («князь»). Имя князя в поздней редакции не приводится. Возможно, исправление было вызвано желанием устранить неточность (ср.: KB D 407a, D 407b; UUB N 141, N 142, W 250; РНБ Швед. F.IV.1).

Интересна трансформация образа короля Магнуса Эрикссона. В средневековых памятниках монарх представлен слабым и распутным. Олаус Петри дает понять, что средневековая критика тенденциозна, обусловлена политическим конфликтом короля и магнатов. Современные исследователи связывают указанный момент с новаторством Олауса Петри как реформатора и историка. В этой связи уместно подчеркнуть: в ранних версиях хроники рассказ о прегрешениях Магнуса Эрикссона дан в кратком, более традиционном виде; отсутствуют замечания, сделанные при работе над поздней редакцией (см. например: KB D 407b, D 409; UUB N 141, N 142; РНБ Швед. F.IV.1.). Таким образом, эволюция образа Магнуса Эрикссона обусловлена работой автора над усовершенствованием хроники, эволюцией Олауса Петри как историка.

Итак, работа с рукописями «Шведской хроники» помогает решить различные исследовательские задачи: расширить представления об исследуемом произведении, уточнить перевод, проследить эволюцию хроники и становление Олауса Петри как историографа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Абрамян Р.М.</i> Роды князей Сумбатовых / Сумбаташвили в России.....	5
<i>Акимова Л.И.</i> К пониманию античных гемм-гриллов.....	7
<i>Алексеевко Н.А.</i> Новые данные о денежном обращении Крыма в начале Нового времени.....	10
<i>Антонец Е.В.</i> Неизданный фрагмент «Энеиды» Вергилия из рукописи Lat. Q.v. I 30 (ОР РНБ): Текст и палеографический анализ.....	13
<i>Арзаканян М.Ц., Герцен А.А.</i> Территория древней Молдавии и ее жители.....	16
<i>Ауров О.В.</i> «Сеньор города» в Кастилии и Леоне в XII – середине XIV века: Институт власти по данным просопографии.....	19
<i>Бакалов С.</i> Руссо-влахская генеалогия: бояре Русу и Орэш..	21
<i>Бенцианов М.М.</i> Родовая память и генеалогические амбиции в синодиках-помянниках XVI–XVII веков.....	25
<i>Болдырева Н.А.</i> Соборное осуждение благовещенского протопопы Андрея Саввиновича в контексте истории Синодальной библиотеки.....	28
<i>Борисов М.Ю.</i> Бумага «московского дела» в издании Апостола (М., 1671): новые наблюдения.....	30
<i>Борисов М.Ю., Захарова А.М.</i> Макулатурные листы московских кириллических изданий XVII–XVIII вв. в переплетах экземпляров изданий Верхней типографии.....	34
<i>Булычев И.А.</i> О найденном Часослове (М., февраль 1680), ранее известном лишь по документам Приказа книг печатного дела.....	37
<i>Валеева Н.Т.</i> Языки и алфавиты в городской среде стран постсоветского пространства (на примере современного Узбекистана).....	40

<i>Василенко Н.А.</i> Перенос слов в латинском письме IX века: некоторые наблюдения.....	42
<i>Гаврилов П.В.</i> Вывод вотчинников новгородской земли в последней четверти XV в.: генеалогический аспект (по писцовым книгам новгородских пятин).....	45
<i>Гуляева А.О.</i> Дипломатическая и палеографическая экспертиза в 20-е годы XVII века (случай из практики работы Поместного приказа и Новой четверти).....	47
<i>Дадыкина М.М.</i> Развитие формуляра прихода-расходных книг в Тотемском соляном промысле Спасо-Прилуцкого монастыря в 1616–1623 и 1640-е годы.....	50
<i>Елохин К.А.</i> Апелляции касиков Новой Испании к гербам предков в XVIII веке.....	53
<i>Емелин И.Б.</i> Пчела и лира — герб России.....	56
<i>Ёлкина С.Ю.</i> Границы юрисдикции: обычное право Шампани и Клермон-ан-Бовези на географической карте Франции второй половины XIII века.....	59
<i>Зверев С.В.</i> Нумизматический кружок студентов Императорского Московского университета (1913 г.).....	61
<i>Казимова Г.А.</i> Некоторые наблюдения по поводу заключительных глав (46–51) Иоасафовского собрания сочинений Максима Грека (РГБ. Ф. 173, МДА Фунд. 42).....	64
<i>Кириллова Е.Н.</i> О некоторых особенностях датировки документов «Рукописного собрания Ламуаньона» (РГАДА).....	67
<i>Киселев А.Л.</i> Неизвестные ранее подробности использования ценных бумаг в качестве денежных знаков (на примере Николаевского-на-Амуре отделения Государственного банка).....	69
<i>Коновалова И.Г.</i> Изображение Европы на средневековых арабских картах.....	72
<i>Корзинин А.Л.</i> К вопросу о датировке древнейшего синодика Московского Успенского собора конца XIV– XVI века.....	75
<i>Кузьмин А.В.</i> «Histoire du Ciel» и история Зодиака. К 150-летию издания русского перевода «Истории неба» Камилла Фламмариона.....	78

<i>Кулиев Т.А.</i> Тюркские тамги на средневековых монетах.....	81
<i>Кутаков С.С.</i> Землевладение тверского архиерея в Тверском уезде: реконструкция по писцовым книгам XVI века.....	84
<i>Литвинов А.С.</i> Иконография курфюрстов Майнца XIII–XIV веков на основе сигиллографического материала	87
<i>Майорова А.С.</i> Летописец Г.А. Скопин — саратовский священнослужитель.....	90
<i>Матисон А.В.</i> Двенадцать фамилий потомков священника, жившего в начале XVII столетия.....	93
<i>Незговорова В.В.</i> Памятные жетоны на знамени воинского объединения Карлсхорста 1908 года.....	96
<i>Окунева О.В.</i> Взгляд на историю страны через призму картографии: О коллективной монографии «История Бразилии в двадцати пяти картах» (Сан-Паулу, 2022).....	99
<i>Петрова М.С.</i> О методике измерения земных поясов в латинской традиции V века (по Макробию).....	102
<i>Пчелов Е.В.</i> Печать дьяка В.Я. Щелкалова 1597 года: о возможной интерпретации изображений.....	105
<i>Пчелов Е.В.</i> Арапчата играют в снежки: к символике образов «Поэмы без героя».....	107
<i>Садриев Т.И.</i> Военные символы королевской власти в англо-саксонской нумизматике VI–XI вв.: шлем, знамя, оружие.....	111
<i>Сергеев А.В.</i> Эволюция состава землевладельцев Ярославского уезда в 1550–1630 гг. в историко- биографическом контексте.....	114
<i>Степанова Ю.В.</i> Картографирование путей миграции выходцев с запада в Русское государство по данным переписных книг XVII века.....	117
<i>Столярова Л.В.</i> Состояние похмелья как «сбивающий фактор»: к вопросу о палеографической идентификации почерков книжных писцов XIV века.....	120
<i>Тогоева О.И.</i> Воображаемая Австралия Джозефа Холла.....	122
<i>Франклин С.</i> Церковнославянский текст в английской рукописи 1640 г. и загадки участия «некоего москвитянина»	124

<i>Хазанова С.И.</i> Послание Филофея «О злых днях и часах» и статьи XV–XVI вв. о добрых и злых днях и часах.....	127
<i>Худин К.С.</i> «Её величество изволит быть довольна...»: доставка винограда из Астрахани к императорскому столу в середине XVIII века.....	130
<i>Черкасова М.С.</i> Актовая терминология в новгородских и двинских грамотах XV–XVI веков.....	133
<i>Черных А.П.</i> Геральдическое наследие Роже де Гэньера.....	135
<i>Чеснокова Н.П.</i> К вопросу о дипломатике царских жалованных грамот православным иноземцам (XVI –начало XVIII вв.).....	138
<i>Шокарев С.Ю.</i> О начале почитания князя Андрея Васильевича Большого Углицкого как святого.....	141
<i>Шустова Ю.Э.</i> Символика титульного листа апракосного Евангелия (Киев, 1707).....	144
<i>Щеглов А.Д.</i> Рукописи «Шведской хроники» Олауса Петри: значение для историка.....	148

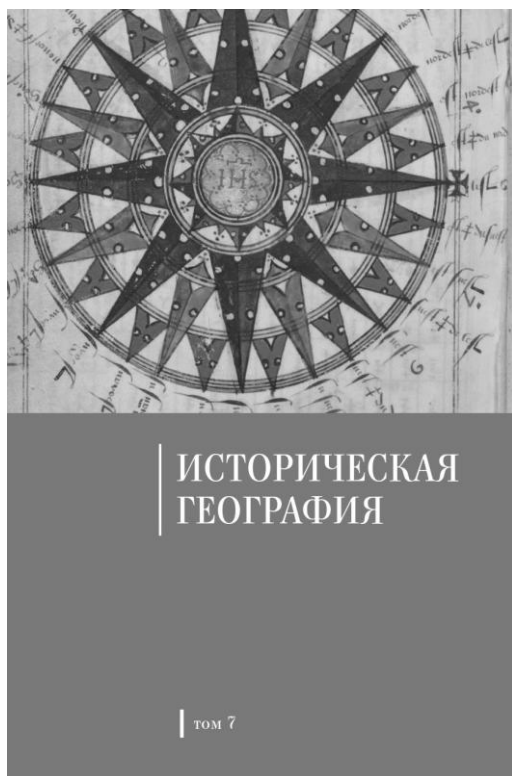
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
Материалы Третьей всероссийской научной конференции.
Москва, 17–18 июня 2025 г. / Отв. ред. Е.Н. Кириллова,
И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2025. — 256 с.

В очередном выпуске проблемно-тематического издания, посвященного актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории Средневековья и раннего Нового времени, помещены материалы Третьей всероссийской научной конференции «Источниковедение в современной медиевистике» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 17–18 июня 2025 г.).

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
/ Под редакцией Е.Н. Кирилловой и И.Г. Коноваловой.
М.: Аквилон, 2024. — 184 с.

В очередном выпуске проблемно-тематического издания, посвященного актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории Средневековья и раннего Нового времени, представлены статьи, демонстрирующие новые подходы к изучению различных типов источников, а также рассматривающие ряд теоретических проблем современного источниковедения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 7

/ Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2025. Т. 7. — 320 с.

В седьмом томе продолжающегося издания «Историческая география» содержатся исследования, посвященные истории античной и средневековой географии и картографии; исторической географии Новгородской земли XV века; историко-географической составляющей международных отношений в XVIII–XIX веках; вопросам источниковедения исторической географии. В книге также помещена рецензия на новейшее исследование по истории урбанистики.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

МАТЕРИАЛЫ
XXXVII НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОСКВА, 1–2 ОКТЯБРЯ 2026 ГОДА

Общая редакция
Ирины Геннадиевны КОНОВАЛОВОЙ
Евгения Владимировича ПЧЕЛОВА

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *П.В. Гаврилов*

Подписано в печать 03. 08. 2026
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Times. Печать цифровая. Усл. печ. л. 13. Тираж 300

Издательство «Аквилон»
<https://www.aquilopress.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Тел. +7 (495) 545 37 10 ; эл. адрес: info@onebook.ru
<https://www.onebook.ru>

ISBN 978-5-6053860-9-4

9 785605 386094 >